

КАЗАНСКИЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№10 2018

Казань - 2018

УДК 08
ББК 72
К4 94

К4 94 Казанская наука. №10 2018г. – Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2018. – 178.

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ № ФС77-59615.

Журнал размещен в открытом бесплатном доступе на сайте www.kazanscience.ru.

Журнал включен ВАК РФ в перечень научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Главный редактор А.Р. Шагимуллин

Редакционная коллегия

*Р.Ф. Бекметов – к.филол.н., доцент; В.В. Кондратьев – д.пед.н., профессор;
Н.С. Найденова – д.филол.н., доцент; А.М. Саяпова – д.филол.н., профессор;
Р.Р. Хуснуллина – д.филол.н., профессор.*

В журнале отражены материалы по теории и практике направлений науки, наиболее интенсивно развивающихся в настоящее время. Представлены труды ученых и специалистов вузов, институтов РАН, организаций, учреждений и предприятий, представителей органов власти.

Материалы журнала будут полезны преподавателям, научным работникам, специалистам научных предприятий, организаций и учреждений, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 08
ББК 72

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

© Казанский Издательский Дом, 2018 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А.М. Саяпова</i> «ГАМЛЕТ» ШЕКСПИРА В ПЕРЕВОДЕ НА ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК Н. ИСАНБЕТОМ	9
--	---

10.01.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>В.Н. Бараков</i> ИЗДАНИЯ Ю.И. СЕЛЕЗНЁВА В УНИВЕРСИТЕТСКИХ БИБЛИОТЕКАХ РОССИИ (АНАЛИЗ ЭЛЕКТРОННЫХ КАТАЛОГОВ)	15
<i>О.И. Бирюкова, И.В. Горобченко, Т.П. Малявина</i> АНГЛИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА РУБЕЖА ВЕКОВ В СИСТЕМЕ ИНТЕРМЕДИАЛЬНОСТИ: К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА	18
<i>Э.М. Галимзянова, Ф.Х. Миннуллина, Ф.Г. Файзуллина</i> ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ПЬЕСЫ Ф. ТУЙКИНА «ЖЕРТВЫ ЖИЗНИ»	21
<i>М.А. Герайзаде</i> ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ ДЖОНА ФАУЛЗА	24
<i>Л.Х. Давлетишина, И.И. Хуснуллина</i> СИМВОЛИКА ПЕЧИ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ТАТАР	27
<i>Г.Н. Зайнеева, Г.А. Хуснутдинова</i> ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Г. ИБРАГИМОВА (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ «НОВЫЕ ЛЮДИ», «КРАСНЫЕ ЦВЕТЫ», «ЛЮДИ»)	30
<i>Т.И. Зайцева, О.И. Налдеева, И.Ф. Павлова, Е.П. Прокаева</i> ВОЕННАЯ ПУБЛИЦИСТИКА ПИСАТЕЛЕЙ УДМУРТИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВОВ)	33
<i>Я.В. Иконникова, Н.Ю. Желтова</i> ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО РОМАНА А.И. КУПРИНА «ЮНКЕРА» КАК МАРКЕР КОНЦЕПТА «СВОЕ-ЧУЖОЕ»	36
<i>Т.Ю. Климова</i> СМЫСЛОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ ТЕКСТОВ В МЕТАНАРРАТИВЕ В. МАКАНИНА «КЛЮЧАРЕВ-РОМАН»	40
<i>Б.В. Кондаков, Ван Кэвэнь, А.А. Краснаярова</i> «КИТАЙСКИЙ ТЕКСТ» РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XXI ВЕКА	44
<i>М.В. Мелихов</i> ОГОНЬ ИЛИ ЛЕД: КАРТИНЫ АДА И СТРАШНОГО СУДА В ВИДЕНИЯХ ПЕЧОРСКОГО СТАРООБРЯДЦА С.А. НОСОВА	49
<i>А.М. Соян</i> СВОЕОБРАЗИЕ ПОЭЗИИ А.БЕГЗИН-ООЛА: ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИСТОКИ	53
<i>О.Ю. Юрьева, Ван Ланьцзюй</i> ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР» В СВЕТЕ ИДЕЙ КИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ	56

10.02.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>М.А. Битнер, И.В. Кудашов, Е.С. Мучкина</i> ОТРАЖЕНИЕ ОБРАЗА РОССИЙСКОГО ПРЕЗИДЕНТА В СЕМАНТИКЕ АНГЛИЙСКИХ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ С КОРНЕМ PUTIN	60
<i>И.А. Борисенко, М.Г. Воднева</i> ПОВЫШЕНИЕ МОТИВАЦИИ И ПРЕОДОЛЕНИЕ ТРУДНОСТЕЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ	64
<i>С.В. Буренкова, С.Е. Груенко</i> ЗАИМСТВОВАНИЯ С КОГНИТИВНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА МОДЫ)	67
<i>К.Н. Бурнакова, Т.Н. Боргоякова</i> ИССЛЕДОВАНИЕ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ЧАСТИЦАМИ: СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА	70
<i>К.Н. Гафиуллина</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ, ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ АНГЛИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ СУДЕБНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА	74

<i>В.Е. Глызина, Н.Е. Горская, А.В. Федорюк</i> СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АНГЛИЙСКИХ ИМЕН, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ЕДИНИЦЫ ВРЕМЕНИ	77
<i>С.А. Громыко, С.А. Ганичева</i> АНТИТЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ПОСТРОЕНИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В РУССКОЙ ПАРЛАМЕНТСКОЙ РЕЧИ НАЧАЛА XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ ДЕПУТАТОВ-НАЦИОНАЛИСТОВ)	80
<i>Р.А. Даминова</i> ФОНОСЕМАНТИКА: ОТ ИДЕИ ДО САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ	84
<i>Л.М. Дзуганова, З.О. Доткулова, Ф.М. Ордокова, А.Г. Хамурзова</i> ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФЕНОМЕНА «РОДИНА» В АДЫГСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ	88
<i>Б.Н. Жантурина</i> ДЕВИАНТНОСТЬ В ТЕКСТОВЫХ ПАРАДИГМАХ ПРИ ПЕРЕВОДЕ	92
<i>Г.Х. Зиннатуллина</i> АНТРОПОНИМЫ В СИСТЕМЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА	95
<i>Е.Е. Ласкина, С.Е. Марченко, О.Б. Мойсова</i> АНАЛИЗ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АББРЕВИАТУР В ИНСТРУКЦИЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ БЫТОВЫХ ИНСТРУКЦИЙ ВЕКО)	98
<i>И.В. Марзоева, Г.Р. Муллахметова</i> СПОСОБЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СОБЕСЕДНИКА ПУТЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ: АНГЛИЙСКИЙ, ФРАНЦУЗСКИЙ, РУССКИЙ, ТАТАРСКИЙ)	102
<i>Е.В. Меркель, А.Р. Петровская, Л.А. Яковлева</i> ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОЙКОНИМОВ ЮЖНОЙ ЯКУТ	105
<i>В.И. Миколайчик</i> СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ СЕМАНТИЧЕСКИХ ЭКВИВАЛЕНТОВ РУССКИХ МНОГОЗНАЧНЫХ ГЛАГОЛОВ В ЗАПАДНОИРАНСКИХ ЯЗЫКАХ	108
<i>Е.В. Мусина, Д.А. Тишкина</i> СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АДЪЕКТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ	112
<i>З.А. Мухаева, Р.С. Барсукова, М.Р. Булатова</i> МУЖСКИЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА ПЕРМСКИХ ТАТАР НАЧАЛА XIX в.	115
<i>Х.Б. Нурғалина, Л.Г. Юсупова</i> ПРОЗВИЩА КАК ОСОБЫЙ ВИД АНТРОПОНИМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, РУССКОГО И БАШКИРСКОГО ЯЗЫКОВ)	118
<i>И.М. Солодкова, Л.Р. Исмаилова, А.Р. Нурутдинова, Е.В. Дмитриева</i> СЛОЖНОСТЬ ПЕРЕВОДА СЕМАНТИЧЕСКИХ СТРУКТУР ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ОНОМАСТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)	121
<i>Ц.Ц. Огдонова</i> К ВОПРОСУ О КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОМ МОДЕЛИРОВАНИИ НАУЧНОГО КОНЦЕПТА «ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ»	126
<i>О.В. Праченко, Е.С. Хованская, Л.Н. Юзмухаметова</i> ПЕРЕВОД ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ИНДУСТРИИ МОДЫ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ	129
<i>Г.С. Сатаева, Н.А. Сидорова, И.Н. Тупицына</i> ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛИЧНОСТНОГО ВЫБОРА	132
<i>М.А. Солошенко</i> ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ: УРОВЕНЬ СЕМАНТИКИ И УРОВЕНЬ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ СТРУКТУР (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)	137
<i>А.Ю. Трусова, С.В. Птушко</i> К ВОПРОСУ О МАНИПУЛЯЦИИ КАК КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ОСВЕЩЕНИЯ КОНФЛИКТА НА УКРАИНЕ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПЕРИОДИКЕ)	143
<i>М.С. Харченко, Т.В. Горбунова</i> ИСТОРИЯ ОДНОЙ КОНСТРУКЦИИ: К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ КОНСТРУКЦИИ <i>NEITHER/NOR/SO DO I</i> , ОБРАЗОВАННОЙ ПО ПРИНЦИПУ ЗЕРКАЛЬНОЙ СИММЕТРИИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	147
<i>Н.Ф. Хасанова</i> ПРОБЛЕМА АНТИЦЕННОСТЕЙ В АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ	151

<i>И.В. Шерстяных</i> СТЕРЕОТИПНЫЙ ОБРАЗ ЛЕКСЕМЫ «ЖАНР» В РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)	154
<i>М.В. Шурупова</i> ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОРРЕКТНОСТИ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ	158
<i>М.А. Яхин, Г.Р. Еремеева, А.Ю. Ермоленко</i> СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АВТОРСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ПРОЗЫ	161
<i>М.А. Яхин, Г.К. Исмаилова, Н.А. Сигаева</i> РУССКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ТАТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ	164
АННОТАЦИИ	167

THE RELEASE MAINTENANCE

<i>A.M. Sayarova</i> SHAKESPEAR'S HAMLET IN ITS TRANSLATION INTO THE TATAR LANGUAGE BY N. ISANBET	9
---	---

10.01.00 – PHILOLOGICAL SCIENCES – LITERARY CRITICISM

<i>V.N. Barakov</i> THE YU.I. SELEZNYOV EDITIONS IN UNIVERSITY LIBRARIES OF RUSSIA (THE ANALYSIS OF ELECTRONIC CATALOGUES)	15
<i>O.I. Biryukova, I.V. Gorobchenko, T.P. Malyavina</i> ENGLISH LITERATURE OF THE TURN OF THE CENTURY IN THE SYSTEM OF INTERMEDIALITY: ON THE PROBLEM OF MODELING ART SPACE	18
<i>E.M. Galimzyanova, F.H. Minnullina, F.G. Faizullina</i> THE GENRE SPECIFICITY PLAYS F. TUIKINA «VICTIM OF LIFE»	21
<i>M.A. Gerayzade</i> EXISTENTIALISM IN THE WORK OF JOHN FOULZ	24
<i>L.Kh. Davletshina, I.I. Khusnullina</i> SYMBOLISM OF THE FURNACE IN THE TRADITIONAL CULTURE OF THE TATARS	27
<i>G.N. Zayneeva, G.A. Husnutdinova</i> THE HISTORICAL REALITY IN THE WORKS OF G. IBRAGIMOV (ON THE EXAMPLE OF WORKS «NEW PEOPLE», «RED FLOWERS», «PEOPLE»)	30
<i>T.I. Zaitseva, O.I. Naldeeva, I.F. Pavlova, E.P. Prokaeva</i> MILITARY JOURNALISM OF WRITERS OF UDMURTIA (BASED ON ARCHIVES)	33
<i>Ya.V. Ikonnikova, N.Yu. Zheltova</i> ARTISTIC SPACE OF THE NOVEL BY A. KUPRIN «CADETS» AS IDENTIFICATION MARK OF THE CONCEPT «OWN-OTHER»	36
<i>T.Yu. Klimova</i> MEANING RELATIONS OF TEXTS IN THE V. MAKANIN'S METANARRATIV "KLYUCHAREV-NOVEL"	40
<i>B.V. Kondakov, Wang Kewen, A.A. Krasnoyarova (Popkova)</i> «CHINESE TEXT» OF RUSSIAN LITERATURE OF THE XXI CENTURY	44
<i>M.V. Melikhov</i> FIRE OR ICE: PICTURES OF HELL AND SCARY IN VISIONS OF OLD BELIEVER FROM THE PECHORA S.A. NOSOVA	49
<i>A.M. Soyán</i> THE ORIGINALITY OF THE POETRY OF A. BEGZIN-OOL: FOLK ORIGINS	53
<i>O.Yu. Yureva, Van Lasnzuj</i> THE FEMALE CHARACTERS IN THE NOVEL L. N. TOLSTOY "WAR AND PEACE" IN LIGHT OF THE IDEAS OF CHINESE PHILOSOPHY	56

10.02.00 - PHILOLOGICAL SCIENCES –LINGUISTICS

<i>M.A. Bitner, I.V. Kudashov, E.S. Muchkina</i> ENGLISH OCCASIONAL WORDS WITH THE ROOT "PUTIN" AS THE MEANS OF CREATING THE PRESIDENT'S MASS MEDIA IMAGE	60
<i>I.A. Borisenko, M.G. Vodneva</i> INCREASING OF MOTIVATION AND OVERCOMING DIFFICULTIES IN TRAINING GERMAN LANGUAGE FOR THE STUDENTS OF MEDICAL UNIVERSITIES	64
<i>S.V. Burenkova, S.Ev. Gruenko</i> BORROWING FROM COGNITIVE POINT OF VIEW (BASED ON THE FRENCH LOAN-WORDS IN FASHION GERMAN)	67
<i>K.N. Burnakova, T.N. Borgoyakova</i> RESEARCH OF INTERROGATIVE SENTENCES WITH PARTICLES:STRUCTURE AND SEMANTICS	70
<i>K.N. Gafiullina</i> LINGUISTIK AND EXTRALINGUISTIC FACTORS OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF ENGLISH LEGAL TERMINOLOGY OF JUDICIAL PROCEDURE LAW	74
<i>V.Ye. Glyzina, N.Ye. Gorskaya, A.V. Fedoryuk</i> SEMANTIC INTERPRETATION OF ENGLISH NOUNS REFERRING TO UNITS OF TIME	77

S.A. Gromyko, S.A. Ganicheva ANTINHENICAL MODEL CONSTRUCTION STATEMENT IN THE RUSSIAN PARLIAMENTARY DEBATE IN THE BEGINNING OF TWENTIETH CENTURY (ON THE MATERIAL OF THE SPEECH OF NATIONALISE DEPUTIES)	80
R.A. Daminova PHONOSEMANTICS: FROM THE IDEA TO THE INDEPENDENT DISCIPLINE	84
L.M. Dzuganova, Z.O. Dotkulova, F.M. Ordokova, A.G. Khamurzova LINGUAL REPRESENTATION OF THE PHENOMENON "HOMELAND" IN THE ADYGHE LINGUOCULTURE	88
B.N. Zhanturina DEVIANCE IN TEXTUAL PARADIGMS UNDER TRANSLATION	92
G.H. Zinnatullina THE ANTHROPONYMS IN THE SYSTEM OF THE ARTISTIC TEXT	95
E.E. Laskina, S.E. Marchenko, O.B. Moysova FUNCTIONING ANALYSIS OF ABBREVIATIONS IN INSTRUCTIONS (ON THE BASIS OF DOMESTIC INSTRUCTIONS BEKO)	98
I.V. Marzoeva, G.R. Mullahmetova THE EMOTIONAL IMPACT METHODS BY USING PHRASEOLOGICAL UNITS IN ENGLISH, FRENCH, RUSSIAN AND TATAR LANGUAGES	102
E.V. Merkel, A.R. Petrovskaya, L.A. Yakovleva LEXICAL-SEMANTIC ANALYSIS OF OIKONYMS IN SOUTHERN YAKUTIA	105
V.I. Mikolaichik STRUCTURAL SEMANTIC TYPES OF EQUIVALENTS OF RUSSIAN POLYSEMOUS VERBS IN WESTERN IRANIAN LANGUAGES	108
E.V. Musina, D.A. Tishkina COMPARATIVE ANALYSIS OF ADJECTIVE PHRASEOLOGICAL UNITS WITH ZOONYM COMPONENT	112
Z.A. Mukhaeva, R.S. Barsukova, M.R. Bulatova MEN'S PERSONAL NAMES OF THE TATARS IN PERM THE BEGINNING OF THE NINETEENTH CENTURY	115
Kh.B. Nurgalina, L.G. Yusupova THE NICKNAMES AS A SPECIAL KIND OF ANTHROPONYMS (BASED ON THE ENGLISH, RUSSIAN AND BASHKIR LANGUAGES)	118
I.M. Solodkova, L.R. Ismagilova, A.R. Nurutdinova, E.V. Dmitrieva THE TRANSLATION COMPLEXITY OF SEMANTIC STRUCTURES IN PHRASEOLOGICAL UNITS WITH ONOMASTIC COMPONENT (CASE STUDY: THE ENGLISH LANGUAGE)	121
Ts.Ts. Ogdanova TO THE QUESTION OF COGNITIVE-DISCOURSE MODELING SCIENTIFIC CONCEPT «LANGUAGE SITUATION»	126
O.V. Pratchenko, E.S. Khovanskaya, L.N. Uzmuhametova TRANSLATION OF TERMINOLOGICAL UNITS OF FASHION INDUSTRY FROM ENGLISH INTO RUSSIAN	129
G.S. Satejeva, N.A. Sidorova, I.N. Tupitsyna PSYCHOLINGUISTIC ASPECTS OF PERSONAL CHOICE	132
M.A. Soloshenko LEXICO-SEMANTIC VARIATION: LEVEL OF SEMANTICS AND LEVEL OF CONCEPTUAL STRUCTURES (BASED ON THE ENGLISH LANGUAGE MATERIAL)	137
A.Yu. Trusova, S.V. Ptushko TO THE QUESTION OF MANIPULATION AS A COMMUNICATIVE STRATEGY IN MODERN ENGLISH" (ON THE BASIS OF ENGLISH-SPEAKING PRESS)	143
M.S. Kharchenko, T.V. Gorbunova THE HISTORY OF ONE CONSTRUCTION: TO THE ISSUE OF FUNCTIONING OF THE CONSTRUCTION NEITHER/NOR/SO DO I, FORMED ON THE PRINCIPLE OF REFLECTIONAL SYMMETRY	147
N.F. Khasanova A PROBLEM OF ANTIVALUES IN AXIOLOGICAL LINGUISTICS	151
I.V. Sherstyanykh THE STEREOTYPICAL IMAGE OF THE TOKENS OF "GENRE" IN THE SPEECH OF RUSSIAN NATIVE SPEAKERS (ON BASIS OF THE RUSSIAN NATIONAL CORPUS)	154
M.V. Shurupova POLITICAL CORRECTNESS IN RUSSIAN REALITY	158

<i>M.A. Yakhin, G.R. Yermeeva, A.Yu. Ermolenko</i> SPECIFIC TRANSLATION FEATURES OF AUTHOR NEOLOGISMS ON THE EXAMPLE OF MODERN ENGLISH PROSE	161
<i>M.A. Yakhin, G.K. Ismagilova, N.A. Sigacheva</i> RUSSIAN BORROWINGS IN THE LITERARY WORKS OF THE TATAR WRITERS	164
ABSTRACTS	167

10.01.00

А.М. Саяпова

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
институт филологии и межкультурной коммуникации имени Льва Толстого,
кафедра русской и зарубежной литературы,
Казань, Albina.Sayapova@kpfu.ru

«ГАМЛЕТ» ШЕКСПИРА В ПЕРЕВОДЕ НА ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК Н. ИСАНБЕТОМ

В статье рассматриваются особенности перевода «Гамлета» Уильяма Шекспира Наки Исабетом, татарским писателем, ученым-лингвистом, автором фундаментального труда в 3-х томах «Словарь татарских пословиц и поговорок» (на татарском языке). Особенности перевода Н. Исанбета в статье рассматриваются на текстуальном уровне в сравнительно-сопоставительном его анализе с текстами оригинала и перевода М. Лозинского, мастера переводческой школы высочайшего уровня, который стал учителем для переводчиков многих национальностей, в том числе татар. В качестве конкретного материала нами взят текст 2 сцены III акта, в которой актеры разыгрывают роли короля и королевы. В данной сцене – «мышеловке» – сфокусированы основные смысловые сентенции произведения. Анализ трех прозаических текстов проводится на уровне синтагм – основных языковых единиц, с которыми работает переводчик как поэзии, так и прозы. При передаче интонации и ритма оригинала, как для М. Лозинского, так и для Н. Исанбета, характерна ориентация на общий контекст произведения, его смысл. Каждый из них в своем языке находит средства для воссоздания интонации и ритма, аналогичные ритму оригинала. Перевод поэтической части оригинала на татарский язык потребовал сопряженности перевода с интерпретацией.

Ключевые слова: «Гамлет» Шекспира, перевод Исанбета, сопоставительный анализ, синтагма.

В рамках данной статьи представляется интересным рассмотреть особенности перевода «Гамлета» Уильяма Шекспира Наки Исабетом, татарским писателем, ученым-лингвистом, автором фундаментального труда в 3-х томах «Словарь татарских пословиц и поговорок» (на татарском языке). Известен он также как переводчик не только «Гамлета» Шекспира, но и «Короля Лира». Как пишет Ю. Сафиуллин, заведующий литературной частью Татарского государственного театра имени Г. Камала, Н. Исанбет приступает к поэтическому переводу «Гамлета» сразу после первой постановки этой пьесы в прозаическом переводе Гали Рахима на сцене татарского театра. Н. Исанбет работал над переводом не спеша, в течение нескольких лет. В 1952 году «Гамлет» в переводе Н. Исанбета выходит в Татгосиздате отдельной книгой. По свидетельству воспоминаний самого переводчика, «Гамлета» он переводил, ориентируясь на текст оригинала и сверяя (редактируя) свой текст с переводом М. Лозинского 1937 года [1, с.10].

Известно, что М. Л. Лозинский – первый прославленный переводчик «Гамлета», которого он перевел в 1932 году. Переводом «Гамлета» он виртуозно осуществил на практике свою теорию прямого, максимально точного перевода. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить текст перевода М. Лозинского с комментарием оригинала, выполненным М. М. Морозовым [Ш.Г.]. Ориентация на высокие достижения русской поэтической культуры способствовала выражению установки на художественно адекватный перевод.

Особенности перевода «Гамлета» Н. Исанбетом в рамках данной статьи рассмотрим на текстуальном уровне в сравнительно-сопоставительном его анализе с текстами оригинала и перевода, выполненного М. Лозинским, мастером переводческой школы высочайшего уровня, который стал учителем для переводчиков многих национальностей, в том числе татар, в частности, в лице Н. Исанбета.

Методом «точечного» выбора в качестве конкретного материала для анализа нами взят текст 2-ой сцены III акта. В ней актеры разыгрывают роли короля и королевы: Гамлет устраивает представление, которое, как он и задумал, оказывается «мышеловкой» для короля. В данной сцене сфокусированы основные смысловые предложения произведения, начиная со следующей: «...актеры не умеют хранить тайн; они всегда все скажут» [Ш.Л., с. 86]. Сцена написана прозой и стихами. Начинается она с трехчастного монолога Гамлета, обращенного к актерам. Анализ трех текстов проведем на уровне синтагм – основных языковых единиц, с которыми работает переводчик как поэзии, так и прозы.

До того как обратиться к переводу «Гамлета» татарским переводчиком, скажем несколько слов об основном научном инструментарии, которым мы воспользуемся при анализе текстов переводов. Как утверждает Гиви Гачечиладзе (1914-1974) – один из крупнейших специалистов в области теории художественного перевода, переводчик Шекспира, Байрона, Шелли и других английских поэтов на грузинский язык, основная языковая единица, с которой сталкивается переводчик прозы, «это не слово, а синтагма – смысловая группа слов, их ритмико-синтаксическое объединение, связанное с другими сходными объединениями и осмысленное в единстве с фразой и со всем контекстом» [2, с. 178]. Естественно, ученый подчеркивает, что любая смысловая группа слов (синтагма) не может быть «переведена в отрыве от целого, то есть от законченной составной части произведения, а эта составная часть в свою очередь не может быть переведена в отрыве от всего произведения» [2, с. 178].

Итак, используя данное определение синтагмы, рассмотрим своеобразие синтагм в переводных текстах Н. Исанбета, их ритмико-синтаксическое выражение. Возьмем первую часть трехчастного монолога Гамлета, обращенного к актерам. Напомним высказывание Г. Гачечиладзе о том, что «ритм прозы создается не повторением равномерных единиц, а повторением смысловых ударений, последовательностью повышения и понижения интонации, симметричным строем предложений и расположением синтагм...» [2, с. 188]. В конечном итоге, ритм прозы – это не только организация языкового материала, но и явление, несущее художественно-эстетическую функцию.

Начнем с того, что текст перевода М. Лозинского максимально приближен к тексту оригинала, чему доказательством могут послужить комментарии М. М. Морозова, к которым, по мере необходимости, мы будем обращаться.

Текст же Н. Исанбета во многих случаях отличен как от текста оригинала, так и от текста перевода М. Лозинского. Попробуем разобраться в данном явлении. Напомним, что, по словам самого Н. Исанбета, в процессе перевода «Гамлета» он изучал не только оригинал, но и сверялся с переводом М. Лозинского. Возьмем первое предложение монолога в переводе М. Лозинского:

Произносите монолог,/ прошу вас,/ как я вам его прочел,/ легким языком;/ а если вы станете его горланить,/ как это у вас делают многие актеры,/ то мне было бы одинаково приятно,/ если бы мои строки читал бирюч [Ш.Л., с. 80].

Предложение состоит из двух частей, разделенных точкой с запятой. В первой части – в форме просьбы содержится режиссерский совет Гамлета актерам, во второй – возможный результат при нарушении предлагаемых актерских действий. Предложение состоит из 8 смысловых групп слов – синтагм.

У Н. Исанбета:

Монологны,/ зинһар өчен,/ мин сиңа күрсәткәнчә,/ телеңне бутамыйча гына сөйлә ./ Әгәр син аны,/ артистларыгызының күбесе кебек,/ корыга бакырып кына чыгасың икән/ – шигырьләремне урамда кычкырып / кырыктартамчы сөйләве яхшырак [Ш.И., с. 88].

Буквальный перевод:

Произнеси монолог,/ очень прошу,/ как я тебе показал,/ без каши во рту./ Если ты,/ как большинство ваших артистов,/ сухо проорешь его/ – будет лучше,/ если мои стихи на улице/ громко озвучит корабейник.

Н. Исанбет вторую часть предложения представляет отдельным предложением. Синтагм в татарском тексте на одну единицу больше, чем в русском, их 9.

Текст перевода М. Лозинского максимально приближен к тексту оригинала, о чем свидетельствуют комментарии М. М. Морозова. Так, фраза Лозинского «мне было бы одинаково приятно, / если бы мои строки читал бирюч» соответствует оригиналу: «I had as life the town-crier spoke my lines» [Ш.Г., с. 55]. «Town-crier spoke» Лозинский переводит как «бирюч»: в сноске к тексту дается перевод этого слова – «глашатай, герольд» [Ш.Л., с. 80].

Н. Исанбет же сочетание «Town-crier spoke» переводит не словом «бирюч-глашатай», а находит более понятный для татарского читателя образ – «кырыктартмачы, в буквальном переводе – «коробейники» (коробейники тоже громким голосом привлекали внимание покупателя к своему товару).

Рассмотрим характер построения синтагм в татарском переводе. Прежде всего, наше внимание привлекает то, что озвученный текст Исанбета говорит о ритмизации синтагм в прозаическом тексте благодаря рифмующимся слогам. Исанбет как высочайший мастер афоризмов, о чем можно судить по его «Словарю татарских пословиц и поговорок», в своем прозаическом переводе Шекспира без труда выстраивает рифмующиеся языковые единицы. Так, в приведенном абзаце прозаическая рифма соединяет первую синтагму со второй (монологны, / зинһар өчен); рифма присутствует внутри третьей и четвертой синтагм (мин сиңа күрсәткәнчә, / телеңне бутамыйча); рифмуется конец шестой синтагмы с началом седьмой (күбесе кебек, / корыга бакырын) и т. д. Рифмованные единицы прозы облегчают восприятие текста, подчеркивают его смысловые ударения, способствуют симметричному расположению синтагм. В целом, увеличивают его эстетическую ценность.

Говоря об этом фрагменте текста, стоит заметить, что Исанбет переводит «I pray you» как «мин сиңа күрсәткәнчә», т. е. «you» как «ты», Лозинский – как «вы»: «как я вам его прочел». Так происходит по той причине, что ремарка «Hamlet and two or three of the Players» не дает уточнения – к одному или ко всем актерам обращается Гамлет.

Рассмотрим последнее предложение этого монолога Гамлета. В соответствии с оригиналом М. Лозинский переводит его так:

*О, / мне возмущает душу, / когда я слышу, / как здоровенный, лохматый детина / рвет
страсть в клочки, / прямо-таки в лохмотья, / и раздирает уши партеру, / который по
большей части / ни к чему не способен, / кроме невразумительных пантомим и шума; / я бы
отхлестал такого молодца, / который старается перещеголять Термаганта; / они готовы
Ирода переиродить; / прошу вас, / избегайте этого [Ш.Л., с. 80]. .*

У Н. Исанбета:

*Мин кайчагында шуны күрәм; / башына ялбыр парик кигән, / дөя хәтле бер олан чыга да /
үзенең хисләрен / йон урынына йолкырга тотына, / күрәм, / шулай җәңләнеп ул, / күбесенчә, /
шул аңлаешсыз пантомималар белән / шул бакырынудан башка / берни дә аңламаган
галёрканың / колагын тондыра, / шуны ишеткәндә, / минем саруларым кайный. / Термагантның
үзеннән уздырырга көчәнүче / мондый егетне / мин рәхәтләнеп тунар идем. / Бу Герод
патшаның үзеннән дә гарибрәк. / Үтенәм синнән, / моны куй [Ш.И., с. 88].*

Буквальный перевод:

*Я иногда вижу, / одев на голову куцый парик, / выходит малый / величиной с верблюда, /
начинает рвать свои чувства, / как теребят шерсть, / вижу, / так беснуясь, / он, в
большинстве случаев, / этими непонятными пантомимами, / кроме бессмысленного ора /
ничего не понимающей галёрке / забивает уши, / услышав это, / у меня начинается изжога. /
Такого парня, / сияющего обойти самого Термаганта, / я бы с удовольствием отлупил. / Он
уродливее самого царя Ирода. / Прошу тебя, / оставь это.*

Уже зрительное восприятие текста Исанбета говорит о величине конструкции этого фрагмента: если в тексте Лозинского 15 смысловых единиц, то у Исанбета их 20 (в буквальном переводе – 21). Если Лозинский начинает этот фрагмент с эмоционально-оценочной фразы («О, мне возмущает душу»), что соответствует тексту оригинала («Oh, it offends me to the soul » [Ш.Г., с. 55], то Исанбет, начиная предложение с нейтральной констатации явления («Мин кайчагында шуны күрәм»), завершает его эмоциональным всплеском («минем саруларым кайный»). Причем, если Лозинский, как и Шекспир, пишет:

«когда я слышу», то у татарского переводчика – глагол зрительного восприятия: «мин кайчагында шуны күрәм» («я иногда вижу»). Если следующий фрагмент текста Лозинского максимально приближен к тексту оригинала (у Лозинского: «когда я слышу, как здоровенный, лохматый детина рвет страсть в клочки, прямо-таки в лохмотья»; у Шекспира: «to hear a robustious periwig-pated fellow tear a passion to tatters, to very rags»), то текст Исанбета имеет свои особенности. Так, если его фраза «үзенең хисләрен йон урынына йолкырга тотына» («начинает рвать свои чувства, как теребят шерсть») близка к фразе оригинала, то дальнейшая конструкция фразы отличается, как от текста Лозинского, так и от текста оригинала. Исанбет, еще раз повторяя глагол «вижу» («күрәм»), расширяет смысловое содержание переводимого текста: «күрәм, шулай җенләнен ул, күбесенчә, шул аңлаешсыз пантомималар белән шул бакырынудан башка берни дә аңламаган галерканың колагын тондыра» («вижу, так беснуясь, он, в большинстве случаев, этими непонятными пантомимами, кроме бессмысленного ора ничего не понимающей галёрке забивает уши»).

Заметим, что в фразе «раздирает уши партеру» Исанбет слово «партер» переводит как «галёрка», что соответствует современному обозначению дешевых мест в театре. Во времена Шекспира публика в партере стояла и места именно там были самые дешевые.

Скажем несколько слов о синтаксических особенностях рассматриваемого фрагмента текста. У Лозинского этот фрагмент состоит из одного сложного предложения, в котором союзное соединение предложений сочетается с бессоюзным: между предложениями, соединенными бессоюзной связью, стоят точки с запятой, а между предложениями, связанными союзом, – запятые. Исанбет разбивает фрагмент на несколько предложений. Если бессоюзные части сложного предложения в переводе Лозинского соответствуют оригиналу, то Исанбет выделяет эти части в отдельные предложения, что допускается некоторой смысловой отдаленностью частей бессоюзного сложного предложения. Делается это во избежание громоздкости предложения.

Таким образом, анализ трех текстов, проведенных на уровне синтагм – основных языковых единиц, с которыми работает переводчик и прозы, говорит о том, что при передаче интонации и ритма оригинала, как для М. Лозинского, так и для Н. Исанбета, характерна ориентация на общий контекст произведения, его смысл. Каждый из них в своем языке находит средства для воссоздания интонации и ритма ритму оригинала.

Несколько по-другому обстоит дело с переводом поэтических фрагментов рассматриваемой нами сцены пьесы. Перевод поэтической части оригинала на татарский язык потребовал сопряженности перевода с интерпретацией. Эта часть в переводе на татарский язык, соответствуя общему смысловому содержанию, меняется, поскольку переводимое преобразуется в соответствии с языковыми особенностями другой нации. Многие фрагменты отличаются от исходного текста, поскольку перевод поэтических высказываний на иной язык, в другую семиотическую область, требует перекодировки многих языковых единиц. Сначала скажем о переводе М. Лозинским диалога актера-короля с актером-королевой. Он во многом соответствует как форме, так и содержанию оригинала. Сохраняется количество строк (их 6), основные образы: «колеса Феба», «связал (соединил)...руки Гименей»:

*Се тридцать раз круг моря и земли
Колеса Феба в бегах текли,
И тридцатью двенадцать лун на вас
Сияло тридцатью двенадцать раз,
С тех пор как нам связал во цвете дней
Любовь, сердца и руки Гименей [Ш.Л., с. 87].*

Вместе с тем, как и любой поэтический текст в переводе, текст Шекспира в интерпретации М. Лозинского несколько трансформирован. Так, если у Шекспира «колеса Феба обернулись вокруг соленых вод Нептуна и сферической земли Теллуса» (буквальный перевод) [Ш.Г., с. 60], то М. Лозинский освобождает свой текст от античных образов Нептуна и Теллуса, перевод которых утяжелил бы поэтическую конструкцию с центральным

образом «колеса Феба». Следующие рифмующие две строфы («And thirty dozen moons with borrow'd sheen / About the world have times twelve thirties been») [Ш.Г., с. 60]. М. Лозинский великолепно обыгрывает благодаря повтору сочетания двух числительных «тридцатью двенадцать» в двух рифмующихся синтагмах: «тридцатью двенадцать лун» и «тридцатью двенадцать раз», что способствует усилению экспрессивного эффекта [Ш.Л., с. 87].

Н. Исанбет же в своем переводе данного фрагмента текста увеличивает количество строф в два раза, что соответствует его переводческой тенденции: при переводе всего диалога актера-короля с актером-королевой, сохраняя общий смысл оригинала и основные образы, Н. Исанбет каждую строфу оригинала переводит двумя короткими, что облегчает восприятие текста, приближает его к татарской разговорной речи, для которой характерны устойчивые фразеологические единицы, такие как поговорки, пословицы:

*Махэббат безнең йорэктә
Кабынган көннән бирле,
Кулларга никах чылбыры
Тагылган көннән бирле,
Көн арбасы күк өстендә
Жирне-суны тираләп,
Ел артыннан еллар сызды
Инде утыз түгәрәк.
Ел тәүлеге унике ай
Нур алмашып, ялтырап,
Жир тирәли йөрөп үтте
Унике утыз кабат* [Ш.И., с. 96].

Бросается в глаза и то, что Н. Исанбет как бы переворачивает поэтическую конструкцию переводимого текста. Если у М. Лозинского, как и у Шекспира, конструкция фразы начинается с обыгрывания количество лет с того времени, как связаны Гименеем сердца и руки Клавдия и Гертруды (прошло тридцать лет, как связал сердца и руки Гименей), то фраза Н. Исанбета начинается с констатации любви между Клавдием и Гертрудой, которая зажглась со времени, как связаны их сердца и руки узами брака; завершается фраза поэтическим определением прошедших тридцати лет.

Примечательно и то, что в тексте Н. Исанбета нет античных образов. Он отказывается даже от единственного античного образа «колеса Феба», который оставил в своем тексте М. Лозинский. «Колеса Феба» Н. Исанбет переводит как «көн арбасы» («телега дня»).

Скажем и о том, что для текста Н. Исанбета характерна своеобразная рифма строф. В двенадцати-строфном фрагменте рифма достигается не только созвучием окончаний второй строфы с четвертой, шестой с восьмой, десятой с двенадцатой, но и созвучием синтагм внутри рифмующихся строф: «кабынган көннән бирле», «тагылган көннән бирле»; «жирне-суны тираләп», «инде утыз түгәрәк»; «нур алмашып, ялтырап», «унике утыз кабат» [Ш.И., с. 96].

В заключение скажем, что проанализированные фрагменты переводов текста «Гамлета» Шекспира на русский и татарский языки еще раз подтверждают известное положение о том, что центральное понятие в переводе это понимание прежде всего смысла переводимого, его схватывание как целого, вслед за которым у переводчика начинается процесс истолкования, который сопряжен с переводом текста на другой язык. Как правило, в новом контексте переводимое слово легко меняет свой смысл, что связано с его перекодировкой на другой язык. Вместе с тем переведенный текст не может быть свободным от субъективной окрашенности, личностных высказываний самого переводчика. Сказанное приводит к тому, что переведенное слово, как по причине объективных языковых законов, связанных с перекодировкой на другой язык, так и по причинам субъективно-авторским, зачастую приобретает характер «многозначности». Именно поэтому оно оказывается способным видоизменяться, что и является поводом для нескончаемых рядов интерпретаций. Таким образом, смысл переводимого – это не только вложенное в текст автором оригинала, но и то, что извлекает из него переводчик, который не может не быть толкователем.

Источники

- Ш.Г.– Hamlet Prince of Denmark / Полный текст трагедии со словарем и комментарием проф. М. М. Морозова. – М.: Изд-во литер. на иностранных языках, 1939. – 192 с.
- Ш.Л. – Шекспир У. Гамлет. Принц Датский. Трагедия в пяти актах / пер. М. Лозинского. – М.: Искусство, 1965. – 203 с.
- Ш.И. – Шекспир У. Гамлет. Трагедия в пяти актах / пер. Н. Исанбета / на тат. языке. – Казань: Татгосиздат, 1952. – 188 с.

Список литературы

1. Сафиуллин Ю. Шекспир в переводах // Шекспир У. Избранные произведения. В двух томах / на татарском языке. – Казань: Татарское книжное издательство, 2006. Т.1, с. 7-12.
2. Гачечиладзе Г. Р. Художественный перевод и литературные взаимосвязи / Издание второе. – М.: Советский писатель, 1980. – 255 с.

10.01.00 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ - ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

10.01.00

В.Н. Бараков д-р филол. наук

Вологодский государственный университет,
институт культуры и туризма,
кафедра социально-культурного сервиса и туризма,
Вологда, alisa-loo@yandex.ru

**ИЗДАНИЯ Ю.И. СЕЛЕЗНЁВА В УНИВЕРСИТЕТСКИХ БИБЛИОТЕКАХ РОССИИ
(АНАЛИЗ ЭЛЕКТРОННЫХ КАТАЛОГОВ)**

В работе представлены результаты анализа электронных каталогов университетских библиотек России на предмет наличия в них книг Ю.И. Селезнёва в сравнении с изданиями двух других знаменитых критиков и литературоведов: В.В. Кожина и Ю.М. Лотмана. Наследие выдающегося русского критика Ю.И. Селезнёва (1939 – 1984) определяется значимостью его творчества. Актуальность его работ в условиях идеологического кризиса возрастает, поэтому так важна для молодёжи сама возможность познакомиться с книгами Ю.И. Селезнёва.

Ключевые слова: Ю.И. Селезнёв, университетские библиотеки, электронные каталоги.

Наследие выдающегося русского критика Ю.И. Селезнёва (1939 – 1984), несмотря на относительно небольшое количество книг, вышедших при жизни и после смерти в советский период [2], определяется значимостью его творчества. По словам Ю.М. Павлова, «Юрий Иванович Селезнёв стал одним из лучших «правых» критиков, редакторов, одним из самых стойких и отважных бойцов за русское дело» [1]. Актуальность его работ в условиях идеологического кризиса возрастает, поэтому так важна для молодёжи, особенно студенческой, сама возможность познакомиться с книгами Ю.И. Селезнёва. Не секрет, что начинается такое знакомство с поиска в интернет-ресурсах.

Нами была поставлена задача просмотреть электронные каталоги университетских библиотек страны на предмет наличия в них книг Ю.И. Селезнёва в сравнении с изданиями двух других знаменитых критиков и литературоведов: В.В. Кожина и Ю.М. Лотмана, современником которых был Ю.И. Селезнёв. Основой выборки стал список из 85 регионов России [3], включая Москву, Санкт-Петербург, Республику Крым и город Севастополь.

Список университетских электронных каталогов оказался укороченным. *Во-первых*, часть библиотечных сайтов на момент выборки не работала: Дагестанский государственный университет, Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова, Поморский государственный университет имени М. В. Ломоносова города Архангельска. *Во-вторых*, на пяти университетских сайтах либо библиотека, либо электронный каталог отсутствуют: Ингушский государственный университет, Сахалинский государственный университет, Чеченский государственный университет, Государственный социально-гуманитарный университет города Коломны (Московская область), Государственный институт экономики, финансов, права и технологий города Гатчины (Ленинградская область). *В-третьих*, на многих сайтах электронные каталоги не открывались: Астраханский государственный университет, Курский государственный университет, Тверской государственный университет, Тульский государственный университет, либо были доступны только студентам и преподавателям данного университета: Вятский государственный университет, Курганский государственный университет, Северо-Восточный государственный университет города Магадана. В трех регионах (Ямало-Ненецкий автономный округ, Чукотский АО, Ненецкий АО) своих университетов нет, только филиалы. Из 85 регионов оказались доступными для выборки 66.

В значительной части университетских библиотечных каталогов (23 сайта) вообще не представлены ни Ю.И. Селезнёв, ни В.В. Кожинов, ни Ю.М. Лотман: Адыгейский государственный университет, Амурский государственный университет, Горно-Алтайский государственный университет, Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева, Марийский государственный университет, Хакассский государственный университет (ХГУ) имени Н.Ф. Катанова, Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, Брянский государственный университет, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Волгоградский государственный университет, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского, Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга, Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семёнова-Тян-Шанского, Мурманский арктический государственный университет, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Оренбургский государственный университет, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, Пензенский государственный университет, Пермский государственный университет, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Севастопольский государственный университет.

В четырёх университетских библиотеках в каталоге оказался только один автор из выбранных нами: Вологодский государственный университет – 1 книга В.В. Кожинова, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина – 1 кн. В.В. Кожинова, Тувинский государственный университет – 1 кн. В.В. Кожинова, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина – 1 кн. Ю.М. Лотмана.

В большинстве провинциальных библиотечных электронных каталогов картина следующая: Кубанский государственный университет – книг Ю.И. Селезнёва нет, есть 9 книг В.В. Кожинова, 35 изданий Ю.М. Лотмана; Башкирский государственный университет – Селезнёв – 0, Кожинов – 12, Лотман – 22; Иркутский государственный университет – Селезнёв – 0, Кожинов – 5, Лотман – 19; Петрозаводский государственный университет – Селезнёв – 1, Кожинов – 12, Лотман – 50; Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва – Селезнёв – 0, Кожинов – 25, Лотман – 46; Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова – Селезнёв – 1, Кожинов – 6, Лотман – 27; Казанский федеральный университет – Селезнёв – 5, Кожинов – 16, Лотман – 32; Удмуртский государственный университет – Селезнёв – 0, Кожинов – 3, Лотман – 1; Алтайский государственный университет (АлтГУ) – Селезнёв – 4, Кожинов – 9, Лотман – 16; Сибирский федеральный университет (Красноярск) – Селезнёв – 10, Кожинов – 18, Лотман – 31; Дальневосточный федеральный университет города Владивостока – Селезнёв – 0, Кожинов – 19, Лотман – 44; Северо-Кавказский Федеральный университет (Ставрополь) – Селезнёв – 5, Кожинов – 11, Лотман – 10; Тихоокеанский государственный университет (Хабаровск) – Селезнёв – 4, Кожинов – 8, Лотман – 19; Белгородский государственный национальный исследовательский университет – Селезнёв – 0, Кожинов – 5, Лотман – 13; Воронежский государственный университет – Селезнёв – 0, Кожинов – 31, Лотман – 58; Ивановский государственный университет – Селезнёв – 0, Кожинов – 1, Лотман – 6; Костромской государственный университет – Селезнёв – 0, Кожинов – 5, Лотман – 11; Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачёвского – Селезнёв – 10, Кожинов – 15, Лотман – 31; Новосибирский государственный университет – Селезнёв – 14, Кожинов – 45, Лотман – 79; Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского – Селезнёв – 0, Кожинов – 1, Лотман – 8; Псковский государственный университет – Селезнёв – 7, Кожинов – 16, Лотман – 26; Южный федеральный университет – Селезнёв – 2, Кожинов – 24, Лотман – 56; Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва – Селезнёв – 2, Кожинов – 9, Лотман – 74; Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышёвского – Селезнёв – 0, Кожинов – 7, Лотман – 34; Уральский федеральный университет имени первого

Президента России Б. Н. Ельцина – Селезнёв – 7, Кожинов – 44, Лотман – 82; Смоленский государственный университет – Селезнёв – 1, Кожинов – 9, Лотман – 21; Томский государственный университет – Селезнёв – 0, Кожинов – 53, Лотман – 112; Тюменский государственный университет – Селезнёв – 0, Кожинов – 26, Лотман – 31; Ульяновский государственный университет – Селезнёв – 0, Кожинов – 8, Лотман – 20; Челябинский государственный университет – Селезнёв – 4, Кожинов – 6, Лотман – 20; Забайкальский государственный университет – Селезнёв – 0, Кожинов – 5, Лотман – 3; Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема – Селезнёв – 1, Кожинов – 4, Лотман – 8; Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского – Селезнёв – 0, Кожинов – 2, Лотман – 28; Сургутский государственный университет – Селезнёв – 2, Кожинов – 3, Лотман – 2.

В пятёрку лучших провинциальных университетов по наличию книг Ю.И. Селезнёва вошли: Новосибирский госуниверситет – 14 книг, Сибирский федеральный госуниверситет – 10 книг, Нижегородский госуниверситет – 10 книг, Псковский госуниверситет – 7 книг, Уральский федеральный госуниверситет – 7 книг.

Ожидалось, что в столицах ситуация будет лучше, но только Московский педагогический государственный университет (МПГУ) выглядит достойно: Селезнёв – 5 книг (Кожинов – 34, Лотман – 54). В электронном каталоге МГУ им. М.В. Ломоносова книг Ю.И. Селезнёва не оказалось (Кожинов – 79, Лотман – 86). В Ленинградском государственном университете им. А.С. Пушкина (ЛГУ) книг Ю.И. Селезнёва тоже нет, но нет и книг В.В. Кожинова и только 6 изданий Ю.М. Лотмана.

Стоит отметить, что электронные каталоги не всегда в должной мере отображают наличие книг в библиотеках, карточные каталоги обычно полнее, но сам факт присутствия (или отсутствия) той или иной книги в электронном каталоге в условиях всеобщей компьютеризации знаменателен.

Можно констатировать, что труды Ю.И. Селезнёва в университетских электронных каталогах почти не представлены, удручающая картина – и в наличии книг других классических отечественных литературоведов и критиков второй половины XX века.

Список литературы

1. Павлов Ю.М. Юрий Селезнёв: русский витязь на Третьей мировой [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://glfr.ru/biblioteka/jurij-pavlov/jurij-seleznjov-russkij-vitjaz-na-tretej-mirovoj.html>
2. Селезнёв Ю.И. Вечное движение. М.: «Современник». 1976; Достоевский. М.: Серия: Жизнь замечательных людей. М.: Молодая гвардия, 1981; Мысль чувствующая и живая. М.: «Современник», 1982; Василий Белов. М.: Сов. Россия, 1983; Златая цепь. М.: «Современник», 1985; Глазами народа. М.: «Современник», 1986; Память созидаящая. Краснодар, 1987.
3. Субъекты Российской Федерации [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki>

10.01.00

¹О.И. Бирюкова д-р филол. наук, ¹И.В. Горобченко канд. филол. наук,
²Т.П. Малявина д-р педагог. наук

¹ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт
имени М.Е. Евсевьева,

кафедра литературы и методики обучения литературе,

²Саранский кооперативный институт (филиал) АНО ВО Центросоюза Российской Федерации
«Российский университет кооперации»,
кафедра гуманитарных дисциплин и иностранных языков,
Саранск, olgbirukova@rambler.ru, gig22a@yandex.ru

АНГЛИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА РУБЕЖА ВЕКОВ В СИСТЕМЕ ИНТЕРМЕДИАЛЬНОСТИ: К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА

В настоящей статье интермедиальность рассматривается как характерная особенность английской литературы рубежа веков. Согласно типологии интермедиальных связей в исследуемом художественном материале присутствуют как интермедиальные отсылки, так и собственно интермедиальные связи. Особый акцент делается на анализе образов героев и композиционной структуре тестов. Доказывается, что представители английской литературы рубежа веков смело экспериментировали с формой и техниками художественного повествования, осваивали приемы интермедиального взаимодействия, которые явились важнейшей составляющей их художественного метода.

Ключевые слова: *интермедиальность, моделирование, интермедия, синтез искусств, постмодернизм, ассоциация, референция.*

Рубеж XIX и XX веков – особый период в английском искусстве, когда параллельно существовали романтическая и реалистическая традиции и культура модернизма. следовательно, перед публикой предстало всё разнообразие художественных явлений и направлений.

В целом, переход Англии через рубеж веков оказался достаточно болезненным. Кроме поиска новых форм назрела необходимость обретения нового через синтез и диалог на всех уровнях [1]. Доминирующим стал тезис «art for art's sake» («искусство ради искусства»).

Говоря об искусстве Англии рубежа веков, необходимо отметить то, что английское восприятие рубежности связано с укоренением викторианской системы в обществе, формированию особого национального качества и ментальности – английскости [3].

Немалый интерес в контексте английского и западноевропейского искусства рубежа веков представляет творчество Э. М. Форстера и У. С. Моэма роман «Луна и грош».

Роман Э. М. Форстера «Куда боятся ступить ангелы» и У. С. Моэма «Луна и грош» представляют собой яркие примеры рубежных тенденций. Будучи представителями двух различных художественных школ, писатели в равной степени связаны с интермедиальностью в искусстве, хотя и используют её в различной степени и с различными целями.

Рассматриваемые романы несут уже в собственных заглавиях немалый интермедиальный потенциал, отсылая читателя к определённым художественным эпохам. В случае Э. М. Форстера – это творчество А. Поупа, XVIII век, а у У.С. Моэма – творчество Поля Гогена, к. XIX – н. XX веков.

В обоих романах возникают особые нелитературные пласты: живописный, музыкальный и театральный, которые в свою очередь становятся основой для трёх видов синтеза – поэзия-живопись, поэзия-музыка и театр.

В своем романе Э. М. Форстер акцентирует внимание на попытке исследовать английский характер, что привело к сравнению Англии и Италии, Севера и Юга, двух цивилизаций-преемниц искусств, которые пошли различными путями. Если в центре внимания романа Италия – страна, в представлении Э. М. Форстера, насквозь пронизанная искусством, в частности музыкой и живописью, то Англия становится чем-то фоновым, базовым [2].

Попытка создать целостный образ Италии как страны живописи и музыки заставляет автора прибегнуть к элементам конвенциональной интермедиальности. При описании природы Италии, некоторых бытовых сцен, памятников искусства (фрески Санта Фины, замки Сан-Джиминьяно), он не может не переходить на язык живописи. Изображаемые в тексте романа сцены, пейзажи, сюжеты не могут не напомнить определённые воспоминания читателю об аналогичных картинах Тёрнера, Джотто, Джаннилески, Гирландайо и прерафаэлитов.

Другой элемент конвенциональной интермедиальности, важный для понимания авторского замысла – опера «Лючия ди Ламмермур» Доницетти, которую смотрят как итальянцы, так и англичане. Будучи также и примером нормативной интермедиальности, оперная постановка романа В. Скотта расставляет акценты в романе и проводит границу между культурами и менталитетами.

Описания произведений искусства по типу экфрасиса, например, перепечатанные из путеводителя Бедекера, являются в романе примерами референциальной интермедиальности. Кроме того, важен огромный аллюзийный слой, заложенный Э. М. Форстером. В тексте можно найти ссылки как на Святое писание и Данте, так и У. Шекспира и конфликт между двумя его систематизаторами и издателями А. Поупом и Теобальдом – всё это, являясь референциальными интермедиями открывает дополнительные информационные пласты, так или иначе дополняя и поясняя суть основного конфликта.

Если проследить авторские ссылки, то можно понять, что в простом, казалось бы, сюжете раскрывается не только конфликт менталитетов, наций, их восприятия жизни и реальности, а безграничное множество конфликтов – это и конфликт искусства и жизни, гениев и филистеров, а также и другие жизненные противоречия, о чём говорится как в поэме «Опыты» А. Поупа, из которой взято заглавие романа, так и в предисловии к «Ламмермурской невесте» В. Скотта.

Поскольку в романе «Луна и грош» повествование идёт о становлении художника-гения, то многие сцены из его жизни предстают как параллели с известными картинами Шардена, Поля Гогена, Рубенса, являясь примерами референциальной интермедиальности. Кроме того, автор, чтобы подчеркнуть реальность описываемых событий в контексте культуры, передать особый колорит мира искусств, упоминает на страницах романа огромное количество картин и художников, что является примером референциальных интермедий.

У. С. Моэм не ограничивается сравнениями с известными шедеврами, он в некоторых местах отступает, как и Э. М. Форстер, от традиционного описания деталей, а подаёт их в живописной манере (острова и улицы Парижа), которые имеют явную переключку с картинами Ван Гога, Гогена и их дневниковыми записями, что, в свою очередь, является примером конвенциональной интермедиальности.

В целом, конвенциональная интермедиальность вводится в роман путём сопоставления и сравнения двух художественных миров и языков – литературного и живописного. В текстах романов подымается проблема соответствия медиума художественным целям, следовательно, становится актуальным вопрос прикладных аспектов интермедиальности.

Введение элементов мифологии и примитивизма Гогена позволяет автору использовать разнообразные элементы конвенциональной интермедиальности.

В целом, интермедиальность в романах Э. М. Форстера и У. С. Моэма становится механизмом авторского раскрытия конфликта между национальностями и культурами, талантом и обывательской ограниченностью, а также конфликта между миром искусства и миром филистерства.

Феномен интермедиальности позволяет авторам обосновать страх перед искусством и всем новым, непонимание чужого, агрессию против новшеств и изменений и провести

актуальную для «рубежа веков» оппозицию «жизнь – искусство». При этом у Э. М. Форстера эти понятия неравнозначны, а у У. С. Моэма можно поставить знак равенства между жизнью и искусством.

Объединяет оба романа и тот факт, что весь мир, следуя концепции У. Шекспира, воспринимается Э. М. Форстером и У. С. Моэмом как театр.

Список литературы

1. Брюкова О. И., Горобченко И. В. Реализация художественной традиции в творческом наследии представителей родственных литератур // Вестник Университета Российской Академии образования. – 2010. – №2. – С. 68.
2. Исагулов Н. В. Особенности вербализации мегаконцепта ИСКУССТВО в романе У.С. Моэма «Луна и грош» // Сопоставительное изучение германских и романских языков и литератур: тезисы докл. Всеукр. конф. (Донецк, 16-17 марта 2010 г.). – Донецк, 2010. – Т.1. – С. 143.
3. Birukova O. I., Gorobchenko I. V., Katorova A. M. Traditions and innovation as major components of the formation of national creative heritage: a theoretical aspect / O. I. Birukova, I. V. Gorobchenko, A. M. Katorova // Гуманитарные науки и образование. – 2014. – №2 (18). – С. 165.

10.01.00

**Э.М. Галимзянова канд. филол. наук, Ф.Х. Миннуллина канд. филол. наук,
Ф.Г. Файзуллина**

Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан,
Казань, elmera.galimzyanova@mail.ru, minnullina77@mail.ru, fania.f@mail.ru

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ПЬЕСЫ Ф. ТУЙКИНА «ЖЕРТВЫ ЖИЗНИ»

Статья посвящена изучению пьесы Ф. Туйкина «Жертвы жизни» (1912). Исследуется жанровая специфика произведения и проблема противостояния героев драмы трагическим обстоятельствам. Анализ трагического конфликта раскрывает неразрывную связь судьбы героев и судьбу татарского народа в начале XX века.

Ключевые слова: *Ф.Туйкин, татарская литература, драма, равноправие женщин, трагедия, жанр.*

В истории татарской литературы начало XX века стало переломным этапом. В этот период возникали и формировались новые направления, художественные методы, изменялись традиционные жанры, расширился круг тем. Вопросы воспитания в семье и образования, благополучие семьи всегда остро освещались в произведениях классиков татарской литературы. Г.Исхаки «Алдым-бирдем» («Брачный договор», 1907), Г. Ибрагимов «Татар хатыны нилэр күрми» («Судьба татарки», 1910), Ф. Амирхан «Хәят» («Хаят», 1911) и многие другие авторы в своих произведениях призывали к коренному изменению семейно-брачных отношений, к созданию равноправных условий жизни в обществе. Это было обусловлено социально-политическими условиями, а также подъемом национального самосознания татарского народа. Вопрос о духовно-нравственной свободе женщин освещался в общественно-национальном ракурсе. В татарской литературе поднимались такие вопросы, как свобода и независимость женщины, свобода никаха и многоженство, равноправие женщины, ее место в обществе [4: 128]. Таким образом, писатели связывали важные проблемы прогрессивного развития нации с проблемой равноправия татарской женщины. В связи этим, в литературе наблюдается существование двух самостоятельных тенденций: разоблачение старого мира и утверждение нового, а в дальнейшем объединение их в рамках одного произведения [1: 4]. Тема равноправия женщин, мечты об обществе свободном от феодально-патриархальных пережитков, консерватизма нашли отражение в драме Фазыла Туйкина «Тормыш корбаннары» («Жертвы жизни», 1912), которая является объектом нашего исследования.

Ф.Туйкин в истории татарской литературы известен как поэт, драматург, прозаик, историк и фольклорист. Его произведения были популярны среди татар, башкир и других тюркских народов. К сожалению, волна репрессий 30-х годов коснулась и Ф.Туйкина, в результате которого его имя было вычеркнуто из истории татарской литературы.

В его творчестве драматургия занимает особое место. Он является автором драм «Герои Отечества» («Ватан каһарманнары», 1912) и «Жертвы жизни» («Тормыш корбаннары», 1912). В мае 1912 года в Уфу на гастроли приезжает профессиональная труппа «Нур», руководителем которой была Сахибджамал Гиззатуллина-Волжская. Она лично знакомится с драмами Ф.Туйкина. Впоследствии они ставятся на сцене Оренбурга, Уфы, Стерлитамака [5: 7].

Задачей данного исследования является выявление особенностей трагического в пьесе Ф. Туйкина «Жертвы жизни», где показано трагическое состояние героев и общества начала XX века, которое определяет новизну и актуальность исследования.

Произведение «Жертвы жизни» было издано в 1912 году в типографии Каримова и Хусаиновых. Вновь она увидела свет на башкирском языке в сокращенном варианте в конце XX века. Как было отмечено, в драме показана борьба за свободу, образование и равноправие женщин. Эта тема в начале XX века для татарской литературы была чрезвычайно актуальна и традиционна. Те, кто положительно высказывались, за равноправие женщин считали, что гражданские права должны полностью вытеснить из общества старинные патриархальные устои. По мнению сторонников этой меры женщины имели право участвовать в социальной жизни общества, выступали против многоженства. Одним из представителей такого взгляда у Ф. Туйкина является образованный молодой человек Хасан, который вносит новые, прогрессивные идеи.

Главный герой трагедии Махмуд-мулла своим отцовским долгом считает устроить дочь в богатую семью. Убежденным в разумности своего решения, он решает выдать современно мыслящую, начитанную дочь Амину за сына богатого хазрета Сагди. Однако Амина и ее брат Хасан выступают против патриархально-сословных взглядов отца на брак. «Видишь ли, ничего не случилось. Разрушили все, чем я до сих пор жила, хотите отдать меня как игрушку за «одноглазого пня», и видишь ли, не переживай» [2: 251], – говорит девушка. Мольба, просьба дочери отказаться от свадьбы остаются без ответа со стороны родителей. Как известно, для татарской литературы начала XX века были присущи конфликты между отцами и детьми-прогрессистами. Этот традиционный конфликт у Ф. Туйкина приобретает другой оттенок. Например, главный герой трагедии «Жертвы жизни» Махмуд-мулла четко излагает свое мнение, знаток новизны осведомлен с современной литературой. Он не примыкает ни к кадимистам, ни к джадидистам. В результате которого занимает серединно-промежуточное положение: «Надо придерживаться середины, дочь, середины» [2:250]. Махмуд не против, чтобы его дети получили хорошее образование. Например, Хасан с детства обучался в городских медресе, ясно выражает свои мысли, сторонник всего нового. Жена Махмуд-муллы Хадича также начитанная женщина. Она разумом поддерживает молодых, но воспитание берет верх, она не идет против воли мужа.

Хасан утверждает, что женщина должна стоять на уровне передовых идей, отстаивать свое человеческое достоинство и право самостоятельно устраивать свою личную жизнь. Защищает убеждение, что семья должна основываться на равенстве, только тогда она будет счастливой. Он критически относится к действительности, не согласен с устройством общества, находится в поисках справедливости. Но герой не созрел до активного протеста против обстоятельств, не нашел выхода из создавшегося социального положения, который заканчивается трагически. Хасан, являясь одним из представителей образованной молодежи, рассматривает женскую свободу от устаревших норм, как неотъемлемую часть национального прогресса. Отсутствие возможности расторгнуть брак, навязанный родителями, воспринимается им как невыполнение своего долга перед сестрой и нацией. Хасан, проклиная злые силы, заканчивает жизнь самоубийством: «Я принес в жертву все свое львиное мужество, но ты ничего не дал добиться. Ты и дальше со мной так будешь поступать! (С плачущим голосом.). Устал я от тебя, не буду я жить, ухожу я! До сих пор я утешал себя надеждами, но и последняя надежда рухнула! Не буду жить... Прощай этот жестокий мир! Прощайте мои бессердечные родители, вы не пожалели меня!... Я не виновен, вините в этом этот жестокий мир и жестоких варваров [2: 269]. В пьесе Ф.Туйкин дает идеологическую оценку негативным явлениям татарской жизни начала XX века. Если обратиться к произведениям Г. Исхаки, наблюдается, то что большинство его героинь – татарские женщины отвергают общепринятые устаревшие нормы, стремящиеся к образованности и равноправию. Героиня Ф. Туйкина Амина предпринимает шаги к осуществлению своих возвышенных идеалов, и в то же время ее охватывают чувства робости и боязни. Она и Хасан не хотят мириться со сложившимися обстоятельствами, но и бессильны противостоять, что-либо изменить. Переживая за свое будущее, они приходят к страшному финалу – самоубийству. Через судьбу трагических героев автор выступает против существующей системы, бесчеловечности и порядков. Пьесу «Жертвы жизни»

Ф.Туйкин называет драмой. Высокий пафосный стиль, основанный на сильной рефлексии, конфликт и психологизм, поступки героев говорят о том, что жанр произведения соответствует трагедии. Пафос пьесы постигается в трагическом столкновении добра и свободы с духовным рабством. Трагизм «Жертвы жизни» сопряжен с развитием общества, с муками, переживаниями и с гибелью людей и разворачивается как борьба прогресса и реакции, нового и старого. В произведениях, написанных в жанре трагедии, герои неуклонно стремятся к своей цели и не признают компромиссов. Предметом трагедии являются такие моменты жизни, когда долго назревавшие противоречия достигают наибольшей остроты и приобретают форму конфликта, в котором герой оказывается перед необходимостью принять определенный жизненный путь и способы для достижения своей цели. [6: 622].

Хасан и Амина – жертвы существующих порядков, они совершают роковой поступок. Молодые люди, переживая духовные потрясения и жизненные испытания, оказались не в состоянии победить то, что сильнее их. Трагическая судьба Амины и Хасана становится отражением горькой судьбы людей, которые хотели изменить существующие порядки. Они высказывают свое мнение за прогресс татарской нации, но активных действий не предпринимают. В пьесе на первый план выходят трагические обстоятельства и мотив страдания. Гегель отмечал, что трагическое – это результат взаимодействия трагического характера и трагедийных обстоятельств [3: 64]. В пьесе трагическое имеет определенную общественную значимость. Гибель героев способствует сплочению передовых сил.

Герой трагедии, как правило, предпринимает попытки борьбы с роковой неизбежностью, восстает против судьбы и погибает, или терпит муки и страдания, демонстрируя этим состояние своей внутренней свободы. Герои пьесы «Жертвы жизни» попадают в трагические ситуации «благодаря» исторической обстановке. Здесь преобладают образы, которые не способны к волевым поступкам в критической ситуации. Власть событий, происходивших в стране, ставит героя на распутье и приводит его к необходимости избирать совершенно противоположный путь. Но решение в выборе того или иного пути зависит от самого героя, а не от события. Трагическое связано с возвышенным и героическим, так как предполагает героическую личность, стремящуюся к достижению возвышенных целей. В пьесе Ф. Туйкина в социально-философском плане отражается трагедия человека, оставшегося в тяжелой ситуации в результате жестких условий общества. Его герои таким образом выразили свой протест против старых устоев, неприемлемых жизненных ситуаций. Трагическое в пьесе выступает как противоречие между идеалом и действительностью, где раскрывается сущность человеческой жизни.

Список литературы

1. Ахмадуллин А. Татарская драматургия. – Казань: Татарское книж. изд-во. – 2012. – 509 с.
2. Бертуган Туйкиннар: тарихи-документаль жыентык./ Төз.-авт. Эльмера – Галимжанова – Казан: Рухият, Жыен, 2007– 592 б.
3. Гегель. Сочинения: в 14-ти т. М.: Госиздат, 1958. Т. 14. 621 с
4. Загидуллина Д. Ф. Литературные законы и время. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2000.– 271 с.
5. Кәбир Бәкер. *** (8 декабрьдә...) // Вакыт.– 1914.-10 декабрь.
6. Театральная энциклопедия. В пяти томах. – М., 1967. – Т. 5. – 1135 с.
7. Нати́ф. Татарча театр // Йолдыз. – 1912. – 23 октябрь.

10.01.10

М.А. Герайзаде канд. филол. наук

Медицинский Университет Азербайджана,
кафедра литературы,
Баку, gerayzade_1970@mail.ru

ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ ДЖОНА ФАУЛЗА

В данной статье анализируется проблема французского экзистенциализма в творчестве Джона Фаулза (на основе романа «Волхв»). Одна из ведущих тем романа - тема одиночества, имеющая экзистенциальный характер. В отличие от других Дж. Фаулз считает природу единственным средством преодоления одиночества.

Ключевые слова: экзистенциализм, анализ, роман, философия.

«Коллекционер», «Волхв», «Башня из черного дерева», «Любовница французского лейтенанта», «Мантисса», — все эти произведения принадлежат перу одному из самых ортодоксальных писателей современности Джону Фаулзу. Он твёрдо заявил о себе хронологически первым крупным романом под интригующим названием «Волхв».

Изучив обширную критическую литературу, мы смеем утверждать, что «Волхв» — это один из самых значительных и, пожалуй, самый популярный роман выдающегося английского писателя. По признанию самого Фаулза, «своеобразное рагу о сути человеческого существования». Его главными составляющими являются философия экзистенциализма и аналитическая психология К.Г.Юнга. Ключом к пониманию философской идеи «Волхва» служат пояснения самого писателя в предисловии ко второму изданию, а также название романа.

Роман «Волхв» вызвал разноречивую критику и горячие отклики читателей. Критики-литературоведы в свою очередь называли это первое произведение «усложненным и спорным». А корреспонденты английских газет и журналов трактовали его то «символическим» и «мистическим», то «неясным» и «изобретательным» или «парадоксальным» и «причудливым». Однако, по мнению автора, вопросы, возникающие у читателя при прочтении «Волхва», не обязательно должны иметь «точные ответы и заранее заданные верные реакции».

Современный русский критик Т.Красавченко по поводу романа писал следующее: «Творчество Джона Фаулза адекватно мироощущению современного человека. Писатель, отнюдь не подстраиваясь под читателя, порой открывая нелицеприятную правду о человеке, затрагивает «живой нерв жизни», расширяет представление о ней и об искусстве» [3, 6]. По мнению Александра Траскина, это «великое произведение, в котором напряжение постоянно растет, а человеческий разум оказывается в роли подопытной морской свинки» [4, 22]. Как отмечает критик, «Совершенно неясно оставляя читателю просторы мыслить, автор умудряется наполнить память огромным количеством фактов, как из истории человечества, так и из истории видов. Сюда... вложено, пожалуй, чересчур много смыслов, но всё действие становится фоном для настоящего совершенства формы, в противоположность аморфности» [4, 311]. Романа «Волхв» связан с «Коллекционером». Непосредственно в тексте от лица самого автора нет пояснения иноязычным именам, однако, редакторский коллектив во главе с А.А.Кудрявцевой, Ж.А.Якушевой и переводчика Б.Н. Кузьминского при содействии издательства «Gillon Aitken» и литературного агентства «Synopsis Literary» в примечании сообщают: «Упоминание о Коллиуре и Валенсии в связи с Алисон — прямая отсылка к персонажу предыдущего романа Фаулза «Коллекционер» Миранде Грей, которая вспоминает о поездке в эти места со своим приятелем Пирсом» [6, 12].

Нужно подчеркнуть, что в романах «Коллекционер», «Волхв», и других внимание автора сосредоточено на теме человеческой свободы в её экзистенциальном понимании, а также на основополагающем соотношении любви, самопознания и свободы выбора. Эти проблемы определяют тематику всех произведений Фаулза. Его герои или героини – неконформисты, стремящиеся реализовать себя в рамках конформистского общества. Экзистенциальная свобода, как нам представляется, трактуется Джоном Фаулзом широко. Она включает в себя не только творческую переработку некоторых идей французских экзистенциалистов Ж.П.Сартра и А.Камю.

Трактовка понятия свободы и несвободы не потеряла своего значения и в экзистенциализме современного западно-европейского общества. В то же время мы должны подчеркнуть, что роман «Волхв» явственно демонстрирует читателям как повышенную восприимчивость Джона Фаулза ко всевозможным «веяниям времени», так и отчасти связан со строптивым несогласием писателя отождествлять себя с каким-либо из явно возобладавших в описываемые годы литературно-философских течений. Критикам свойственно со стоическим упорством отыскивать параллельные движения и направления в литературе, философии и искусстве. Но для художника такого масштаба и безграничной эрудиции, каким был Джон Фаулз, прямой и непосредственной соотнесённости быть не может. Так, уже по прошествии многих лет со дня опубликования романа, точнее, в 1988 году, он утверждал: «Sometimes researchers of my creative activities overestimate significance of existentialism attaching greater importance to it than I do» [8, 47]. Изучив критическую литературу, и, в первую очередь, произведения самого Фаулза, можно прийти к выводу, что в конце 1970-х – начале 1980-х годов выдающийся английский прозаик несколько лукавил. В период создания романа «Волхв» Фаулз нередко признавался коллегам-писателям или журналистам, что подобно большинству западно-европейских интеллигентов его поколения он испытал осязаемое влияние французских мыслителей-экзистенциалистов.

Так, вслед за Сартром писатель был убеждён, что человек в принципе всегда свободен придавать особый смысл ситуациям, в которые он попадает волею судеб или по вполне закономерному стечению обстоятельств. И тогда личность как бы избирает саму себя, несёт ответственность за свой моральный или, напротив, аморальный выбор. Свобода, по твёрдому убеждению Фаулза 1960-х годов, – это в первую очередь тяжёлое бремя. И, тем не менее, в своих дневниковых записях в период создания романа «Волхв» Дж.Фаулз отмечал, что человек на нынешнем этапе своего развития живёт в обществе, которое штампует маски и прячет наше подлинное «Я». Фаулз искренне предполагал, что человек неизменно пребывает в двух мирах: привычном и очень уютном мирке абсолютов, в котором ему покойно и весьма удобно, и в жёстком реальном мире относительностей. «Этот последний, – продолжает писатель свою мысль, – относительная реальность – ужасает нас, изолирует и превращает в карликов» [8, 39]. По мнению Джона Фаулза, экзистенциальное стремление к совершенствованию почти бессмысленно, потому что на каком бы этапе человечество не вступило в этот бесконечный процесс, оно всегда способно ностальгически устремлять взгляд в будущее, представляя себе гораздо более лучшую эпоху. Примечательно, что в романе «Волхв» главные герои рано или поздно, но всё же оказываются именно в такой критической или, используя терминологию Ясперса, в пограничной ситуации. По мнению немецкого экзистенциалиста по ряду причин (из-за болезни, страха и т.д.) человек «изолируется» от общественного контекста и тем самым оказывается в «пограничной ситуации». У Фаулза это такая ситуация: под вопросом оказывается вся дальнейшая судьба литературного героя. Фаулз пришёл в мир большой литературы на волне лихолетья, которое, с одной стороны, закалило волю и укрепило его перо, а с другой, – принесло немало разочарований одинокой личности. Понятие экзистенциальной свободы тесным образом связано у Фаулза с историей, а живая история для него – это, в частности, Вторая мировая война, весь ужас и трагизм которой он лично перенёс. И несмотря на мистико-магический характер целого ряда эпизодов, на медицинские сеансы гипноза, проводимые психиатром Морисом Конхисом и многочисленные бытовые и любовно-эротические сцены, события

Второй мировой войны занимают в романе «Волхв» основополагающее место. Фаулз иронично признавался в том, что «некоторые критики усмотрели в двух моих романах – «Коллекционер» и «Волхв» – доказательство того, что я скрытый фашист» [5,10]. Мы считаем мнение этих критиков абсолютно необоснованным. Во-первых, писатель сам же пояснял: «... всю свою сознательную жизнь я верил в то, что единственная рациональная политическая доктрина, которой можно придерживаться, это демократический социализм» [5, 10]. Во-вторых, сам текст произведения отвергает мнения критиков. Ведь фашизм неизменно опирается на массовую тоталитарную систему.

Экзистенциализм, согласно теоретическим воззрениям Фаулза, это попытка в те военные годы в Великобритании возродить в человеке чувство собственной уникальности, ориентир в свободном выборе жизненного пути. В романе «Волхв» привлекает внимание в первую очередь приверженность современного английского прозаика к сплаву экзистенциализма с реализмом «магическим» и «мистическим». Устами Конхиса Фаулз говорит, что Гитлер, объективно говоря, никогда не изменял своей идеологии. Данная мысль Фаулза созвучна философской концепции пьесы «Мухи» Ж.Р.Сартра: в этом произведении, написанном по мотивам античного мифа и поставленном в годы второй мировой войны, Сартр обвиняет в преступлении против царя Аргоса Агамемнона не столько непосредственных убийц – Клитемнестру и Эгисфа, сколько народ, который знал о преступлении, но молчал. Автору романа «Волхв» по многим субъективным причинам была близка тема одиночества. Она пронизывает наряду с анализируемым романом и некоторые другие творения писателя, но с особенной силой она всё-таки проявилась в «Волхве». «Редкий автор любит распространяться об автобиографической основе своих произведений – а она, как правило, не исчерпывается временем и местом написания книги, – и я не исключение. И всё же: мой Фракос – на самом деле есть греческий остров Спеце, где в 1951-1952 годах я преподавал в частной школе» [6, 80]. Экзистенциальный уклон в этих авторских ремарках и рассуждениях общего характера с расхожими формулами «поездки в никуда» и т.д. и т.п., безусловно, угадывается. Однако в определённый момент повествования автор расходится со своим героем. В романе «Волхв» наряду с собственным жизненным опытом и личными наблюдениями писателя большое место занимают сведения, почерпнутые им из различных источников.

Список литературы

1. Бадалбейли У. Очерки современной английской литературы. Баку: Издат. Университета Азии, 2009, 132 с.
2. Ивашева В.В. Новые черты реализма на Западе. М.: Советский писатель, 1986, 286 с.
3. Красавченко Т. Коллекционеры и художники// Фаулз Дж. Коллекционер. М.; Известия, 1991, 126 с.
4. Траскин А. Джон Фаулз «Волхв». М.: Махаон, 2001, 444 с.
5. Фаулз Дж. Аристос. М.: ЭКСМО, 2004, 431 с.
6. Фаулз Джон. «Волхв». Роман. М.: АСТ, 2006, 734 с.
7. Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА, 2001, 575с.
8. Fowles John. The talk with Beiker// The art of fiction. London, 1988, 61 p.
9. Mc. Kee K.N. The Theatre of Marivaux. NY: Cothic. Ru, 2002, 277 p.

10.01.00

Л.Х. Давлетшина канд. филол. наук, И.И. Хуснуллина

ГБУ «Республиканский центр развития традиционной культуры»,
Казань, leyla.davletshina@yandex.ru, ilmira-86@inbox.ru

СИМВОЛИКА ПЕЧИ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ТАТАР

В данной работе предлагается опыт исследования одного из элементов внутреннего пространства традиционного татарского дома – печи как знакового объекта культуры. Анализ семантики и функциональной нагрузки печи сквозь призму хозяйственной деятельности, мифологических представлений, семейно-бытовой обрядности, заговорно-заклинательной традиции позволяет сделать вывод о том, что печь ассоциируется в традиции как центр дома и путь сообщения с иным миром.

Ключевые слова: семиотика, мифология, традиция, обряд, печь, пространство, дом.

Значительный вклад в изучение традиционного татарского жилища с этнографической точки зрения внесли работы ученых второй половины XX века. В коллективной монографии «Татары Среднего Поволжья и Приуралья» представлены материалы, касающиеся жилища волго-уральских татар. Позднее свет увидели монографии Р. Г. Мухамедовой, Ю.Г. Мухаметшина, Ф.Л. Шарифуллиной, Н.А. Халикова, Д.Н. Сулеймановой и т.д. по традиционной культуре этнографических групп татар. Хотя в этих и других этнографических и археологических исследованиях присутствуют данные по технологии строительства традиционных сооружений татар, описание или реконструкция экстерьера и интерьера, жилище и отдельные его элементы не рассматриваются как семиотический объект традиционной культуры.

Необходимость целостного исследования традиционного татарского дома требует принципиально иного подхода – культурологического, никогда ранее не использовавшегося в процессе его изучения в татарской фольклористике. Описание важнейших элементов внешнего и внутреннего пространства традиционного дома, символов и предметов интерьера как знаковой системы выявляет и универсальные, и характерные только для татарского этноса социально-психические категории, скрытые от сознания носителя этноса, но реализованные в символическом и практическом бытии культуры.

Выбор печи в качестве объекта исследования был обусловлен тем, что она играет знаковую роль во внутреннем пространстве дома. Многофункциональность, присущая печи, определяет ее место в фольклорной модели мира татар и обуславливает ее национальную специфику. Модель печи совмещает в себе символику границы и центра. Как источник пищи и огня печь воплощает идею полноты и благополучия дома, как выход в иной мир осуществляет связь с «тем светом».

В традиционном татарском доме печь являлась главной конструктивной частью дома и интерьера, утилитарные и сакральные функции которой сохраняются и по сей день. Постройка печи являлась основным этапом в процессе освоения пространства нового дома. Она являлась тем элементом, который делал дом пригодным для жилья. Татарская пословица гласит: «Мичсез өй – мисез баш» (Дом без печи, как голова без мозгов). Тем самым печь являлась олицетворением и домашнего очага, и дома вообще. Доказательством этой мысли является и широко распространенное поверье о том, что после укладки печи дом нельзя оставлять без присмотра, т.е. в нем всегда кто-то должен ночевать, иначе случится беда (Республика Татарстан, Пестречинский район, д. Кряш-Серда. Скворцова Е.И., 1935 г.р.). Закладка печи и ее окончание ритуально обыгрываются в традиции татар посредством жертвоприношения или одним из ее вариантов – окропления кровью. Татары-мишари приносят в жертву курицу или петуха в момент приготовления места для печи или же после

завершения кладки окропляют кровью устье печи, готовят коллективное угощение для приглашенных пожилых односельчан и членов семьи [4, с. 188]. Важно и обязательное выпекание какого-нибудь мучного изделия во время первой топки с целью достижения дальнейшего благополучия в доме (*таба исе чыгару*).

Печь фигурирует во многих жанрах фольклора татар и осмысливается как живое существо, соотносимое с человеческим телом, примеры тому мы можем найти в загадках, в которых печь ассоциируется с женщиной. *Асылбикә асыл кия, күлмәге жиргә тия. (Красавица одевается, платье земли касается), Ак тутамның авызы зур булса да, аш ашый алмый. (Хоть рот у тетушки велик, есть не получается)*. Если печь была олицетворением женщины, то огонь символизировал мужское начало. *Анасы юан – өйдә тора, атасы озын – тышта йөри, кызы сылу – ашка йөри. (Мать-толстушка – дома сидит, отец длинный – на улице ходит, дочь-красавица – по гостям ходит)*. Соединение огня и печи при зажигании очага олицетворяло союз мужского и женского начал, поэтому зажженный очаг в традиционной культуре символизирует залог продолжения рода.

Огонь из домашнего очага – угли, которые выгребают из печи, истопленной напоследок в старом доме, земля из-под печи, кочерга, ухват, сито – все эти элементы представляют собой эманацию духа-хозяина дома (*йорт иясе, йорт хуҗасы, өй иясе, йорт анасы и др.*), а сама печь является связующим звеном с духами предков. Незаметная, даже подчас скрытая от мужчин повседневная деятельность женщины протекала в присутствии и под защитой предков, идея присутствия которых была связана с домашним очагом. *«Место покойника рядом с печью. На стол для него ставят тарелку, ложку, яйцо, кашу, чтобы он был сыт»* [2, с. 38]. Именно на края печи выставляется еда, краюха хлеба с целью угостить души предков, которые прилетают погостить по четвергам. В то же время в каждом доме по четвергам должны совершаться молитвы, так как по поверьям покойник только их и ждет.

Печь чаще всего в отличие от других локусов освоенного пространства осмысливается в качестве локуса духа-хозяина дома, поэтому происходит актуализация действий вокруг печи во время обряда перехода в новый дом, который всегда предполагает приглашение духа-хозяина. «Призывая его перейти в новую избу, жильцы апеллируют к месту обитания духа-хозяина дома: печке, четырем углам постройки, подполу. Так посредством совмещения соответствующих координат того или иного сакрального пространства осуществляется преемственность связи нового жилища с «родовым гнездом». [3, с. 52].

Печь занимает важное место в семейно-бытовой обрядности, заговорно-заклинательной традиции и других магических практиках татар. В некоторых районах Республики Татарстан невеста при первом вхождении в дом мужа прикасается двумя руками к печи или опускает руки в муку. Это делается для того, чтобы познакомить духа-хозяина дома с новым членом семьи и пожелать достатка молодым. Во многих татарских населенных пунктах Заказанья невеста, перешагнув порог, сначала должна посмотреть на печь. В традиции татар-мишарей невеста должна постоять, прислонившись к печи. Невеста старается выполнять все обычаи, чтобы жизнь их была долгой и сытной, дети росли счастливыми.

Печь, по мнению А.К. Байбурина, является «каналом связи между своим и иным миром, людьми и предками, между которыми происходит непрекращающийся интенсивный обмен» [1, с. 215]. Символика печи как границы между двумя мирами приобретает особое значение в народной медицине и магии.

Печная труба представляет собой специфический выход из дома, предназначенный в основном для контактов с иным миром, нечистой силой. Широкое распространение имеет обычай определения пребывания в доме вредоносного персонажа «убыр». Для этого поднимаются на крышу и дуют в печную трубу. Если «убыр» залетел в дом, то из трубы сыпались куски кирпича или высыпался песок. После этого в печь закидывали соль, что было связано с верой в то, что от соли появляются рытвины на лице «убыр» (Республика Татарстан, Елабужский район, д. Б. Шурняк. Чумакова О.М., 1934 г.р.).

Таким образом, в традиционной культуре татар печь использовалась для обогрева жилища, для приготовления пищи, а также немалую роль играла и играет до сих пор в народной магии, верованиях, обрядах. Содержание семантики печи в культуре татар во многом определяется ее способностью превращения «чужого» в «свое», которая диктует не только правила обживания жилища, но и дает способ приема чужих людей в уже сложившееся сообщество. Несомненно, такая знаковая функция печи связана с тем, что она выступала вместилищем огня, являлась приемницей древнего очага, вокруг которого концентрировалась жизненная сила, обладающая целительной и объединяющей энергией.

(Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Татарстан в рамках проекта № 18-412-160019 р_а «Татарский дом: семиотика пространства»).

Список литературы

1. Байбурун А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Ленинград: Наука, 1983. 192 с.
2. Баязитова Ф. С. Халык традицияләре лексикасы: соңгы туй. Казан, 2015. 710 б.
3. Давлетишина Л.Х. Дом как форма освоения «чужого» пространства в татарской культуре // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. № 1. 2012. С. 49-56.
4. Мухамедова Р.Г. Татары-мишари: Историко-этнографическое исследование. Казань: Магариф, 2008. 295 с.

10.01.00

Г.Н. Зайнеева канд. филол. наук, Г.А. Хуснутдинова канд. филол. наук

ГУ Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ,
отдел текстологии,
Казань, gulnara.zaineeva@mail.ru, kh-gulnaz@mail.ru

**ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Г. ИБРАГИМОВА
(НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ «НОВЫЕ ЛЮДИ», «КРАСНЫЕ ЦВЕТЫ»,
«ЛЮДИ»)**

В статье рассматриваются исторические аспекты в произведениях Г. Ибрагимова «Новые люди», «Красные цветы», «Люди». В них отражены события, факты, происходившие в истории нашей страны, и которые заслужили высокую оценку в истории татарской литературы. Также приводятся факты из архивных источников, критические оценки современников того периода.

Ключевые слова: *Г. Ибрагимов, произведения, революция, драма, история, голод.*

Жизнь и творчество классика татарской литературы Галимджана Ибрагимова (1887–1938) совпало с годами революционных преобразований, общественно-политических формаций и годами репрессий первой половины XX века. Октябрьскую революцию встретил как писатель и профессиональный революционер. С первых дней вступления на политическую арену и до конца своей жизни он находился под гласным надзором полиции. Его биография отражает не только его личную жизнь, но и в какой-то степени трагические страницы истории нашей страны. В автобиографии 1936 года он пишет: «Я – писатель реалист. С первых же своих произведений реалистическое направление было основным в моих литературных устремлениях ...» [1]. Пером писателя было создано немало художественных и публицистических произведений, которые представляют собой ту или иную ценность в жизни татарского народа. С июня по сентябрь 1919 года Г. Ибрагимов во время наступления колчаковских войск, подвергая свою жизнь опасности, уходит в тыл врага. Узнав много ценных сведений, после возвращения издает статью под названием «Четыре месяца в тылу врага» в периодической печати. В основу повести «Красные цветы» и драмы «Новые люди» также легли эти события.

Пьеса «Новые люди» Г. Ибрагимова написана в конце 1920 года. Это единственное произведение писателя в этом жанре. До выхода в свет драмы отдельной книгой в газете «Эшче» было напечатано объявление: «(взято на основе событий, произошедших на Волго-Уральской земле в 1918–1919 годах). Рукопись произведения Г. Ибрагимова была прочитана писателями, журналистами, артистами. В ближайшее время будет постановка пьесы на сцене Казанского театра. Постараются подготовить к празднованию третьей годовщины Октябрьской революции» [8]. Спектакль был поставлен 8 и 12 ноября 1920 года в Большом театре города Казани в постановке режиссера-постановщика Мухтара Мутина. После этого пьеса издается в 1921 и в 1931 годах. Г. Ибрагимов использует знакомый ему материал и пытается через живые картины, трагические судьбы показать воочию еще одно кровавое сопротивление в истории татарского народа. В драме повествуется о новых людях, воспитанных революционным духом, их борьбе за власть Советов, о подвигах, совершенных на фронте. Социальное неравенство и надежда на свободу нации подтолкнуло татарский народ на участие в гражданской войне. Писатель реалистически показывает непримиримость классовой борьбы, картины из жизни деревни в годы революции, образы сильных духом людей. Главные герои драмы – Батырхан, Камар, Тимеркай. Все они из бедных слоев населения, осознанно принимают участие в войне. Батырхан – обычный деревенский парень, защищая честь любимой, убивает человека и в наказание был отправлен на каторгу, откуда

сбегает во время Первой мировой войны. Октябрьскую революцию встретил в Петрограде, боролся против Краснова, Корнилова, Дутова, становится командиром Красной Армии. Хайри – из богатых слоев населения, он «за» белых, в итоге сбегает в Сибирь. Батырхан женился на дочери Хайри бая, не получив его согласие. В драме на их примере показывается борьба против социального неравенства людей, борьба за свободу. Здесь мастерски раскрываются характеры героев через их поступки, затрагивая политические, социальные и морально-этические стороны. Батырхан и Тимеркай в борьбе за новое общество, во время гражданской войны стали жесткими, беспощадными, по их мировоззрению – только через кровопролитие возможно обрести равенство, счастливое будущее. Действие происходит в одной деревне, односельчане, родственники разделяются на противоположные лагеря, становятся врагами между собой. Хотя в конце драмы Батырхан осознает, что общечеловеческие ценности важнее, не все можно получить оружием в руках. Пьеса была воспринята общественностью положительно. Г. Ходаяров пишет: ««Новые люди» – плод Октябрьской революции, в произведении нет агитации, это картина, показывающая итоги революции через три года. Ценность драмы – не монологи, не речи, не агитации, а именно представление перед читателем единой картины, движения, сюжета» [7]. Ф. Сайфи-Казанлы также дает свою оценку: «Это произведение заслуживает высокую оценку тем, что писатель сам «кипел» внутри этой борьбы» [5].

В рассказе «Красные цветы» (1921) повествуется судьба пяти мальчишек, выросших в одной деревне. Красные цветы – это символ светлого будущего, символизирует цвет революции и становление советской власти. Шахбаз, Султан, Гирази, Фазыл и Гали – каждый из разных семей. Повествуется социально-классовая борьба на примере этих мальчишек, пути избранные под действием общественно-исторических событий. Ровесники встречают Октябрьскую революцию каждый в своей позиции. Классовое различие разделяет их на два лагеря. Шахбаз, Султан, Гирази – поднимаются на борьбу, Фазыл, Гали – остаются верными своим принципам, стараются вернуть старые устои. Фазыл в конце произведения становится «другим человеком», изменив свои взгляды и присоединившись к другому лагерю. Султан, вернувшись на родину, в свою родную деревню, видит изменившуюся деревню, активную молодежь. Все это заслуги советской власти, в борьбе за которую многие сложили жизни. Через их судьбы писатель показывает трагедию всей страны. Подобные кровавые события влекут за собой исчезновение всяких морально-этических устоев сложившиеся веками, начинает доминировать жестокость, злость, варварство.

После Октябрьской революции Г. Ибрагимов в 1923 году написал повесть «Люди». Была издана дважды при жизни писателя: 1923 и 1931. В 90-е годы XX века литературовед Ф. Башир представил эту повесть широкому кругу читателей. В произведении повествуется о страшном голоде 1921–1922 годов в Поволжье, вызванный летней засухой, и принесший народу много бедствия и духовные страдания. Тема голода в творчестве писателей встречается не впервые, например, драма Я. Вали «По велению голода», повесть К. Биккулова «Сабирзян агай», поэма «Людоеды» М. Гафури и др. Академик И. Тагиров пишет: «В период 1921–1922 годах республику покидают много людей. Это большая утрата для татарского народа. Голод 1921 года коснулся 90 процента населения республики» [6]. Писатель объективно описывает эту трагедию, в котором голод, горе, смерть. В реальной жизни же в этой трагедии огромную роль сыграла кампания по продразверстке, которая оставила крестьян без запасов и обрекла на страшный голод. Главные герои – жители одной татарской деревни. Люди не выдерживают этого невероятного испытания ни физически, ни духовно. Они поедают все: засушенную лебеду, собак, птиц. В селе есть и зажиточный слой населения, у которых бедняки выменивали, что могли на граммы муки. Физически люди обессиленные, опухшие. У детей расшатываются и выпадают зубы, кожа становится морщинистой, с надеждой ждут весну. Умерших не хоронят, а складывают в одном сарае. Равнодушие, помутнение рассудка среди массы народа приводит к людоедству.

Повесть от начала до конца пронизана нитью истинного натурализма. Ее появление в литературе – предупреждение человечества о таких страшных событиях. В результате гражданской войны, продразверстки многие остались на голодное вымирание. Голод разрушил все этические принципы, моральные устои, воспитанные столетиями, что явилось неизбежным для простого народа, то, что разрушало человечество, общество в целом. Описывая реальные картины из жизни писатель пытается донести до читателя серьезность ситуации. После первого издания произведения сразу же появляются критические статьи, обвиняющие Ибрагимова в том, что не раскрыта сущность советской власти. Например, Ш. Госманов пишет: «Здесь не показана помощь советской власти голодающим татарской деревни. Поэтому «Люди» должна быть исключена из рядов пролетарской литературы» [3]. Голод действует разрушительно и внешне, и психологически. Г. Губайдуллин подчеркивает: «В «Людах» на фоне татарской сельской жизни он изобразил эволюцию психологии людоедства на почве голода» [4]. Второй вариант повести, изданный в 1931 году был заново отредактирован автором. Вследствие этого между этими двумя изданиями есть некоторые различия. В издании 1923 года произведение заканчивается так: Гарая задерживают, в тюрьме накладывает на себя руки, Зайни находят в городе замерзшим у мечети. В издании 1931 года появляется эпизод о том, как в деревню везут повозки с картошкой, хлебом. Люди обезумевшие от голода идут навстречу помощи, бросаются на мешки, тут же поедают сырую замороженную картошку. Гарая находят повешенным в сарае, сына Зайни замерзшим у мечети в городе. В обоих вариантах до середины XV части повесть без изменений, кульминации же совершенно разные. Даже после этого трагичность произведения не уменьшилась, оно в полном объеме передает содрогающие душу картины голода зимы 1921–1922 годов. В предисловии к V тому собрания сочинений Г.Ибрагимов пишет, что «некоторые типы произведений, написанные и даже изданные определенное время назад, по причине глубоких общественных движений истории, в душе, сердце писателя проходят постоянный творческий процесс. Даже если эта тема была уже напечатана, распространена отдельной книгой, она продолжает обрабатываться, развиваться, изменяться в сознании издателя. Вот такие произведения не могут издаваться повторно без изменений. Они требуют доработки, совершенствования творческим пером автора. В итоге долгого творческого процесса в новом издании появляется новая литературная редакция. Изменения касаются определенных мест, отдельных слов, отдельных эпизодов, некоторых частей композиции, или же все произведение пишется заново» [2]. Здесь же Г.Ибрагимов подчеркивает, что не изучив все возможные варианты текстов произведений, нельзя изучить творчество писателя в полном объеме. В своей автобиографии (1936) писатель пишет: «В годы страшного голода я организовал и силами татарских писателей и наборщиков издал в пользу голодающих детей Татарии две книги литературного сборника «Ярдэм» («Помощь») [1].

В заключении подчеркиваем, что Г.Ибрагимов смог донести до читателя идеалы советской власти в живых художественных картинах, потому что сам был непосредственно участником исторических революционных событий. Своей реалистичностью, правдивостью его произведения содрогают душу читателей, помогают объективно оценивать, комментировать различные исторические события татарского народа.

Список литературы

1. Автобиография Г.Ибрагимова. ГА РТ, ф. П-30, оп. 3, д. 1260.
2. *Галимжан Ибрагимов әсәрләре*. V том / Адәмнәр. – Казан: «Яңалиф», 1931. – Б.101–140.
3. *Госманов Ш.* Адәмнәр // Безнең юл. – 1924. – №3. – Б.149-150.
4. *Губайдуллин Г.* Новые произведения Галимджана Ибрагимова // Вестник научного общества Татароведения. – 1925. – №1–2. – С.66.
5. *Сәйфи-Казанлы Ф.* «Яңа кешеләр» драмасы // Татарстан хәбәрләре. – 1920, 14 ноябрь.
6. *Тагиров И.* Ачлык фажигасе // Мирас. – 1996. – №4. – Б.104.
7. *Ходаяров Г.* «Яңа кешеләр» // Эшче. – 1920. – 16 ноябрь.
8. Объявление // Эшче. – 1920. – 18 октябрь.

10.01.02

¹Т.И. Зайцева д-р филол. наук, ²О.И. Налдеева д-р филол. наук,
³И.Ф. Павлова канд. филол. наук, ²Е.П. Прокаева канд. филол. наук

¹Удмуртский государственный университет,
кафедра удмуртской литературы и литературы народов России,
²Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева,
кафедра родного языка и литературы,
³Удмуртский государственный университет,
кафедра мультимедиа и интернет-технологий,
Ижевск, uawoz@rambler.ru, irinafedirpav@mail.ru
Саранск, naldeeva_oi@mail.ru

ВОЕННАЯ ПУБЛИЦИСТИКА ПИСАТЕЛЕЙ УДМУРТИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВОВ)

В статье на основе изучения архивных материалов представлены основные тенденции развития удмуртской военной публицистики. В годы Великой Отечественной войны публицистика являлась основной формой творчества практически всех удмуртских мастеров художественного слова. В репортажах, очерках, заметках, статьях, письмах повествовалось о жизни людей на фронте, об их чувствах и духовных переживаниях, об их отношении к различным фактам войны. Многообразная по форме, индивидуальная по творческому воплощению удмуртская военная публицистика является примером мужества и преданности своей Родине.

Ключевые слова: военная публицистика, писатели-фронтовики, архивные материалы, публицистические жанры, поэтика.

Публицистика в годы Великой Отечественной войны стала одной из основных форм творчества советских писателей и журналистов. Важность деятельности литераторов на фронтах была обусловлена выходом правительственных постановлений ЦК ВКП (б) – «О работе на фронте специальных корреспондентов» (август 1941), «О работе военных корреспондентов на фронте» (сентябрь 1942).

Большая часть литераторов Удмуртии также ушла на фронт. Командиром роты воевал поэт Филипп Кедров, заместителем командира стал известный писатель Михаил Петров, офицером штаба – прозаик Михаил Лямин, командиром огневого взвода зенитно-артиллерийского полка – публицист Василий Михайлов, всю войну прошел снайпером поэт и журналист Семен Шихарев, служил шофером поэт и драматург Степан Ширококов, пехотинцем и танкистом – народный поэт Удмуртии Николай Байтеряков, окулистом и военным хирургом – основоположница национальной поэзии Ашальчи Оки, военным врачом – поэт Илья Зорин. Фронтowymi корреспондентами работали И. Гаврилов, С. Зубарев, Ф. Бармин, Ю. Шаврин, И. Полушин, В. Никитин, П. Порываев и др. Обратимся к публицистическому творчеству писателей-фронтовиков Удмуртии.

Одним из наиболее значительных публицистов военных лет можно считать популярного удмуртского драматурга Игнатия Гавриловича Гаврилова (1912–1973). Будучи начальником политотдела 21-й гвардейской стрелковой дивизии, он активно сотрудничал в газете «Победа за нами!». В центре внимания публициста героизм солдат и офицеров, их фронтовые будни. И. Гаврилов награжден медалью «За боевые заслуги», орденом «Красной Звезды» [ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 690155, д. 5312, л. 285]. Герои публицистики И. Гаврилова – разведчики, стрелки, саперы, пулеметчики, артиллеристы, связисты, санитарки, бойцы различных военных специальностей. Так, в репортаже «Умелая работа саперов» (газета «Победа за нами!» от 11 мая 1943 г.) речь идет о сложной работе саперов подразделения Бородулина,

отлично выполнивших экстренное задание командования. За три дня они очистили 15 минных полей, обезвредили, в общей сложности, свыше 300 противотанковых и противопехотных мин. В другом репортаже «Знать, помнить и выполнять!» (газета «Победа за нами!» от 17 мая 1943 г.) И. Гаврилов призывает бойцов терпеливо и настойчиво учиться.

Примечательно, что в архивных материалах имеются отзывы исследователя-историка С. П. Зубарева о фронтовой деятельности писателя-журналиста И. Гаврилова. «Он в газете был единственным литератором-организатором, обязанным обеспечивать газету необходимым материалом» [ЦДНИ, ф. 103, оп. 1, д. 145, л. 89].

Большой вклад в развитие военной публицистики Удмуртии внес поэт Филипп Григорьевич Кедров (1909–1944). Его фронтовые стихи звучат как клятва Родине, они исполнены пафосом патриотизма, отражают эмоционально-возвышенное отношение человека к родимой земле. В золотой фонд удмуртской литературы вошли его военные стихи «Письмо с фронта», «До свидания, любимая!», «Родина, верь!». В отличие от лирики, публицистических текстов у Ф. Кедрова немного. В газете «Вперед за Родину» имеются две его небольшие публикации. В очерке «Наводчик Параменов» (газета «Вперед за Родину» от 17 ноября 1941 г.) политрук Кедров рассказывает, как во время ожесточенного боя наводчик Параменов вывел из строя две артиллерийские и одну минометную батареи противника. В другом очерке (газета «Вперед за Родину» от 20 декабря 1941 г.) Кедров повествует о народном сборе средств на постройку танковой колонны «Фронтовой комсомолец» [ЦДНИ, ф. 103, оп. 1, д. 541, л. 52].

У Ф. Кедрова было много творческих планов. Находясь на лечении в одном из военных госпиталей в мае – июле 1942 г., он начал работу над повестью «Лес шумит» [ЦДНИ, ф. 103, оп. 1, д. 464, л. 25]. По рукописным материалам, собранным историком С. П. Зубаревым, повесть была передана в издательство «Удгиз», однако повесть «так и не увидела свет. Куда делась – до сих пор остается загадкой» [ЦДНИ, ф. 103, оп. 1, д. 464, л. 27]. Талантливый удмуртский поэт-воин Ф. Г. Кедров погиб 13 февраля 1944 года.

В плане изучения военной публицистики писателей Удмуртии показательно творчество Юрия Александровича Шаврина (1922–1945). Юный поэт из города Воткинска долго не мог попасть на фронт по состоянию здоровья. И свои чувства он «доверял» поэзии. Широкую известность в «сороковые» получили его стихи «Товарищ, дай винтовку мне!», «Песня о шинели», «Люблю Отчизну». На фронт Ю. Шаврин попал в мае 1943 г. в составе первого пополнения в комсомольский артиллерийский дивизион. Многие его фронтовые стихи, переполненные любовью к Родине и ненависти к врагу, были напечатаны в красноармейской газете 173-й стрелковой дивизии «Вперед, к победе». Произведения Ю. Шаврина читают на концертах художественной самодеятельности, заучивают и поют между боями [ЦДНИ, ф. 103, оп. 1, д. 463, л. 24]. К работе в редакции дивизионной газеты «Вперед, к победе» Ю. Шаврин приступает в середине 1944 года. Известно, что поэт не сразу согласился работать в редакции, поскольку считал, что «на передовой он больше принесет пользы» [ЦДНИ, ф. 103, оп. 1, д. 257, л. 157]. В каждом номере газеты появляются его стихи, заметки, корреспонденции. За год и восемь месяцев фронтовой жизни Ю. Шаврин написал более 30 стихотворений, 20 из них были опубликованы в армейской газете «Вперед к победе».

Комсомолец Ю. Шаврин погиб в тяжелом бою 21 января 1945 г. в районе г. Петруков (Польша), выполняя важное задание редакции. Он был удостоен медали «За отвагу», ордена «Красной Звезды» и ордена «Отечественной войны 2-й степени» (посмертно). Сборник стихов Ю. Шаврина «Суровый наказ выполняя...» трижды издавался после войны и был удостоен премии Комсомола Удмуртии.

Среди удмуртских военных публицистов важное место также занимает творчество Василия Никитовича Никитина (1923–2008), прошедшего всю войну от рядового солдата до майора, от военкора до редактора дивизионной газеты «Защита Родины». На фронте В. Никитин писал стихи и публицистические статьи. Его первое стихотворение «Вперед» появилась в газете «Защита Родины» в апреле 1942 г. Заметки и статьи красноармейца В. Никитина появлялись в газете из номера в номер. Темы его статей – боевые схватки,

занятия солдат между боями, инструкция по эксплуатации боевого обмундирования, смекалка и отвага, необходимая в разведке и др. Очерки «Назарип Баташев», «Месть за друга», «Один против трех», «Атака», «На митинге», «Благодарность отважному», «Смелый налет разведчиков», «Стойкость», «Прямой наводкой» и др. хорошо отражают эволюцию роста писательского мастерства В. Никитина. Не случайно журналист становится популярным военным корреспондентом, а 26 июля 1943 г. командование награждает В. Никитина медалью «За боевые заслуги». Это была его первая боевая награда.

В. Никитин был награжден также орденом Отечественной войны 2-й степени. А к концу войны старший лейтенант В. Н. Никитин был уже постоянным автором армейской газеты «Боевая тревога» и фронтовой – «Вперед на врага». После войны, вплоть до 1947 г. В. Никитин оставался редактором дивизионной газеты «Защита Родины», в дальнейшем вся его жизнь была связана с работой в прессе [ЦДНИ, ф. 103, оп. 1, д. 537, л. 17].

Около 30 журналистов и писателей Удмуртии были участниками Великой Отечественной войны [ЦДНИ, ф. 103, оп. 1, д. 464, л. 30]. Не все вернувшиеся с фронта писатели-журналисты продолжили разрабатывать военную тематику, рассказывать о пережитых военных событиях. Из не рассмотренных нами в статье писателей-журналистов, активную публицистическую деятельность в послевоенные годы вели М. А. Лямин (1906–1978), В. В. Голубев (1923), П. П. Любомиров (1924–1999), Г. С. Ладыгин (1926–1993), А. С. Луговой (1918–2011), В. Е. Смирнов (1919–2006), Е. М. Флейс (1903–1979), С. Т. Шихарев (1917–1992) и др. К сожалению, публицистика писателей-фронтовиков Удмуртии остается самой слабо изученной сферой национального литературоведения, она требует к себе серьезного внимания и коллективных исследовательских усилий.

Список литературы

1. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 5312. Л. 285.
2. Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики. Ф. 103. Оп. 1.

10.01.00

¹Я.В. Иконникова канд. филол. наук, ²Н.Ю. Желтова д-р филол. наук

¹Тамбовский государственный технический университет,
факультет международного образования,
кафедра «Русская филология»,

²Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина,
факультет филологии и журналистики,
кафедра русской и зарубежной литературы, журналистики,
Тамбов, janakareva@yandex.ru, nata_zheltova@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО РОМАНА А.И.КУПРИНА «ЮНКЕРА» КАК МАРКЕР КОНЦЕПТА «СВОЕ-ЧУЖОЕ»

В статье исследуется художественное пространство романа А.И. Куприна «Юнкера» с точки зрения реализации в нем важнейшего для творчества писателя концепта «свое-чужое». Показано, что концепт представлен на всех уровнях идейно-поэтической системы произведения: образной, структурно-композиционной, пространственно-временной. Своеобразными маркерами «своего» и «чужого» в романе являются оппозиции «своего дома» (название целой главы в романе) и чужбины, военных и штатских, Москвы и Петербурга, традиций и современности, родного и эмигрантского и др. Доказывается, что в «Юнкерах» в концентрированной форме показаны характерные особенности дореволюционного устройства русской жизни, отражена эволюция взглядов писателя на проблемы национального, государственного.

Ключевые слова и фразы: литература русского зарубежья; А. И. Куприн, художественное пространство, концепт «свое-чужое», оппозиция.

Противостояние «своего» и «чужого» ярко прослеживается уже в ранних произведениях А.И.Куприна, но именно эмиграция становится особой катализирующей средой художественного развития концепта в творчестве писателя. Особенно ярко это проявилось в его единственном и во многом итоговом романе «Юнкера» (1930), который по тональности изображения русской жизни явно контрастирует с доэмигрантскими произведениями, при этом тематически являясь продолжением повести «На переломе (Кадеты)» (1900) и во многом перекликаясь с повестью «Поединок» (1905).

Сам А.И.Куприн вдали от России ностальгировал: «Вспоминаю юнкерские годы... И помнится много хорошего...» [1, с. 230, 231]. Неудивительно, что в романе о становлении личности будущего офицера сама молодость с ее наивностью и неопытностью по другому расставила акценты в типизации «своих» и «чужих». Кроме того, А.И.Куприн, продолжатель лучших традиций русской классической литературы, оказался в изоляции, в чуждой ему этнокультурной среде, что также объясняет иную расстановку «своего» и «чужого» в художественной системе романа.

Отвечая на обвинения современников в уходе от социальных проблем, в идеализации дореволюционной России в статье «Не по месту» (1926) Куприн писал: «...Моими общениями всегда руководила любовь к каждому отдельному человеку и еще большая любовь к моей чудесной родине. Я ссорился с русским правительством только потому, что в корне своем оно было здорово и мощно» [3, с. 478, 479].

В художественном наследии автора универсальный концепт «свое-чужое», реализуясь на стыке мотивных полей нескольких концептов («родина», «дом», «любовь», «совесть»), сочетает в себе их ядерные признаки. Характерными маркерами концепта «свое-чужое» в романе становятся пространственные образы: родные дом и училище; неизвестное, но непременно прекрасное место будущей службы; милая сердцу Москва и чуждый, холодный Петербург.

Символично в романе показан образ «своего» дома, который очерчивает семейный круг юнкера и носит скорее ментально-ценностный характер, нежели пространственный. Трогательные отношения главного героя – юнкера Александрова с матерью, теплота в общении со старшими сестрами и их семьями – все это свидетельствует о крепких семейных устоях, о настоящем клане Александровых.

«Своим домом» становится и Александровское военное училище, неслучайно именно так названа глава романа, посвященная месту учебы юноши. Тесная родственная связь училища и дома подчеркивается знаковым образом священника – отца Михаила, который по-отечески разговаривает с юнкером и именно в его уста вложены прекрасные строки о материнской любви: «Что тебе стоит окончить корпус? <...> А ей сладко. Сынок вышел в люди. <...> А знай, что первое слово, которое выговаривает человеческий язык, это – слово «мама». И когда солдат, раненный насмерть, умирает, то последнее его слово – «мама»» [2, с. 14, 15]. Таким образом, четко очерчивается круг «своих»: семья юнкера и священник, который связывает две линии жизни главного героя – семейную и учебную. Образы матери и Родины всегда были неразрывно связаны в русской культуре, образ же православного священника, в свою очередь, дополняет картину патриархальной России.

Образ дома выступает особым маркером концепта «свое-чужое». В романе дом представлен как сакральный объект: не только как место обитания героя и членов его семьи, т.е. круга «своих», но как главная нравственно-этическая категория в жизни молодого человека рубежа веков. Образ дворянского дома с традициями обедов и балов неслучайно акцентирован в романе, поскольку во многом отражает не только светскую жизнь молодого поколения, но и шире – его мировоззрение. Все это составляет портрет будущих участников белого движения и в целом потерянной России, за которую они боролись и о которой тосковали в эмиграции. Таким образом, образ дома становится характерным маркером концепта «свое-чужое».

Показывая развлечения юнкеров, писатель связывает их с конкретными местами Белокаменной: «На дачном танцевальном кругу, в Химках, под Москвою ...»; «... Он должен ждать в Зоологическом саду...»; «...Вечером знаменитая елка в Благородном собрании, на которую съезжается вся молодая Москва...»; «...Наряжены на бал, имеющий быть в Екатерининском женском институте...» [2, с. 22, 118, 119]. Пространство Александровского училища, «свой дом» для юнкеров, также тесно связано с пространством Москвы. В романе неоднократно звучит мысль о том, что юнкера были настоящими любимцами всей первопрестольной и самого царя: «Москва в число своих фаворитов неизменно включала и училище в белом доме на Знаменке...» [2, с. 56]. Москва ценила «своих» юнкеров и в целом формировала особый мир «своего», ее возвращаемого, лелеемого.

Москва, сердце России, выступает самостоятельным действующим лицом. В романе она характеризуется как «вся Москва», т.е. подразумевается некая общность «своих», которые держатся одних привычек, одних вкусов и мнений. «Вся Москва» танцует на балах и катается с гор, ест блины на масленицу, радостно звенит колоколами сорока сороков, ожидая приезда государя. Противостояние Петербурга и Москвы, традиционное для русской литературы, четко прослеживается в романе, причем столицы противопоставлены прежде всего по своим традициям и нравам: «Москва же в те далекие времена оставалась воистину «порфиносною вдовою», которая не только не склонялась перед новой петербургской столицей, но величественно презирала ее ...» [2, с. 33, 34]. Белокаменная наделяется чертами живого человека, предстает самостоятельным героем романа, что подчеркивает любовь писателя к потерянной родине, «своей» России, хотя напрямую в романе об этом и не говорится, тема эмиграции затрагивается опосредованно.

Крайне ревностно относятся юнкера к тому, что обожаемый император живет в «чужом» Петербурге: «Каждому юнкеру втайне кажется несправедливостью судьбы, что государь живет не в Москве, а в Питере. Но об этом не говорят» [2, с. 56]. Здесь необходимо отметить важнейший маркер концепта «свое-чужое» в произведении – национальное, государственное. Действие романа начинается в последних числах августа. Важно отметить,

что 30 августа – день тезоименитства императора. Александр «в квадрате» (Александр Александрович) исторически воспринимался символом сильной самодержавной Российской империи. В этом контексте неслучайным представляется и выбор фамилии для главного героя романа, типичного представителя своего поколения: Александров, сын своего века, отечества и государя.

Царский смотр становится одним из самых дорогих и памятных событий в жизни юнкера, чувствующего себя частичкой знаменитого училища и офицерского братства, родной Москвы и всей России, – одного из «своих»: «Какие блаженные, какие возвышенные, навеки незабываемые секунды! Александрова точно нет. Он растворился, как пылинка, в общем многомиллионном чувстве» [2, с. 59]. Для каждого юнкера в образе императора соединяются такие основополагающие для каждого офицера понятия, как Бог и Родина, честь и славная история России. Чувства Александрова слиты с чувствами таких же, как он, «своих», они разлиты в самом воздухе, пропитанным всенародным обожанием императора. Это всенародное обожание, подлинное единение по-особому маркирует концепт «свое-чужое». Писатель изображает образ цельной, нерушимой державы, которая непобедима именно в силу своего единства, сплоченности, крепких нравственных устоев и понятий о чести.

Военное училище формирует особую ментальную среду. Юнкерское братство представляют собой особый тип замкнутой, но неоднородной системы. Каждый юнкер ощущает частью общего «дома», единой и дружной военно-ученической семьи, но необходимость покинуть второй дом (окончание училища) формирует индивидуальный взгляд на мир и свое место в нем каждого молодого человека.

Отношение к любви, карьере, будущему в целом – всё это ничего не значило в стенах казармы, но за ее пределами обязательно разделит некогда единое юношеское братство. Так, если Александров называет своего товарища Венсана «циником» за рассудочное отношение к любви, тот в свою очередь подчеркивает творческое, непрактичное отношение героя к жизни: «Ты – писатель, и твое одно удовольствие – это парить в облаках...» [2, с. 175]. Алексей искренне желает своим товарищам успехов в карьере, стать в «маститые годы» генералами, но свою судьбу он видит иной: более яркой, героической, непредсказуемой.

Творческие способности героя также становятся особым маркером концепта «свое-чужое». В стенах училища он, прежде всего, юнкер, но это не мешает ему оставаться художником в самом широком смысле. Военную стезю Александров впоследствии оставит: художник в нем победит. Здесь в образе героя отчетливо просматриваются автобиографические черты.

В этой связи важной представляется еще одна оппозиция, представленная в романе: «военный»/«штатский». Поступая в юнкерское училище, каждый мальчишка приносил присягу, составленную еще Петром Великим. Понятие офицерской чести накладывало на юношей особую ответственность, что во многом определяло их дальнейшее отношение к жизни. Показателен в этом смысле один эпизод. Герой стал свидетелем студенческого бунта, во время которого из-за «железной ограды» бросался громкими и обидными словами в адрес юнкеров «изношенный студент». Для Александрова же непонятны эти обвинения: «А вот настанет война, и я с готовностью пойду защищать от неприятеля... Умереть за отечество. Какие великие, простые и трогательные слова!» [2, с. 203].

Необходимо отметить, что писателя упрекали в том, что молодые юнкера были изолированы стенами Александровского училища, что, в свою очередь, делало их полностью оторванными от острых социальных проблем. Противопоставление же военных и штатских как «своих» и «чужих» показывает, что офицерский долг подразумевает особое отношение к чести, долгу, государю и государству. Прежде всего, именно эта принадлежность к воинскому званию, а не оторванность от жизни во многом определяет мировоззрение молодого Александрова.

Художественное пространство повести, расширяясь в мыслях главного героя от локуса военного училища до неизвестного еще места будущей службы, маркирует еще одну реализацию концепта «свое-чужое»: противопоставление солдата и офицера. Так,

Александров, размышляя о предстоящей службе в армии, отчетливо понимает, что к окончанию курса ничего не знает о солдатах, которыми ему предстоит руководить: «Разве я знаю хоть что-нибудь об этом неведомом, непонятном существе. Что мне делать, чтобы приобрести его уважение, любовь, доверие?» [2, с. 240]. Эта корреляция, не столь явная в романе, в условиях эмиграции приобретает особый смысл. Не в этой ли оторванности, изоляции солдата и офицера, в оторванности дворянина от народной жизни заключены истоки страшных революционных событий.

Таким образом, концепт «свое-чужое» в романе «Юнкера» является своеобразной «скрепой» его художественного пространства. Репрезентация концепта «свое-чужое» в произведениях Куприна есть отражение уникального авторского видения константы, которое, однако, сближается и с ее общенациональным пониманием. Таким образом, в «Юнкерах» наблюдается единая сквозная линия, выраженная в противопоставлении «своего» и «чужого». Она отражает ретроспективность творческого поиска писателя, своеобразную эволюцию его взглядов на содержание и приоритеты русской национальной жизни.

Список литературы

1. Кулешов Ф. И. Творческий путь А. И. Куприна, 1907-1938. Мн.: Изд-во «Университетское», 1987. 319 с.
2. Куприн А. И. Собрание сочинений: в 9 т. М.: Правда, 1964. Т.8. 439 с.
3. Куприн А. И. Хроника событий глазами белого офицера, писателя, журналиста. 1919-1934. М.: Собрание, 2006. 672 с.

10.01.01

Т.Ю. Климова канд. филол. наук

Иркутский государственный университет,
Педагогический институт,
кафедра филологии и методики,
Иркутск, klimova-tu@yandex.ru

СМЫСЛОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ ТЕКСТОВ В МЕТАНАРРАТИВЕ**В. МАКАНИНА «КЛЮЧАРЕВ-РОМАН»****Статья вторая («Лаз», «Стол, покрытый сукном и с графином посередине»)**

Во второй статье выявляются метанарративные конструкции в завершающих «Ключарев-роман» повестях «Лаз» и «Стол, покрытый сукном и с графином посередине». К умозрительным схемам мироустройства здесь добавляются современные антропологические теории и психоанализ. Метагерой Ключарев представлен в логике восхождения от безликой усредненности к уникальному «я», ответственному за Слово и духовное равновесие в мире. Это становится условием переоформления его личности и выхода на другой уровень метатекстовости: «художник-творец».

Ключевые слова: *В.С. Маканин, «Ключарев-роман», метанарративные конструкции, мотив копания, психоанализ, переоформление «я».*

Завершающие метанарратив «Ключарев-роман» повести характеризуются подчеркнутым интеллектуализмом и установкой на условные формы. В повести «Лаз» (1991) «наш старый знакомец» [2, с. 5] Ключарев отличается от своих прежних образных ипостасей не только возрастом, но и явными нестыковками в биографии, которые носят экспериментальный характер: автор находит «ознобистое» место в душе сорокасемилетнего книгочея, чтобы мотивировать новую бытийную роль «стареющего хлопотуна», поэтому его подающий надежды сын-спортсмен Денис из рассказа «Ключарев и Алимуткин» заметно молодеет и отстает в развитии. Как и многие герои сюжетов Маканина («Рассказ о рассказе», «Голоса», «Отставший», «Утрата»), Ключарев проходит тест на человеческую состоятельность через отношение к больному ребенку.

Уязвимый герой в «Лазе» соответствует логике антиутопии. Такая деталь, как пять раз упомянутая шапочка с помпоном, развивает тезис о его интеллигентности, которая в безобидной детской шапочке нашла «скромный вызов и одновременно защитную форму» [2, с. 6]. Друг Ключарева, детдомовец Чурсин, играет на контрасте, защищаясь агрессивной маской – выдавшей вид кепкой. Но, попав в толпу, оба лишаются своей непрочной защиты и оказываются уязвимыми. Мотив защиты здесь обусловлен страхом перед неуправляемой массой с ее разрушительной мощью и затягивающей волей раствориться в коллективе, что позже получит развитие в рассказе «Иероглиф», в повести «Сюжет усреднения» и в романе «Андеграунд, или Герой нашего времени».

Ключарев вновь занимает срединное положение, равно принадлежа верху и низу. Но теперешний герой уже видит в усредненности симптомы духовного оползня. И хотя он не без самоиронии замечает, что, роя пещеру, как другие, он сам «на полпути к пещерному деспотичному состоянию» [2, с.32], но в состав его человеческих обязанностей входит импульс воспротивиться насилию, похоронить друга, защитить свою семью.

Почему именно Ключарева земля впускает в свое чрево? Наверху он тщательно маскирует свою пещеру, но ее находят и разрушают, а лаз у всех на виду, но никто не стремится вниз за легкой наживой... В этой повести впервые актуализируется семантика фамилии героя: Ключарев – ключ, отмычка, а в промежуточном положении Ключарева появляется принципиально новый аспект трактовки срединности: его роль при жизни быть медиатором

между мирами (смыслами, культурами), а после смерти – стать «затычкой, пломбой» лаза, законсервировать от варварства пространство культуры, как предлагал А. Битов в «Пушкинском доме».

В связи с этим и в названии повести, и в сюжете на первый план выдвинута криптограмма лаза. Лаз не только связывает перевертыш верха и низа, но и доводит до зримой определенности модель сообщающихся сосудов: чем страшнее и опасней наверху, тем светлее и сытнее внизу.

Лаз – это повод высказаться о теориях контракции и расширения земли: научный работник замечает, что «с землей все время <...> что-то происходит. Земля – дышит...» [2, с. 14], и природа этих процессов – великая тайна.

В концептуальном пространстве повести можно выделить также теорию «бутылочного горлышка»: после периодического снижения популяции численность населения постепенно восстанавливается, а генетическое богатство – нет. Наверху хаос и неизвестность, там грабят и убивают, но у Ключаревых есть сын, с Чурсиными в цистерне прячутся две дочери-красавицы, а жена Павлова вот-вот родит. Внизу нет ни детей, ни беременных, и жители возвращают билеты в будущее. А с их уходом уйдет и высокая культура.

Кроме того, лаз – это модификация дыры, пещеры, подкопа («Утрата»), котлована, ямы, чрева земли и могилы («Предтеча», «Гражданин убегающий»), трещины, узкого места («Удавшийся рассказ о любви»), метро, коридоров («Андеграунд, или Герой нашего времени»).

А в одном из эпизодов «Лаза» Ключарев интерпретирует протискивание в чрево женщины-земли как «свое вечное мужское дело» [2, с. 50]. Это сообщает его передвижениям вверх-вниз символику Священного брака в постапокалиптической космогонии и объясняет частотность мотива копания.

Наконец, лаз – это повод заявить о нише человека в природе. В одной из притч повести «Голоса» беспечно посвистывающий царь природы после смерти пристраивает свое «я» в тело червя. В «Предтече» Якушкин яростно пресекает нытье пациентов: «Ну ты, червь, – давай жуй, что даю!» [3, с. 290]. Ключарев, делая вползающие движения в узкий лаз, констатирует: «так движется червь, так движутся и люди, если они не притворяются» [2, с. 15]. Человек без масок и ролей – червь: он извивается, протискивается, выворачивается. Умение «втискивать и изгибать отсыревшее тело» [Там же, с. 33] определено как «колея веков» [2, с. 17].

Опасность расподобления homo sapiens в червя подкрепляется рассуждениями Ключарева о том, что человечество не пересоздает жизнь, а «дергается туда-сюда», потому что еще «не нашло свою биологическую нишу» [2, с. 58]. Приматы нашли, пресмыкающиеся нашли, а человек все еще в поиске. А пока «границы» человека держат запреты и укол высоких слов: люди «не просто ползущие или вползающие существа» [2, с. 33], люди – это слова, и живут, пока передают их друг другу, пока слышат присутствие Слова.

Завершающий этап в репрезентации метанарратива «Ключарев-роман» – повесть «Стол, покрытый сукном и с графином посередине» (1993). Она предельно символична и погружает читателя в архетипические структуры сознания.

Герой, имя которого редуцировано до «гражданина К.», – классический рефлектирующий интеллигент, носитель «огромной, завещанной веками вины» [4, с. 183]. Его «уязвимое место» – это народ. Внешне Ключарев постарел, согнут бессонницами, тревогами и похож на больное животное. Зато он научился понимать и принимать людей, растоптанных жизнью: нищих, пьяниц, старушек, мальчика-дауна. Его чуткое сердце-бабочка трепещет от чужой боли.

Древние уровни психики: ид – эго – супер-эго – обнаруживают себя в развертывании метафоры стола как совестного суда, «метафизического давления коллективного ума». Это и есть ведущая схема миромоделирования в «Столе». Срединное положение Ключарева в тисках суда сверху и снизу обусловлено его ролью культурного героя, который свидетельствует о сокровенном от 1-го лица, в связи с чем нарратив представляет собой

самоанализ на грани психоанализа. Но пристрастный интерес к своему «я» здесь принципиально иной, чем в «Повести о Старом поселке»: за последнюю в своей жизни ночь замкнутый в пределах квартиры герой проживает «подвальную» историю человечества времен Рима, Малюты Скуратова, 1937-го года и постнечаевщины как свой персональный опыт и мучается виной за всех.

Привязанность к своему «я» переживается Ключаревым как грех по отношению к рою, отсюда распадение единой личности на «десять-двенадцать человек, готовых с тебя спросить» [4, с. 225]. А в одном из вариантов беспощадного самоанализа он сливается со своими судьями: «Они – это и есть я» [Там же]. Страх и готовность к отчету ощущается постаревшим Ключаревым как форма жизни: с уходом страха уйдет и жизнь. А «образы и структуры» этой жизни сформированы спросом. Разные судьи с детства навязывают человеку стандарты фальшивой личности, прививают ему чувство вины за несоответствие шаблону. Потом решает трудовой или студенческий коллектив, затем общественный суд и т.д. И выйти из-под контроля коллективного разума Ключареву не удастся: легко отделяя свое «я» от садистских подвальных форм древнего бессознательного, он с трудом изживает в себе привязанность к супер-эго. Заложник мифа общности, интеллигент видит свою вину в том, что не отличил суд земной от суда небесного.

Суд и вина – сквозной метаобраз маканинской прозы. Модификации суда в «Столе...» – это узкое место, туннель под рекой, куда Ключарев, как купчик Пекалов из «Утраты», входит вместе с судьей Аникеевым. Это и канал в «темную первородную плазму человеческих отношений». Даже самая безобидная ипостась стола – плот из детства – у Маканина связана с темой суда: люди могут забыть о своей незримой связи с подвалами, а «*Стол помнит*» (Курс. авт.) [4, с. 174]. Предложенную Маканиным семантику «стола» обогащает сакральными обертонами его общекультурная символика, включающая в себя значение духовной общности, обреченности времени, престола, ритуального пира и «перехода из одного мира в другой и обратно» [1]. Врожденная восприимчивость к собственным комплексам и обращение к детству как «донаучной стадии символизма» [5, с. 228], согласно Э. Нойманну, выдают в герое заключительной повести сформированную творческую натуру. Обратимся к цитате: «В моем преддетстве, в самой его глубине колыхается, как вода, хаотическая бездна, смутная и темная <...> Оттуда, как из колодца, доходят до моего сегодняшнего сознания зыбкие смещения светотеней, темные блики и заодно глухой звук <...> Это и есть «я» [4, с. 208].

Бездна, хаос, влага в психоанализе – это стихия творчества. Творческим складом натуры объясняется одержимость Ключарева поиском истины и наличие архетипической эмблематики в его снах и фантазиях. Глубоко в подсознании, в нише сверх-я, кроется и его невинная вина перед коллективом и человечеством в целом.

Таким образом, логика развития героя в метаромане – восходящая. Виктор Ключарев претерпевает ряд возрастных (количественных) и культурных (качественных) изменений сознания, которые в повествовании сопровождаются саморефлексией, сцеплением образов культуры с болезненными вторжениями бессознательного.

Нарратив отличает усиление условности: к привычной для стиля Маканина иронической притчевости добавляется интеллектуализм научной картины мира, дистопический натурализм и классика психоанализа. Механические конструкции миростроения обогащаются современными антропологическими теориями. И чем глубже погружение, тем сильнее акцент на чувствительности героя к дисгармонии, к импульсам чужой боли. И тем ближе по направлению к творчеству, как указывалось в кодирующей фразе «Повести о Старом Поселке». В роли медиатора между мирами и охранителя Слова Ключарев уже по праву занимает место в ряду бытийных персонажей. В «Столе...», разрешаясь картинами и образами, «я» научного работника окончательно трансформируется в «я» художника, творца, получающего импульсы из подсознания и ответственного за духовное равновесие в мире. Тотальное переоформление личности делает бессмысленным дальнейшую эксплуатацию метагероя Ключарева, и он умирает как человек и как единица сюжета.

Список литературы

1. Амирбемян Р. Стол как энергетический узел дома [Электронный ресурс]. URL: <http://mostga.am/vzglyad/stol-kak-energeticheskij-uzel-doma-999.html> (дата обращения: 12.10. 2018).
2. Маканин В. С. Лаз // В.С. Маканин. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Материк. Т. 4, 2003. С. 5-63.
3. Маканин В. С. Предтеча // В.С. Маканин. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Материк. Т. 3, 2002. С. 234-382.
4. Маканин В. С. Стол, покрытый сукном и с графином посередине // В.С. Маканин. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Материк. Т. 4, 2003. С. 160-231.
5. Нойманн Э. Творческий человек и трансформация // К. Юнг, Э. Нойманн. Психоанализ и искусство. М: REFL-book, К: Ваклер, 1996. С. 206-249.

10.01.00

¹Б.В. Кондаков д-р филол. наук, ²Ван Кэвэнь канд. филос. наук, ²А.А. Красноярова¹ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»,
кафедра русской литературы,
Пермь, KondakovBV@gmail.com,²Наньчанский университет,
кафедра русского языка,
Наньчан, Китай wkwcom@163.com, annapopkova1909@gmail.com**«КИТАЙСКИЙ ТЕКСТ» РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XXI ВЕКА**

В статье раскрываются особенности «китайского текста» в произведениях русской литературы XXI начала века, созданных современными российскими востоковедами (И.А. Алимовым и В.М. Рыбаковым). В качестве основных его особенностей называются обращение к «альтернативной» (потенциальной) истории и «разомкнутому» художественному времени, использование фантастики, воспроизведение традиционных сюжетов и символических культурных реалий, идеологием китайской философии, «восточных» мифологем, мотивов и образов. «Китайский текст» позволяет, используя «экзотический» материал, поставить важные для современной России проблемы.

Ключевые слова: *Китайский текст, образ Китая, русская литература, И.А. Алимов, В.М. Рыбаков, XXI век.*

На протяжении XIX–XX вв. русская литература последовательно формировала у читателей представления об истории, природе, быте, традициях, религии и философии Китая.

Большую роль в процессе возникновения у российских читателей содержательных представлений о жизни народа Китая сыграли такие российские писатели, как А.С. Пушкин, О.И. Сенковский, И.А. Гончаров, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, Н.Г. Гарин-Михайловский, В.К. Арсеньев, А.П. Чехов; в XX в. эту традицию продолжили (каждый по-своему) И.А. Бунин, Н.С. Гумилёв, В.М. Дорошевич, А.В. Амфитеатров, Н.А. Байков, А.И. Несмелов, А.П. Хейдок, В.Н. Иванов, Е.М. Анташкевич, Э.В. Барякина и многие другие. Совокупность художественных и документальных произведений, в которых появляются образы, соотнесённые с Китаем и китайской культурой, мы предлагаем называть «китайским текстом» русской литературы [5, с. 35].

В отличие от других пространственных «культурных» текстов, связанных с европейскими странами (Италией, Францией, Великобританией, Германией), которые были хорошо знакомы российским образованным читателям – как через литературные источники, так и через личный опыт путешествий, «китайский текст» (поскольку в XIX в. Китай оставался малоизвестной и достаточно «экзотичной» страной) часто «надстраивался» над литературными впечатлениями, в основе которых находились переводы философско-исторических, публицистических и художественных текстов китайских авторов, травелоги, повествующие о путешествии в эту страну, а также отдельные публикации российских синологов.

На протяжении XX в. «китайский текст» русской литературы стал особенно сложным и многообразным. Важнейшими факторами, повлиявшими на его развитие, оказались возникновение на территории Китая «русского города» Харбина, а также общественные преобразования и войны, сотрясавшие на протяжении первой половины века как Россию, так и Китай. В результате этих событий в России появилось большое количество китайцев, многие из которых были втянуты в события Гражданской войны; с другой стороны, сотни тысяч российских граждан эмигрировали в Китай. В «китайском тексте» XX в. появились типические образы представителей китайского народа, описания конкретных реалистических картин жизни страны и происходящих в ней исторических событий.

В начале XXI в. в русской литературе стала формироваться особая разновидность «китайского текста», которую составили художественные произведения, созданные российскими учеными – филологами и историками (чаще всего востоковедами). В них, помимо воспроизведения реалий китайской жизни (как современной, так и отнесённой к прошедшим эпохам), широко используется китайская мифология, классические китайские философские и исторические трактаты, литературные художественные произведения, а реалистические («правдоподобные») эпизоды органично сочетаются с эпизодами фантастическими.

К числу таких произведений могут быть отнесены, например, роман Д.Е. Косырева [литературный псевдоним – Мастер Чэнь] «Любимая мартышка дома Тан» (2006 г.), роман А.А. Коростелевой «Цветы корицы, аромат сливы» (2013 г.), серия фантастических романов, написанных И.А. Алимовым и В.М. Рыбаковым, а также некоторые другие произведения. Авторы этих текстов по сути следовали некоторым художественным принципам, реализующимся в самой китайской словесности, которая всегда отличалась акцентированием историко-философской проблематики, высокой степенью «литературности» (проявляющейся, в частности, в широком использовании разнообразных культурных аллюзий, цитат из разнообразных философских, исторических и литературных прозаических и поэтических текстов, обращением к фантастике).

В этих произведениях развивалась традиция, сформировавшаяся в русской литературе на протяжении последней трети XIX в., когда китайский текст нередко создавался под непосредственным воздействием исследований российских востоковедов и сделанных ими переводов китайских классических текстов. Другим источником такого типа поэтики можно назвать созданные в 1920–1930-е гг. произведения российских писателей-эмигрантов, использовавших некоторые традиционные для китайской литературы образы и сюжеты, – А.П. Хейдока (сборник «Звёзды Манчжурии») или К.В. Батурина, – а также опубликованный в 1950–1960-е годы цикл детективных романов нидерландского писателя Роберта ван Гулика, в которых следование принципам организации художественного текста, привычным европейским читателям, совмещалось с соблюдением приёмов, характерных для традиционного китайского литературного повествования.

Особое место в «китайском тексте» начала XXI в. заняли произведения, созданные известными российскими востоковедами-синологами и переводчиками, докторами исторических наук И.А. Алимовым и В.М. Рыбаковым. Это так называемый «Ордусский» цикл повестей под общим названием «Плохих людей нет (Евразийская симфония)» (2000–2005 гг.), написанный ими в соавторстве и публиковавшийся под псевдонимом Хольм ван Зайчик (который в сознании подготовленного читателя явно ассоциировался с известным нидерландским исследователем культуры Китая и писателем, автором серии детективов о Судье Ди, – Робертом ван Гуликом) [8], а также написанные И.А. Алимовым цикл повестей «О чём умолчал Пу Сун-Лин» (2004–2008 гг.) [1] и романная трилогия «Дракон» (2010–2011) [2], созданная в рамках «межавторского» проекта «Этногенез».

Нередко художественные произведения, созданные писателями-востоковедами, продолжают и развивают проблематику их научных исследований. Так, в серии «Плохих людей нет (Евразийская симфония)» используются результаты теоретических исследований В.М. Рыбакова, посвященные китайской бюрократии династии Тан, а также осуществлённый им перевод на русский язык танского кодекса «Тан люй шу и» [7]; повесть «Дело лис-оборотней» (включённая в эту же серию), а также написанный И. Алимовым цикл «О чём умолчал Пу Сун-Лин» тесно связан с научными исследованиями автора фольклорных и литературных текстов сунского Китая [3]. «Первоначально появление девятихвостой лисы считали счастливым предзнаменованием исключительно для владетельных родов, но после Тан за белой лисой в народной фантазии сохранилось по-прежнему свойство быть добрым вестником – уже для любого человека. Другое дело – фея-лиса. Она способна приносить человеку и беду, и добро, её образ противоречив. Если ей приносить жертвы, то она может помочь, может отблагодарить за справедливое к ней отношение... как правило, она не в ладах с человеком» [1, с. 53-54].

Все названные произведения основаны на глубоком знании традиционной китайской литературы, национальной истории и культуры, и на этом основании могут быть признаны в определённой степени «элитарными», однако одновременно их можно рассматривать и как создания «массовой» коммерческой литературы, ориентированной, в первую очередь, на массового читателя (таким же качеством обладает, например, и творчество Б. Акунина, в котором глубокое понимание истории русской и японской культур органично совмещается с приёмами «массовой литературы»). Наличие сложного разветвлённого сюжета, основанного на исторических событиях, сочетающегося с игровыми элементами, организованными в форме квеста, использование фантастики и игры с читателем, яркий и выразительный язык персонажей, система многочисленных экзотических «китайских» деталей формируют особый «китайский» художественный мир, способствующий максимальному погружению читателя в сюжет и помогающий ему представить себя непосредственным участником событий.

Одна из существенных особенностей «китайского текста» русской литературы проявляется в том, что писатели, используя экзотический «восточный» материал, рассматривают через его призму актуальные проблемы российского общества (связанные с осознанием национальных особенностей культуры, перспектив её развития и способов совершенствованием существующей общественной системы). В первую очередь, это осмысление места российской цивилизации в системе координат «Запад – Восток», проблема выживания и взаимного поглощения цивилизаций и культур, соотношение «глобалитета» и «локалитета», перспективы развития общества в условиях глобализации.

Поэтому вполне закономерным оказывается тот факт, что произведения, образующие «китайский текст» русской литературы, нередко обращаются к «альтернативной» («потенциальной») истории и становятся предметом актуальных дискуссий. Не стали исключением в этом плане и рассматриваемые произведения. Особенно много разнообразных откликов получил «ордуский» цикл (и особенно входящая в него повесть «Дело о полку Игореве»), в котором своеобразно представлена концепция совместного «евразийского» пути развития России и Китая.

Так, с точки зрения Е. Чудиновой, опубликовавшей статью «Вышел зайчик клеветать» (статья датирована 24.08.2015), цикл «Хольма ван Зайчика» «Ордусь» – и прежде всего повесть «Дело о полку Игореве» – это попытка разрушения русской культуры изнутри, «историческая ложь», которая «не способствует мирному сосуществованию, а лишь плодит новые беды», предлагающая русскому читателю «опасный тезис» о допустимости «пренебрежения к русской культуре» «всему русскому и христианскому» [9].

Противоположную мысль утверждает Д. Юрьев в статье «Еврабия против Ордуси» (статья датирована 28.08.15): «...Мир Ордуси» – это никакой не китайский, мусульманский или ордынский мир. Это – мир, отформатированный по-русски, мир, построенный по лекалам, которые Вячеслав Рыбаков издавна прикладывает к “русской цивилизации”», а весь цикл следует рассматривать не как «альтернативную историю», а как выражение особого «альтернативного мироощущения», которое является альтернативой мироощущения, характерного для тоталитарного общества, – «тех, кто знает, как надо» [10].

Одна из существенных особенностей «китайского текста» в русской литературе XXI в. – сложная многослойная организация художественного пространства-времени, которое становится важным структурным компонентом выражения авторского отношения к герою, которое заключается в наделении временного отрезка жизни изображаемого героя событийной (сюжетной) структурой, имеющей ценностный смысл.

«Игорь Алимов, знаток китайской истории и культуры, использует мистические приключения в ориентальном ключе как декорацию для притчи: в сладкой оболочке подается горькая пилюля. Так, центральные персонажи цикла рассказов «О чем умолчал Пу Сун-Лин» в разных обстоятельствах покидают правильный путь (по большому счету, отходят от духа Традиции). И забавные перипетии любовных связей во всех случаях приводят их к весьма неприятному финалу. Чем больше они удаляются от верного маршрута, тем горшее воздаяние их ждет. Все они вовлекаются в чудо, так или иначе попрощавшись с

нравственной ответственностью, и чудо, не имеющее благой христианской природы не приносит им ничего хорошего», – отмечает современный литературовед [4].

В отличие от традиционного жанра исторического романа, в котором обычно изображается какой-либо конкретный исторический период (пусть даже и соотношенный с современностью), произведения, включающие китайский текст, обращаются к истории китайской культуры в целом, без установления конкретных хронологических границ.

Реальное историческое время, прошлое и современность сочетаются с фантастикой; культурные реалии Древнего и современного Китая; действительные факты переплетаются с фантастикой и вымыслом, современный сюжет и образы накладываются на традиционные для китайской культуры литературные и мифологические образы и сюжеты. «Сериальность» книг позволяет читателю глубоко погрузиться в мир китайских древностей, соотнося события минувшего с современным миром. Символические встречи, разговоры и события втягивают читателя в мир загадок, ответ на которые он пытается найти как вместе с главным героем, так и самостоятельно, применяя метод дедукции. Визуальные характеристики художественного мира произведений несут эмоционально-оценочную нагрузку, передающую авторское отношение к Китаю.

Примером такого сложно организованного «китайского текста» может служить трилогия «Дракон». В тексте трилогии изображение современного Китая накладывается на ключевые эпизоды его прошлого, которые связываются сквозным сюжетом, отражающим события жизни главного героя – Константина Чижикова. Отметим также, что биография героя укладывается в универсальную формулу, генетически восходящую к мифологическому обряду инициации: испытания – осуществление подвига и связанная с ним инициация – достижение победы.

Воспроизводя художественный мир Китая с древних времён до современности, писатель маркирует его описаниями многочисленных предметов искусства: древних китайских антикварных вещей, предметов искусства, и это формирует в сознании читателя эффект соучастия в таинстве и наполняет происходящее сакральным смыслом. Изображение переходов главного героя из одного пространства и времени в другое (Россия – Китай; современный Пекин – Древний Чанъань), символизирует его духовное становление, а художественное пространство создается посредством зарисовки достопримечательностей, воспроизведения деталей городских пейзажей, предметов одежды и быта. Пространственное целое героя меняется по мере его продвижения по жизненному пути и обретения им личной судьбы: в интерпретации визуальных знаков его внешности усиливались детали, подчеркивавшие избранность героя и его принадлежность иному, таинственному миру.

Анализ художественного времени в тексте позволяет говорить о героизации через обращение к мотиву действия («дела») и связанным с ним мотивам поединка и подвига, что неминуемо обозначило проблему соприкосновения и взаимопроникновения временного и вечного посредством описания парадоксов и закономерностей развития событий.

Трансформация культурной парадигмы от образа мыслей к образу действий, синтез культурологических, исторических, языковых и смысловых детализаций, визуальные атрибуты образа древнего Китая (талисманы, иероглифы, рукописи), сакральное значение которых уходит вглубь Древнего Китая, позволяют отнести эту трилогию к разновидности «китайского текста», культурно-исторический контекст которого частично также выражен текстуально.

В своих произведениях И.А. Алимова часто использует традиционные образы, сюжеты и символы китайской мифологии: духи, тигры, дракон, цилинь, птица феникс и, конечно же, способная принимать человеческий облик девятихвостая белая лиса.

Изучение «китайских текстов» русской литературы начала XXI века дает уникальную возможность как для осмысления Китая в целом, где приоритет принадлежит не столько самой культуре, сколько связанному с ней контексту, который способствует, в том числе, и мифологизации культурных объектов, так и для понимания закономерностей развития русской культуры и функционирования её идеологием.

Список литературы

1. *Алимов И.А.* Бесы, лисы, духи в текстах сунского Китая. СПб.: Наука, 2008. 283 с.
2. *Алимов И.А.* Дракон. Кн. 1: Наследники Жёлтого императора. М.: Этногенез и др., 2010. 288 с. Дракон. Кн. 2: Назад в будущее. М.: Этногенез и др., 2011. – 256 с.; Дракон. Кн. 3: Иногда они возвращаются. М.: Этногенез и др., 2011. – 256 с.) (Серия «Проект Этногенез»).
3. *Алимов И.А.* Китайский культ лисы и «удивительная встреча в Западном Шу» Ли Сянь-Миня // Петербургское востоковедение. Вып. 3. СПб., 1993. С. 228–254.
4. *Володихин Д.М.* Интеллектуальная фантастика: монография и статьи. М.: ИПО, 2007. С. 106.
5. *Кондаков Б.В., Краснаярова А.А.* Китайский контекст и китайский текст в русской литературе XIX века (к постановке проблемы) // Евразийский гуманитарный журнал. 2017. № 2. С. 123–127.
6. *Кондаков Б.В., Краснаярова А.А.* Китайский текст русской литературы (к постановке проблемы) // Казанская наука. 2017. № 9. С. 34–38;
7. *Рыбаков В.М.* Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люй шу и»): в 4 т. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999–2008. Т. 1. СПб., 1999; Т. 2. СПб., 2001; Т. 3. СПб., 2005; Т. 4. СПб., 2008. Танская бюрократия. Ч. 1: Генезис и структура. СПб., 2009. 504 с. Танская бюрократия. Ч. 2. Правовое саморегулирование. Т. 1. СПб., 2013. 496 с. Танская бюрократия. СПб., 2013. Ч. 2. Правовое саморегулирование. Т. 2. СПб., 2015. 416 с.
8. *Хольм ван Зайчик* Дело жадного варвара. Дело незалежных дервишей. Дело о полку Игоре. – СПб.: Азбука-классика, 2005 г. – 800 с.
9. *Чудинова Е.* Вышел зайчик клеветать. Режим доступа: <https://www.apn.ru/publications/article33987.htm> (дата обращения: 20.06.2018).
10. *Юрьев Д.* Еврабия против Ордуси. Режим доступа: <https://politconservatism.ru/blogs/evrabiya-protiv-ordusi> (дата обращения: 20.06.2018).

10.01.01

М.В. Мелихов д-р филол. наук

Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина,
институт гуманитарных наук,
кафедра русской филологии,
Сыктывкар, melikhovm@mail.ru

ОГОНЬ ИЛИ ЛЕД: КАРТИНЫ АДА И СТРАШНОГО СУДА В ВИДЕНИЯХ ПЕЧОРСКОГО СТАРООБРЯДЦА С.А. НОСОВА

В статье рассматриваются особенности художественного мира видений последнего старообрядческого писателя на Печоре С.А. Носова. В результате соединения книжных эсхатологических мотивов и собственного жизненного опыта и фантазии автора получились оригинальные произведения, в которых соединились фантастические мотивы Апокалипсиса с бытовыми реалиями жизни северянина второй половины XX века.

Ключевые слова: эсхатология, видения, старообрядческие писатели Печоры.

Последний на Печоре старообрядческий писатель С.А. Носов (1902–1981) известен как автор разножанровых произведений уникальных эсхатологических произведений автобиографического плана – видений. Отметим, что Печора давно была известна как регион, в котором активно переписывались старинные, по преимуществу богослужебные книги, о чем, например, в середине XIX в. писал С.В. Максимов [3. С. 408]. О наличии здесь оригинальных духовных «писателей из народа» до недавнего времени известно не было.

Биография С.А. Носова типична для его современников – ровесников XX века. Родился в д. Загрявочная (Усть-Цилемский район, средняя Печора), до конца 20-х годов был охотником, рыболовом, разводил скот. С началом коллективизации переехал в г. Нарьян-Мар, откуда был призван на фронт. Воевал, после войны работал бухгалтером, строительным рабочим.

Возможно, что оригинальность С.А. Носова как автора обусловлена тем, что читать и писать его научила мать по старинным религиозным книгам, а в школу он не ходил вообще. В 1920–50-х гг. С.А. Носов ведет вполне обычный образ жизни и ничем не отличается от большинства советских людей. Он, например, принимает участие в антицерковных театрализованных сценках в местном клубе, выписывает атеистический журнал «Безбожник», регулярно просматривает все новые фильмы, которые привозят в местный клуб, знает классическую художественную литературу и собирает небольшую библиотеку, слушает грампластинки и радио. К вере он обратился неожиданно для самого себя: в ноябре 1955 г. заболел психической болезнью и «увидел» Суд над собой и над человечеством и потоп, во время которого водой была покрыта земля и погибли все люди.

Рассказ о наступлении конца света для автобиографического героя и для человечества в целом и составляет «фактологическую» основу видений. Было бы вполне естественно, если бы С.А. Носов пошел по стопам своих многочисленных предшественников-единоверцев, авторов эсхатологических сочинений. Выбор исходного материала при изображении потустороннего мира с особой оригинальностью проявляется в описаниях места действия – мира, по которому странствует его герой. Своеобразие этих описаний в том, что они на редкость разнообразны: в большинстве случаев (как мы покажем ниже) события происходят на родине автора, на Печоре и ее притоках, придавая видениям необычный для эсхатологических сочинений северный колорит. Но есть и сюжеты, в которых герой неожиданно оказывается на острове Ява («На острове Ява»), на морском дне («На морском дне»), на небесах («В небесном пространстве») и т.п. Но все-таки события самых объемных видений разворачиваются в аду, правда, специфически оформленном: наряду с

традиционным огнем их основным атрибутом становится лед («Суд и осуждение в студенек», «На ледяном поле» и др.), а вместо невыносимого жара герой видений и грешники в аду страдают от холода.

Авторитетные источники (Апокалипсис, книга пророка Даниила и др.), в которых есть или развернутые картины конца света, или краткие упоминания страшном Суде содержат описания глобальных катаклизмов, и именно к этим источникам чаще всего обращались более поздние авторы. В книгах Библии зарисовки природы встречаются не часто, в большинстве случаев эти описания имеют явно выраженный фантастический характер, имеющей целью поразить воображение читателя своей необычностью (Дан. 4:7–9; От. 6: 12–14). Безусловно, С.А. Носов читал эти книги, многие стихи Апокалипсиса знал наизусть и часто цитировал в своих письмах или в сборниках, указывая при этом, что обращался к «Толковому Апокалипсису».

Наиболее «реалистическими» элементами видений С.А. Носова являются описания природы. Они лишены обычной для библейских книг зрелищности и оригинальности, в них нет фантастических пейзажей, подобных приведенным выше. Они вполне сопоставимы с природоописаниями современной автору светской литературы, если не помнить, что действие происходит в аду. Примером может послужить видение «На ледяном поле», где герой, перенесенный Судьей в иной мир, наблюдает следующую картину: «предо мной настала сумрачная зимняя ночь. Место ледяного поля, не имеющего конца... ветер без пощады дует, пронимает до костей» [4. С. 75].

Можно предположить, что С.А. Носов сознательно приспособливает знакомые ему северные пейзажи к контексту своего произведения, привнося в них черты из окружающей его действительности: сугробы снега, редкие кусты и деревца, пронизывающие до костей холод и ветер, зимние морозы, холодное лето, полярная ночь, вечная мерзлота, метели, вьюги.

В большинстве случаев природа «иног» мира является копией мира реального. Сравнив несколько пейзажных зарисовок в видениях С.А. Носова, можно сказать, что они просты и незамысловаты, предельно лаконичны. Возможно, что причина правдоподобия этих пейзажей в том, что они создают знакомый читателю фон, на котором разворачиваются основные – уже фантастические – события видений. Таким образом, описание природы становится важным элементом в системе аргументов автора, помогающим убедить читателя в правдивости изображаемых им событий.

Главной темой видения «О потопе родного края» становится тема наступившего Суда над человечеством. Взяв за основу ветхозаветное предание о потопе, Носов создает собственную версию этого события и рисует впечатляющие картины разлившихся северных рек, затопивших даже самые высокие берега Пижмы. Герой пытается спастись, бежит от наступающей воды на возвышенности и видит: «Вот достигаю высоты горь родины Пижмы реки и родной деревни Загивочной... Но теперь вижу: все покрыла вода, не токмо низменность, а даже на горизонте лесистые холмы. Примечаю северную сторону горизонта, т.к. вода оттуда наступает... Стою я на высоте уже последней, вижу: конец насталь неотвратимъ» [4. С. 89–90].

Далеко не всегда Носов создает в своих произведениях явления глобального масштаба. Так, в видении «Суд и осуждение в студенек» действие происходит «в мрачной долине», напоминающей уже тундру, где на героя нападают «черной тучей несекомые: оводы, комары, мухи, какъ бы весь воздухъ гудить от гомона ихъ, словно говорить по-своему: «Тебя-то мы и только ждали!» [4. С. 84]. Герой бежит от них и, пытаясь найти спасение, прячется в шатре. Но здесь орудиями его истязания становятся хищные черви: «Едва ноги успелъ опустить в шатеръ, сразу же невыносимо больно начали мои ноги грызть черви, которые почти неразличими со шурупами для навесовъ: такие же прорези и хвостики, но живые. Черви ядовитые кишмя кишать в шатре, раскрыли рты, виляют хвостиками...» [4. С. 84]. Обращение автора именно к образу шатра не случайно: шатер, как и любое жилище, является символом спасения. Таким образом с помощью вполне конкретного

предмета в видение вводится мотив ложного спасения: герой надеется спрятаться в шатре от одной напасти, но находит в нем очередную напасть.

Причина того, что “мучителями” героя становятся не страшные хтонические или апокалиптические чудовища, а всего лишь комары, проста и знакома каждому северянину: летом именно они, а не медведи или волки, являются в тайге самыми опасными врагами рыбака или охотника. В данном случае комары и черви (как в Апокалипсисе саранча) становятся одним из орудий наказания героя, они продолжают мучить его, показывая, что страдания героя еще не завершились и прощение ему еще не дано.

Сходный мотив эпизод о червях, «терзавших» тело героя, есть и в написанном в середине XIX в. в Сибири видении сибирского крестьянина Я.И. Ланшакова: герой видения оказывается на месте, «наполненном» червями, которые на него нападают и причиняют невыносимую боль: «Место это въ сущности было не иное что, какъ место, наполненное червей неусыпающихъ... Ноги мои утонули по колена въ этотъ червь, отвратительный и скарედный по наружности, имевший длины отъ полуаршина и до одного аршина мернаго...»[6. С. 311]. Сходство мотивов можно объяснить близостью образа жизни и менталитета авторов – крестьян самых отдаленных регионов России. Символическое толкование насекомых в данном контексте может быть самым разным: насекомые могут «соотноситься с различными частями космического пространства, с его законами или их образами (божья коровка, например, соотносится с небом). С нижним, подземным миром связаны вредоносные насекомые – комары, оводы, москиты, мухи или подземные животные (змеи, черви, мыши)»[5. С. 222].

Введение именно комаров, мух, оводов в качестве орудий наказания в видениях не случайно: авторы (как сибиряк, так и усть-цилем) адаптируют казни своих героев к местным условиям. Возможно, что этот эпизод родился под воздействием далеко не самых приятных воспоминаний о северном лете.

Ряд мотивов «природного» мира видений переосмысливается С.А. Носовым. Так, в соответствии с традицией «классических» видений самым страшным наказанием грешников было их наказание адским жаром. С.А. Носов заменяет эту казнь на испытание холодом. В видении «Суд и осуждение в студенец» он попадает в «студенец истления» (в интерпретации автора – ад), и становится свидетелем страданий грешников именно от холода. Северный колорит, картины природы именно Севера, становятся неотъемлемой частью пейзажа видений, являясь при этом и необходимым компонентом сюжета, приближающим читателя к миру героя.

Задача этого эпизода (да и видений в целом) очевидна: наглядным примером автор доказывает, что у любого человека, даже самого отъявленного грешника, всегда остается право на выбор, но далеко не у каждого получится при этом не ошибиться. Герой размышляет о том, что поступки каждого человека определяются волей божьей, но если человек – нераскаявшийся грешник, то он непременно будет обречен на муки, если же он заблуждался и искренне надеется на спасение, то спасение не минует его, правда, не сразу. И отметим, что всегда в видениях рядом с героем надежный помощник – Судья, который, не избавляя от заслуженных мук, поможет преодолеть испытания и всегда подскажет, как найти выход.

Как показали наши наблюдения над построением видений С.А. Носова и над источниками составляющих их сюжетных мотивов, автор редко обращался к книгам. Главных источников сюжетных мотивов два: это факты из жизни самого автора и его впечатления от окружающего мира, и, конечно, многочисленные книги (прежде всего Откровение Иоанна Богослова), которым автор по мере своих скромных способностей пытался подражать. Необходимо также учитывать, что видения создавались в эпоху воинствующего атеизма, когда подавляющее большинство земляков автора не знали и не читали ни Библию, ни другие религиозные книги.

Творчество «писателей из народа», а особенно писателей религиозных, практически не изучалось, и потому сложно предложить критерии для оценки их достоинств или недостатков, которые были бы однозначно приняты и исследователями «простонародной» литературы, и их читателями. Но очевидно, что народная духовная литература – явление самобытное и требующее внимательного и всестороннего изучения не только филологами, но и этнографами и религиоведами.

Список литературы

1. Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М., «Республика», 1996.
2. Керлот Х.Э. Словарь символов. М., «REFL-book», 1994.
3. Максимов С.В. Год на Севере // Он же. Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. М., «Художественная литература», 1987.
4. Печорский старообрядческий писатель С.А. Носов. Видения, письма, записки / подгот. текста, вступит. статья и примечания М.В. Мелихова. М., «Памятники исторической мысли», 2005.
5. Соколов М.Н. Насекомые // Мифы народов мира. М., «Советская энциклопедия», 1988. Т. 2. С.202.
6. Страшное видение крестьянина Якова Ильича Ланшакова // Пигин А.В. Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб., «Дмитрий Буланин», 2006.
7. Топоров В.Н. Гора // Мифы народов мира. М., «Советская энциклопедия», 1988. Т. 1. С. 311.

10.01.00

А.М. Соян канд. филол. наук

Тувинский государственный университет,
филологический факультет,
кафедра тувинской филологии и общего языкознания,
Кызыл, soyan-a@mail.ru

СВОЕОБРАЗИЕ ПОЭЗИИ А.БЕГЗИН-ООЛА: ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИСТОКИ

В статье рассматривается своеобразие поэтических произведений тувинского писателя Алексея Бегзин-оола. В стихотворениях данного автора умело использованы композиционные, художественные, содержательные особенности фольклорных жанров. Устно-поэтическое творчество является основным источником произведений поэта.

Ключевые слова: поэзия, стихотворение, фольклор, народные песни, пословицы и поговорки.

Алексей Бегзин-оол – поэт, который оставил неизгладимый след в тувинской поэзии. Его творчество высоко оценили писатели Н.Куулар, М.Кужугет в работе “Амгы тыва шүлүк чогаалының сайзыралы”. Авторами отмечено, что “А.Бегзин-оол, хотя и начал писать к 40 годам, занял передовое место в тувинской поэзии. У него особый голос, который завоевал сердца читателей” [1, с. 46].

В статье “Узнаваемый голос” Л.Ооржак написала о философских размышлениях А.Бегзин-оола о поэзии и поэтах, о времени, о вечности [2].

Поэтические произведения, принадлежащие его перу, отличаются особо богатым, народным языком, обширной тематикой.

Цель данной статьи: выявление фольклорных истоков поэзии одного из представителей четвертого поколения тувинских писателей – Алексея Бегзин-оола.

Новизна работы состоит в том, что в ней проанализировано своеобразие стихов данного автора. Особое внимание уделено фольклорным жанрам, которые по-своему использованы в его творчестве.

Стихи А.Бегзин-оола и жанрово, и композиционно разнообразны. Среди них встречаются рубаи, сонеты, *чамашкылар* (букв. ‘заплаты’), *ожук дажы* (букв. ‘камни очага’), *шаанчактар* (букв. ‘клины, клинья’), *челелер* (букв. ‘привязи’), *хамшургу шүлүктөр* (букв. ‘стихотворения, имеющие шаманские качества’ или ‘почти шаманские стихи’) и т.д.

Поэтические произведения “*Эриннерниң изиг көзү*”, “*Сарапчадан дүшкен чаъстың догдураарын...*”, “*Кызыл-Тайгам – Иитик-Тайгам*», “*Улдуруктуң хирээнинде бөрзектери сыылаан дег...*», “*Хөртүк харын чажарга-даа, хөлүн часпас Дөшпер-Доруум...*» написаны в стиле народных песен.

В стихотворении “*Хөндөлең ырызы*» употреблены ритмические определители, являющиеся способом передачи душевного состояния лирического героя, который тоскует по любимой девушке. Образ красавицы изображен словами, употребляющимися в народных песнях – *анай-карам* ‘миленькая моя, черноокая, голубка’, *чараш-карам* ‘ненаглядная моя’, *ортун-карам*, *хөлчүң-карам* ‘милая моя; возлюбленная’.

Продемонстрируем пример.

Ортаа-Хову, Алдыы-Хову, о-о-о-оой.

Шуурганнап турган-на боор, э-э-э-ээй.

Ортун-карам, чараш-карам, о-о-о-оой.

Одун көзеп орган-на боор, э-э-э-ээй (АБ Ш 7).

Текст буквально переводится следующим образом:

‘В Ортаа-Хову, Алдыы-Хову, о-о-о-оой.

Наверно, бушует ураган, э-э-э-ээй.

Ненаглядная моя, милая, о-о-о-оой.

Наверно, сидит у костра, э-э-э-ээй. ’.

Ритмические определители *о-о-о-оой*, *э-э-э-ээй* обычно являются частью народных песен. В этом случае они создают особый ритм в указанном стихотворении. Таким образом, образы родной земли и любимой девушки изображены способом параллелизма.

Стихи “*Авамның ырызы*”, “*Удаккан-Арыг четкен болза...*” написаны в стиле частушек. В последнем их них использованы названия тувинских национальных инструментов *игил* (смычковый музыкальный инструмент) и *чадаган* (национальный струнный музыкальный инструмент), которые успокаивают душу лирического героя.

В поэзии А.Бегзин-оола часто встречаются образы коня и любимой девушки, нарисованные народным, музыкально-поэтическим языком. Эти образы изображаются в тувинских народных песнях способом параллелизма. Стоит отметить, что лошадь издавна считается верным другом мужчины. В тувинских героических сказаниях богатырь обязательно должен иметь коня, который потом станет ему советчиком, преданным другом.

В стихотворении «*Тос-каракка чажывыткан сүттүг шайым*» портрет возлюбленной разукрашен эпитетами, заимствованными из текстов народных песен и частушек: *дозур-кара кулугур* ‘чёрная-пречёрная моя’, *баштак-кара кулугур* ‘шутливая моя’.

Молочный чай разбрызгивается в небо лирическим героем, держащим в руке девятиглазку – *тос-карак*. *Тос-карак* ‘кропило’ является символом тесной связи человека с природой.

Таким образом, в поэзии А.Бегзин-оола использованы художественные изобразительные средства, образы, композиционные особенности, характерные для народных песен и частушек.

Известно, что пословицы и поговорки издревле являются кладезью мудрости народа. У Алексея Бегзин-оола имеются философские, поучительные строки, созданные на основе указанных фольклорных жанров.

Приведем пример:

Чүгүрүк аътты чылгычы кижси баглаажынга турда, эндевес,

Шүлүкчү кижси шүлүкчүнү чаңгыс одуруундан эндевес (АБ Дд 63).

‘Табунщик узнает скакуна у коновязи,

Поэт поэта узнает по одной строке’.

Эти строки написаны на основе поговорки *балыкчы балыкчыны ырактан-на танып каар* ‘Рыбак рыбака видит издалека’.

К вышеприведенному тексту придан национальный колорит. *Баглааш* ‘коновязь’ и *чүгүрүк аът* ‘скакун’ издревле были неотъемлемой частью жизни тувинца-кочевника.

Композиционная структура поэтического произведения «*Хостуг арат күжүр бодумну*» («Эх, я – вольный арат») своеобразна. Строки, содержащиеся в нем, напоминают пословицу и выражают философскую мысль:

«Эрге-дужаал дээдизи – эзери чок

Эмдик аътка дөмей болур» – дижирлер-дир.

‘Говорят, высшая власть

Похожа на неприрученного коня без седла’.

«Эргетенниң, эңгинниң-даа эң-не сөөлгү

Эжиң чаңгыс – шооча чок» – дижирлер-дир (АБ ШҮҮ 41).

‘Говорят, и у имущего, и у обычного

Последняя дверь одна – без замка’.

Өзүңге кири шынын сөглөп, тура тутчур кижилерниң

Өштүглери, хыктыглары кымдан көвей — ындыг харын (АБ Ч 20).

‘У тех, кто скажет правду,

Много врагов, да, это так’.

Таким образом, в поэзии А.Бегзин-оола наблюдается своеобразное использование пословиц и поговорок, многие из которых являются авторскими.

Среди рассматриваемых поэтических произведений встречаются стихи, где использованы композиционные, идейные и языковые особенности благопожеланий. Например, в стихотворении «Чалбарыг» («Заклинание») лирический герой молится о том, чтобы все живые существа на земле жили хорошо, в гармонии с природой.

Цикл стихов «Хамишургу шулуктер» («Почти шаманские стихи») состоит из следующих частей, каждая из которых своеобразна по художественному языку, создаваемым образам: «Кузунгу» («Принадлежность для камлания – бляхи с лентами»), «Алгыш» («Благословение»), «Дишрең дүнү» («Ночь демона»), «Карактар» («Глаза»), «Аза таапкызы» («Сухой гриб-дождевик»), «Казыргы» («Вихрь»), «Сезик» («Подозрение»), «Хам» («Шаман»).

В произведении «Алгыш» автором изображен обряд очищения жилья от злых духов, нечистых сил. Сначала лирический герой – шаман – вызывает своих помощников – ээрен. В данном стихотворении орба ‘колотушка шаманского бубна’ выступает орудием, от которого боятся злые духи.

Слово дуран ‘бинокль’ употреблено в переносном значении, которое означает глаза и коня, и шамана, и чёрта. Эти очи гиперболизированы автором, они наблюдают за происходящими событиями и в Алды оран – Нижнем мире, и в Устүү оран – Верхнем мире. Им подвластно всё. Данные глаза способны найти источники несчастий, болезней людей и т.д.

Черты лирического героя обитают в Арзайты, Дүңзелиглер, а его дьявол с медным носом – в пещерах Хоолааштар, Сыйдалыглар.

В стихотворениях, написанных по мотивам благопожеланий, изображены мифологические образы дьявола (шулбус), чёрта (аза), демона, беса (дишрең), а также мифологических животных: лисицы, змеи, ворона.

Лидией Ооржак отмечены прибаутки в стихах («Дылдый-Хоок», «Бөөп-бөөп», «Уучак», «Охалаай!»), пословицы в стихах («Дүш муңу», «Никто не проследит»), легенды в стихах («Слушай, брат», «Сказания охотников», «Дьявол-шулбу») в поэзии А.Бегзин-оола [3].

Устно-поэтическое творчество является основным истоком тувинской литературы. В стихотворениях Алексея Бегзин-оола отражены ценности, которые присутствуют в фольклорных жанрах. В поэзии писателя использованы характерные особенности народных песен, частушек, пословиц и поговорок, легенд, благопожеланий, которые и являются фольклорными истоками его творений.

Список литературы

1. Куулар Н.Ш., Кужугет М.А. А.Бегзин-оолдун сагыш-бодалының кажыктары // Амгы тыва шүлүк чогаалының сайзыралы. – Кызыл, 2011. – С. 46-55.
2. Ооржак Л. Х. Узнаваемый голос // Тувинская правда. – 2015. – № 142. – С. 4.
3. Ооржак Л.Х. Элементы фольклора в поэзии А.Бегзин-оола // Новые исследования Тувы. – 2013. – № 1. – С. 79-89.

10.01.01

О.Ю. Юрьева д-р филол. наук, Ван Ланьцзюй канд. филол. наук

Иркутский государственный университет,
Педагогический институт,
кафедра филологии и методики,
Иркутск, uo1yu@yandex.ru,
Китай, Пекин, 2391197883@qq.com

**ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО
«ВОЙНА И МИР» В СВЕТЕ ИДЕЙ КИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ**
Статья 1

В статье впервые рассматриваются женские образы романа «Война и мир» в свете идей китайских философов Конфуция и Лао-Цзы. Показывается близость воззрений Л.Н. Толстого на роль и предназначение женщины идеям китайской философии, рассматривающей предназначение женщины как деторождение, воспитание и служение мужу. Особое внимание в китайской философии и в романе Толстого уделяется нравственному и духовному воздействию женщины на мужчину, детей, а, следовательно, и на общество. Именно эти идеи определяют сущность «любимых» автором женских персонажей романа «Война и мир».

Ключевые слова: *Л.Н. Толстой, «Война и мир», Конфуций, Лао-Цзы, женские образы.*

В романе Толстого перед нами возникает целое созвездие женских образов. Все они очень разные: импульсивная, жизнерадостная Наташа Ростова, блестящая светская красавица Элен Курагина, скрытная тихоня Сонечка, стеснительная умница Марья Болконская, законодательница салонов Анна Шерер, ветреная кокетка Жюли Курагина, холодная, расчетливая Вера Берг. В каждом из этих образов в этой или иной степени выражены мысли Толстого о предназначении женщины, о ее месте и роли в семье и обществе.

Китайский критик Ван Юнцзы, отмечает, насколько точно совпадают воззрения Толстого на предназначение женщины с постулатами китайской философии. Именно он обратил внимание на очень значимую, символическую деталь в портрете графини: «Графиня была женщина с восточным типом худого лица, лет сорока пяти, видимо изнуренная детьми, которых у ней было двенадцать человек. Медлительность ее движений и говора, происходившая от слабости сил, придавала ей значительный вид, внушавший уважение» [3. 43]. Как полагает Ван Юнцзы, в этом, казалось бы, случайном совпадении, кроется морально-нравственный потенциал и направленность исканий Толстым женского идеала [2. 85]. Действительно, многие совпадения идей Толстого с ключевыми постулатами философии Лао-Цзы и Конфуция не могут быть случайными. Совершенно очевидно, что Толстой познакомился с учением китайских философов значительно раньше, чем принято полагать, прочитав их, по-видимому, в английских и французских переводах.

Интерес Толстого к Китаю был очень велик. Писатель воспринимал Китай как страну с восточной патриархальной сельскохозяйственной цивилизацией, устроенной по законам, противоположным тем, по которым живет западная цивилизация. В заметке «Китайская мудрость» Толстой писал о том, что китайцы «живут по-своему» и не хотят перенимать европейскую модель жизни, считая, что «ихняя жизнь лучше». Ни один народ «не выдержит в работе против китайца, чтоб так мало съесть и так много сработать», а главное — «китайцы зла не делают, ни с кем не воюют и больше дают и меньше берут. Стало, они лучше. А если лучше, надо узнать, в чем их вера» [5. 532]. Очевидно, что представления Толстого о том, каким должно быть государственное устройство, вполне соответствовали его представления о Китае как стране, где мужчины работают, а женщины управляют домашними делами, рожают и кормят детей.

Сегодня в китайском языке есть иероглиф 姓, который переводится как «фамилия». Он состоит из ключа 女 — «женщина» и 生 — «рождение». Это означает, что фамилию китаец получает от матери. По словам древнего китайского мыслителя, «твоя фамилия скажет о той, что тебя родила». Как полагают китайские ученые, женщина в Китае долгое время занимала главенствующее положение, и потому в обществе до сих пор так сильны заложенные в то время традиции стабильности и процветания.

В китайском языке очень популярны иероглифы “好”, “安”, “字”. Иероглиф “安”, имеет прямое значение — покой. Ключ «宀» значит «дом», «女» значит женщина, что в итоге значит — в доме, где женщина, царит покой. Традиционные китайские пословицы тоже хранят черты матриархата. Например, “无妻不成家” — «дом без жены — не семья». “家有贤妻无横祸” — «если хорошая жена, в доме счастье и покой». Эти пословицы отражают убеждение, что счастье семьи зависит от хорошей жены. Конфуций учил: «Благородный муж обязательно создаст совершенную семью». Таким образом, степень состоятельности и благородства мужчины проявляется в том, какую семью он создал. Это очень явственно отражается в судьбе Пьера Безухова. Отражением его нравственной несостоятельности, духовной «невыделанности» (Ф.М. Достоевский) в начале романа стала женитьба на Элен Курагиной, которую никак нельзя назвать «хорошей женой». За этот брак Пьер поплатился тяжелейшим нравственным кризисом. Женитьба Пьера на Наташе, созданная ими семья свидетельствует о том, что проделанный им Путь (Дао) привел его на вершину духовного совершенства [1]. Иероглиф 好 в переводе означает «благо», «хорошо», «приятно», «прекрасно», «добро». Этот иероглиф имеет в структуре ключи «女» и «子». «女» значит женщина, а «子» — ребёнок, то есть ребёнок на руках матери. Если «перевести» китайские иероглифы 在这里添上插图 на язык русской живописи, мы увидим икону Божьей Матери с младенцем на руках, символизирующую счастье и святость материнства.

Даже тогда, когда в Китае установились патриархальные отношения, женщина не утратила своей важной роли в общественном устройстве. Мужчина оставался воином, обеспечивал семью, а женщина рожала и воспитывала детей, управляя всем домашним хозяйством. Но при этом в общественном сознании женщина по-прежнему занимала очень важное место. Конфуций учил, что если в семьях царит спокойствие, то и в обществе сохраняется стабильность.

Роман «Война и мир» создавался в то время, когда начинает формироваться новый женский тип, который Ф.М. Достоевский назвал «новой русской женщиной». В русской культуре явственно намечаются две разновидности этого типа: тип эмансипированной женщины, формирующийся под воздействием идеи мирового переустройства, а, следовательно, «коренного изменения всех устоев». И традиционный тип, который «формируется и развивается под знаком возвращения к истокам, к естественному предназначению женщины, скорректированному требованиями эпохи» [8. 102].

Как полагает Гэн Цзиджи, взгляд Толстого на женщину исходит из его основной нравственной концепции, сформировавшейся внутри его религиозно-философского учения о смысле жизни. В «Круге чтения», в главе «Женщины» Толстой писал: «Призвание всякого человека, мужчины и женщины, в том, чтобы служить людям. С этим положением, я думаю, согласны все небезнравственные люди. Разница между мужчинами и женщинами в исполнении этого назначения только в средствах, которыми они его достигают, т.е. чем они служат людям.

Мужчина служит людям и физической работой — приобретая средства пропитания, и работой умственной — изучением законов природы для побеждения ее, и работой общественной — учреждением форм жизни, установлением отношений между людьми. Средства служения людям для мужчины очень многообразны. Вся деятельность человечества, за исключением деторождения и кормления, составляет поприще этого служения. Женщина же, кроме своей возможности служения людям всеми теми же, как и мужчина средствами, по строению своему призвана, привлечена к тому служению, которое

одно исключено из области служения мужчины.

Служение человечеству само собой разделяется на две части: одно – увеличение блага в существующем человечестве, другое – продолжение самого человечества. К первому призваны преимущественно мужчины, так как они лишены возможности служить второму. Ко второму призваны преимущественно женщины, так как они исключительно способны к нему. Этого различия нельзя, не должно и грешно (т.е. ошибочно) не помнить и стирать. Из этого различия вытекают обязанности тех и других – обязанности, не выдуманные людьми, но лежащие в природе вещей» [6. 296].

Толстой не приемлет теории женской эмансипации, утверждая, что женщина занимается великим делом — деторождением и воспитанием ребенка, а все остальное противоречит женской природе. И хотя, размышляет великий писатель, призвание мужчины многообразнее и шире, а призвание женщины однообразнее и уже, зато оно глубже. Если мужчина изменит одной своей обязанности, он все-таки останется «недурным, невредным человеком, исполнившим все-таки часть своего призвания». Но если женщина изменит своей единственной обязанности, она «нравственно падает ниже мужчины, изменившего десяти из сотни своих обязанностей». «Мужчина призван служить людям через многообразные работы, и он любит эти работы, пока их делает. Женщина призвана служить людям через своих детей, и она не может не любить этих своих детей, пока она их родит, кормит, воспитывает» – утверждал писатель [6. 497]. Причем «ее рождение, кормление и возвращение детей будут полезны человечеству только тогда, когда она будет выращивать не просто детей для своей радости, а будущих слуг человечества». Свой долг женщина исполнит только в том случае, когда «воспитание этих детей будет совершаться во имя истины и для блага людей, т.е. она будет воспитывать детей так, чтобы они были наилучшими работниками для других людей» [6. 298]. Таким образом, Толстой, как и Конфуций, полагал, что женщина исполняет очень важный с государственной точки зрения долг — рождает и воспитывает будущих граждан, слуг своего народа и государства, влияя таким образом на его строительство и процветание.

Так же, как и в китайской культуре, у Толстого семейное счастье понимается как гармоническое единство мужского и женского начал. Мужчина, окруженный женщинами, ощущает не только заботу, но и защиту. Находящиеся в разной степени родства по отношению к мужчине, женщины обеспечивают ему полноту бытия. Именно об этом говорит Платон Каратаев: «Жена для совета, теща для привета, а нет милей родной матушки!» [4. 47].

Толстой говорит не о равенстве женщины с мужчиной в общественных и социальных правах, а о господстве женщины в «духовном отношении». В «Дневнике» писатель заметит: «Мужчина должен подняться до целомудрия женщины, а не женщина, как это происходит теперь, спуститься до распущенности мужчины» [7. 81]. Толстой был убежден, что женщина должна быть воплощением семейных добродетелей, должна быть мягкой, душевной, искренней, сердечной. После замужества женщина должна полностью посвятить себя семье: рожать и воспитывать детей, быть другом и помощницей своему мужу. Любимые героини Толстого — Наташа Ростова и Марья Болконская — являются носителями всех женских добродетелей, а нелюбимые — Элен, Жюли, Вера, Соня — несут в себе противоположные, ненавистные Толстому черты. Следуя канонам китайской философии о роли женщины в обществе, прямо или косвенно Толстой полемизирует с распространенными в то время теориями женской эмансипации. Обязательная для Толстого нравственная оценка героинь романа исходит из того, насколько проявляется в каждой из них естественная сила жизни и насколько обладают они способностью не застывать, а постоянно развиваться, двигаться, переживать и сопереживать чужой беде, насколько отсутствуют в их натуре душевное успокоение, статичность и холод.

Список литературы

1. Ван Ланьцзюй. Учение Лао-Цзы о «недеянии» («у-вэй») в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» // Филология и человек: Научный журнал. № 3. – Барнаул: «Изд-во Алтайского государственного университета, 2012. – С. 136-142.
2. Ван Юнцзы. Восточный тип толстовской концепции счастья // Вестник Шаньсиньского педагогического университета. № 4. – Си-Ань, 2006.
3. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 9. – М.: Художественная литература, 1937.
4. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 12. – М.: Художественная литература, 1940.
5. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 25. – М.: Художественная литература, 1937.
6. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 42. – М.: Художественная литература, 1957.
7. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 54. М.: Художественная литература, 1935.
8. Юрьева О.Ю. Мужской ум и женское недоумие в мире Достоевского // Три века русской литературы: Актуальные аспекты изучения: Межвуз сб. научн.трудов. Вып. 13. – Иркутск, 2006.– С. 99-116.

10.02.00 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЯЗЫКОЗНАНИЕ

10.02.00

¹М.А. Битнер канд. филол. наук, ²И.В. Кудашов, ³Е.С. Мучкина канд. филол. наук¹ФГБОУ ВО «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева», кафедра английского языка,²Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербургская школа социальных наук и востоковедения,³ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», Институт филологии и языковой коммуникации, кафедра теории германских языков и межкультурной коммуникации, Красноярск, mbitner@mail.ru, ivan.kudashov@mail.ru, mes_kras@mail.ru,**ОТРАЖЕНИЕ ОБРАЗА РОССИЙСКОГО ПРЕЗИДЕНТА В СЕМАНТИКЕ АНГЛИЙСКИХ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ С КОРНЕМ *PUTIN***

Язык средств массовой информации живо реагирует на экономические, политические и культурные изменения, что способствует образованию значительного числа окказионализмов. Изучение семантики таких лексических единиц свидетельствует не только о потребности в именовании новых явлений и событий, но так же позволяет определить отношение общества к именуемому объекту или событию. В настоящем исследовании предпринята попытка проанализировать семантику английских окказионализмов с корнем 'putin' и реконструировать масс-медийный образ президента Российской Федерации, сложившийся в англоязычном мире.

Ключевые слова: окказионализмы, информационный образ, мемы.

Владимир Путин является одной из самых знаменитых персон в медиапространстве англоязычных стран, в частности США и Великобритании. Значительное число ведущих изданий заостряют внимание читателей на личности российского президента, его характере и проводимой им внешней и внутренней политике. Предлагаемый СМИ образ часто играет решающую роль в политике в целом и в политической коммуникации в частности [15]. Несмотря на то, что медийный образ, как правило, далек от оригинала и его собственной концепции, такие представления в значительной мере влияют на общественное мнение [6], в основном, потому что они воспринимаются эмоционально и подсознательно, без учета фактов и статистики [1].

Цель данного исследования заключается в реконструкции информационного образа президента В.В. Путина на основе анализа доминантных семантических признаков окказионализмов с корнем '*Putin*'. В данном исследовании термин 'окказионализмы' применяется к словам, которые создаются говорящим в потоке речи на основе имеющихся в языке словообразовательных моделей. Значение таких единиц не отражено в словарях и в высокой степени зависит от контекста. Окказионализмы имеют временный характер, часто создаются для отражения текущего момента, на основе прецедентной ситуации или феномена, который со временем может стираться из общественной памяти.

Объектом нашего анализа стали лексемы, образованные при помощи префиксации (anti-Putin, pro-Putin, out-Putin, re-Putin), суффиксации (putinism, putining, putincise, putinist, putinology, Putin-free), сложения основ и частей основ (Putinology, Putinomics, Putinland, TrumPutin) и конверсии. Материалом для исследования послужили публикации, появившиеся в средствах массовой информации и социальных сетях в период с 2009 по 2018 гг. Основным методом данного исследования являлся семантический анализ слова в контексте [2].

Инвентаризация языкового материала позволила выявить два ярко выраженных образа В.В. Путина: Путин-супергерой и Путин-диктатор. Первый образ отражен в лексемах, значение которых мотивировано внешними признаками объекта именования (внешность, поведение, стиль одежды); второй образ закреплен в словах, отражающих особенности характера президента и основные черты его политики.

Окказионализмы, отражающие образ Путина-супермена, описывают преимущественно манеру речи, увлечения и досуг президента. Например, выражение *speak Putinese* обозначает манеру Путина говорить уверенно, часто используя просторечные слова и выражения, для того чтобы 'сойти за своего' среди рядовых граждан [3]. Следующая единица – глагол *to Putincize* (тренируйся как Путин) был придуман комиком Дж. Киммелом и может послужить примером образа Путина как "настоящего мужика" [7]. Схожий термин *Putining* (Putin-style) означает манеру совершать какие-либо действия, даже самые обыденные, драматично и эпатажно. Владимир Путин предстает в таких контекстах как образец для подражания [13].

В то время как приведённые выше примеры создают ироничный образ президента, вторая группа окказионализмов описывает Путина-политика, агрессивного, жесткого и властного. Обратимся к анализу примеров.

Глагол *to out-Putin* означает перехитрить, переиграть своего соперника или зайти слишком далеко, поверив в собственную ложь:

(1) *McCain is too amped up right now to see that, in fact, Putin is now out-Putining himself. Russians, it appears, want nothing to do with going to war with Ukraine* [16].

Лексема *Putinomics* обозначает особую структуру экономики, представленную капиталистическим свободным рынком, но крайне монополизированную крупными олигархическими кланами и частно-государственными корпорациями. Такая структура часто основана на экспорте природных ресурсов, низкой технологичности, тесной связи правительства и крупного бизнеса, а также коррупции и бюрократии, охватывающих все сферы экономической жизни страны (пример 2).

(2) *When Putin started Putining extra hard, he (+oil/gas prices) tanked Russia's economy and its soccer* [14].

Глагол *to re-Putin* появился в 2012 году в связи с победой Владимира Путина на выборах и его переизбранием на третий президентский срок. Значение данной единицы отражает идею вмешательства Кремля, обеспечившее победу В.В. Путина [9].

Лексема '*putinism*' заслуживает внимание как наиболее распространенный окказионализм в англоязычных СМИ. *Putinism* понимается как совокупность централизованного государства, корпоративизма, традиций КГБ, контроля государства над экономикой с некоторыми элементами свободы [5]. Часто *Putinism* используют как синоним гангстеризма – действий государства, основанных на криминальных методах (примеры 3 и 4).

(3) *Balkan Putinism is the mix of authoritarian rule and crony capitalism widespread in the Balkans* [12].

(4) *At its core, Putinism is characterised by a fundamentally kleptocratic system that appears incapable of meaningful reform* [8].

Одним из элементов 'путинизма' становится идея полу-ироничного культа личности самого президента: постоянная отсылка к образу российского президента как супергероя, способного одним своим присутствием решить любую проблему. Очень многие примеры вербализации образа российского президента в целом и окказионализмы с корнем '*Putin*' в частности встречаются в шутках, мемах и анекдотах, декларирующих абсурдность культа личности и содержащих критику отдельных сторон российской действительности. Образ мачо-мэна выполняет здесь пародийную функцию, а в основе шутки лежит гипербола. Путин-герой выступает в историях и анекдотах как сила, противостоящая коррупции, некомпетентности местных органов власти, условно работающим бюрократическим инстанциям, которые эффективно выполняют положенные им функции лишь из-за страха перед выговорами свыше.

Одним из ярчайших проявлений такого рода иронии является запущенная представителями самой Путинской администрации мемическая фраза-хэштег *#СпасибоПутинузаэто!*. Эту фразу предлагали сделать частью двустийши, посвященных успехам Владимира Путина и его администрации в честь его пятьдесят девятого дня рождения в 2011 году, по аналогии с советским двустийшием, шутливо благодарившим партию за различные благодати. Однако пользователи быстро стали применять данную фразу для критики и сатиры экономических, социальных и политических проблем России. *#СпасибоПутинузаэто* стал слоганом оппозиционных сил и выражением скептицизма в отношении российской власти среди русскоязычных пользователей сети. В этой связи можно провести очень близкую аналогию с США периода президентства Барака Обамы, где граждане использовали схожую по смыслу фразу *#ThanksObama* для критики собственной администрации и бытовых реалий.

Огромное влияние на образ российского президента в настоящее время, однако, оказали не столько действия самого Путина и России, или события внешней политики, а внутривполитический процесс внутри США, а именно – президентские выборы 2016 года. Среди противников администрации Д. Трампа крайне популярна идея о том, что победы в выборах Трамп смог добиться только за счёт кибер-вмешательства России в ход предвыборной кампании. Вне зависимости от реальности подобных заявлений *Russia-gate* и *Putin* стали лейтмотивом сообщений о результатах возглавляемого Робертом Мюллером расследования. Заикленность крупнейших Американских новостных центров на этой истории вызывает ответную реакцию со стороны граждан в форме пародий, доведения идеи о связи между Путиным и Трампом до абсурда. Эта запутанная история, связанная с поиском внешних и внутренних врагов, обвинениями политических противников в связях с Россией, комментаторы называют второй волной политики Маккартизма [11].

Если говорить о конкретных языковых единицах, отражающих противопоставление, связь и противостояние «Путин – Трамп», то среди них *PutinxTrump*, *TrumpxPutin*, *Pump*, *Trutin*, *TrumPutin*, *TrumPutism etc.* Запущенная через интернет-мемы и ночные новости ведущими передач, сатириками и комиками, как например Стивен Колбер [4], это форма политической карикатуры является проявлением шиппинга и пейринга (*shipping and pairing*). *Shipping* (от слова *relationship* (отношения)) – это желание того, чтобы два человека (знаменитости из реальной жизни или вымышленные персонажи) состояли в романтических или дружеских отношениях [10]. *Shipping* может подразумевать любой вид отношений: от канонизированных и стандартных до маловероятных и совершенно невозможных. Как правило, название подобных отношений происходит через сочетание имён участников данных отношений как в *Pump* и *Tutin*, или же из соединения имён символом *x*. Так в западном информационном пространстве представления о российском президенте с 2016 года дополняются новым и неожиданным образом – Путин-любовник Дональда Трампа. Сексуальный под-мотив используется как дополнительный источник сатиры, подпитываемой иронией этого шиппинга в условиях официальной политики Российской Федерации в части однополых отношений.

Таким образом, предпринятый анализ позволяет заключить, что российский президент в масс-медийном дискурсе предстает в двух ипостасях – как властный диктатор и как человек действия, способный влиять на политику других государств. Возможность использовать окказионализмы для описания политики других стран указывает на растущий метафорический и метонимический потенциал окказионализмов и требует их дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Баталов Э.Я. и др. "Рычащий Медведь" на "Диком Востоке" (образы современной России в работах американских авторов: 1992 — 2007) . Российская политическая энциклопедия (РЦСПЭН), 2009. 384 с.
2. Стернин И.А., Саломатина М.С. Семантический анализ слова в контексте. – Воронеж: «Истоки», 2011. -150 с.
3. *A Crash Course in Putinese* // URL <http://www.bbc.co.uk/programmes/p01tgpgv> (дата обращения 30.04.2018)
4. *Cartoon Trump And Cartoon Putin Make First Joint Public Appearance* // The Late Show with Stephen Colbert. 17.11.2016. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0aU3kX5V634> (дата обращения 30.04.2018)
5. *Fish M.S.* What is Putinism / Journal of Democracy. Volume 28, № 4. 17.10.2017. URL: <https://www.journalofdemocracy.org/sites/default/files/Fish-28-4.pdf> (дата обращения 30.04.2018)
6. *Gackowski T.* Political Image as the Substance of the Political Communication in the Era of PostPolitics / Online Journal of Communication and Media Technologies Volume: 3, Issue: 4, 2013 URL: <http://www.ojcm.net/articles/34/344.pdf> (дата обращения 30.04.2018)
7. *Kimmel J.* Jimmy Kimmel Live URL:<https://www.youtube.com/watch?v=Fcb4rLzXF10> (дата обращения 30.04.2018)
8. *Kondraciuk T.* Is Putinism sustainable? // New Eastern Europe. 26.02.2018. URL: <http://neweasterneurope.eu/2018/02/26/is-putinism-sustainable/> (дата обращения 30.04.2018)
9. *Marsden R.* Russia Re-Putined URL: <http://www.rachelmarsden.com/columns/reputin.htm> (дата обращения 30.04.2018)
10. *Merriam Webster Dictionary* URL: <https://www.merriam-webster.com/words-at-play/ship-words-were-watching> (дата обращения 30.04.2018)
11. *Norton B.* MSNBC Ignores Catastrophic US-Backed War in Yemen // FAIR 8.01.2018. URL:<https://fair.org/home/msnbc-yemen-russia-coverage-2017/>(дата обращения 30.04.2018)
12. *Pavlovic, F.* Balkan Putinism BRUSSELS 11.03.2015. URL: <https://euobserver.com/opinion/127920> (дата обращения 30.04.2018)
13. *Putining* URL: <https://www.facebook.com/putining> (дата обращения 30.04.2018)
14. *Schaerlaeckens L.* 28.01.2015 URL: <https://twitter.com/LeanderAlphabet/status/560521447530311681>(дата обращения 30.04.2018)
15. *Simon J.* Ideology, imagology, and critical thought: the impoverishment of politics / Journal of Political Ideologies, 1999 [Electronic Resource]. Mode of access: <http://www.nottingham.ac.uk/~aezs/critical-theory/papers/Simons.pdf> (дата обращения 30.04.2018)
16. *The best of the dish today* URL: <http://dish.andrewsullivan.com/2014/03/03/the-best-of-the-dish-today-136/> (дата обращения 30.04.2018)

10.02.00

И.А. Борисенко канд. филол. наук, М.Г. Воднева

ФГБОУ ВО Кубанский государственный медицинский университет
Министерства здравоохранения Российской Федерации,
стоматологический факультет,
кафедра лингвистики,
Краснодар, ksma-lingua@mail.ru

ПОВЫШЕНИЕ МОТИВАЦИИ И ПРЕОДОЛЕНИЕ ТРУДНОСТЕЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Проблема мотивации при овладении иностранным языком становится все более актуальной. Расширение международных контактов делает знание немецкого языка необходимым в медицинской среде. В статье предложены пути повышения мотивации к изучению немецкого языка, рассматриваются наиболее характерные трудности при обучении и возможные меры их преодоления.

Ключевые слова: *мотивация, обучение, мотив, иностранный язык, медицинский университет.*

В последнее десятилетие многократно вырос интерес к изучению иностранных языков. Условия современной жизни предъявляют всё большие требования к владению иностранным языком. Владение иностранным языком – это необходимый элемент каждого образованного студента. Выпускники вуза должны иметь высокий уровень профессиональной подготовки, уметь общаться на иностранном языке, как в бытовой области, так и в профессиональной сфере. Знание иностранного языка способствует повышению уровня молодого специалиста, успеху в карьерном росте, помогает пользоваться зарубежными источниками информации.

В настоящее время значительно повысился интерес к изучению немецкого языка в медицинской среде. Это обусловлено тем, что клиники Германии ведут активный прием пациентов, проводят диагностику, успешно выполняют лечение и услуги по реабилитации. В Германии развитие медицины находится на высоком уровне. Кроме того, выпуск лекарств в европейских странах, таких как Австрия и Швейцария, где разговорным является немецкий, очень развит, поэтому довольно часто требуется перевод инструкций к медикаментам с немецкого языка на русский.

Студенты поступают в медицинский университет с разным уровнем знаний по немецкому языку и с разным отношением к его изучению. Сложность обучения в медицинском вузе заключается в том, что студенты загружены профилирующими предметами, такими как анатомия, гистология, биология, нормальная физиология и т.д. Иностранный язык они считают второстепенной дисциплиной. Большая часть студентов считает, что немецкий язык им не нужен и не пригодится в дальнейшей профессиональной деятельности. Безусловно, именно такие студенты особенно нуждаются в повышении мотивации к изучению иностранного языка. Их следует убеждать в том, как нужен и важен им немецкий язык, какие необходимы знания для того, чтобы на старших курсах пройти стажировку в тех странах, где говорят на немецком языке, а после окончания учебы поступить в аспирантуру, получить престижную работу и построить карьеру. Проблема мотивированности возникает при изучении любого предмета, в том числе и иностранного языка. Специфика предмета требует наличия определенной базы и коммуникативных способностей, что часто вызывает у студентов некоторые сложности, при этом мотивированность исчезает [1].

Современные ученые по-разному трактуют понятие «мотив». Например, под мотивом понимают намерения, представления, идеи, чувства, переживания (Л.И. Божович); установки (А. Маслоу) [2]; морально-политические установки и помыслы (Г.А. Ковалев). В основном студентами движут внешние мотивы. При этом также присутствует доля негативной мотивации, к примеру, «чтобы не отчислили», «чтобы не поставили неудовлетворительную оценку». Необходимо также повышать степень самостоятельности студентов в процессе образования и ответственность за постановку целей и задач их самосовершенствования, за ход и результаты их самостоятельной учебной деятельности в овладении немецким языком. Формирование мотивации в обучении иностранному языку предполагает готовность студентов к выполнению различного рода упражнений, к освоению новых видов и форм работы, дальнейшее усовершенствование ранее освоенных. В организации познавательной деятельности студентов главным действующим лицом является преподаватель. Задача преподавателя иностранного языка заключается в создании условий практического овладения языком для каждого обучаемого, подборке таких методов обучения, которые позволили бы каждому студенту проявить свою активность и свое творчество. Очень важно включить студентов в самостоятельную учебную деятельность для достижения положительных результатов в изучении иностранного языка в течение всего курса обучения. Исходя из опыта работы со студентами первого и второго курсов всех факультетов, можем предположить, что следует уделять больше внимания обучению определенным видам речевой деятельности, таким как работа с устными темами и грамматикой.

На занятиях по немецкому языку мы уделяем большое внимание повышению мотивации студентов-медиков к профессиональной деятельности. Также осуществляется переход от изучения иностранного языка (как учебной дисциплины) к его практическому применению в профессиональных целях. Этого можно достичь путем совершенствования навыков и умений всех видов чтения (ознакомительного, просмотрового, поискового, изучающего), а также навыков и умений диалогического и монологического высказывания, умения вести беседу по тематике, которая предусмотрена учебным планом. Аннотирование, реферирование и обсуждение медицинских текстов на немецком языке, таких как «Bau und Funktion des menschlichen Körpers» (строение и функция человеческого организма); «Herz- und Kreislauf» (сердце и круг кровообращения); «Das Nervensystem» (нервная система); «Das Blut» (кровь) и т. д., эффективно способствуют реализации задач обучения. Используемый учебный материал заимствован из научной и научно-популярной медицинской литературы. Студенты делают доклады на немецком языке, пишут рефераты, выступают на конференциях по актуальным проблемам медицины. В преподавании немецкого языка мы придаем большое значение лингвострановедческому направлению: знакомим студентов с культурой страны изучаемого языка, повышаем их социокультурную компетенцию, читаем и переводим тексты об университете имени Гумбольта в Берлине, о медицинском образовании и системе здравоохранения в Германии.

Все вышеперечисленные аспекты связаны с решением такой важной задачи, как повышение мотивации студентов медицинского университета к профессиональной деятельности и профессиональному самосовершенствованию.

Обратим внимание на наиболее характерные трудности, которые испытывают студенты, изучая немецкий язык.

1. Род существительных

В немецком языке существительные бывают трех родов: мужского, женского и среднего. В русском и немецком языках одно и то же слово может быть разного рода. Студенты часто делают ошибки при определении рода немецкого существительного. Например, слово «язык» в русском языке принадлежит к мужскому роду, а в немецком – «die Zunge» – к женскому; слово «смерть» в русском языке женского рода, а в немецком – «der Tod» – мужского. На род и склонение существительного в немецком языке указывают не окончания, как в русском, а артикли.

2. Отрицание

Отрицание в немецком языке может выражаться с помощью различных слов и конструкций с отрицательным значением: *nein, nicht, kein, niemals, nie, niemand, nichts* и так далее. Студенты должны запомнить, что в немецком предложении употребляется только одно отрицание, тогда как в русском языке их несколько. Например, *Er hat mir nichts gesagt* – Он мне ничего не сказал (одно отрицание в немецком предложении – два отрицания в русском).

3. Перевод специальной терминологии и аббревиатур

Следует обратить особое внимание на работу студентов со специальной терминологией и аббревиатурами, которые часто обозначают названия медицинских процедур, например: *EKG* – *das Elektrokardiogramm* (электрокардиограмма); *EK* – *die Elektrokardiographie* (электрокардиография); названия болезней: *Pm* – *die Poliomyelitis* (полиомиелит), *Tb* – *die Tuberkulose* (туберкулез); названия организаций, например: *die WHO* – *Weltgesundheitsorganisation* (ВОЗ – Всемирная организация здравоохранения).

4. Многозначность слов

Значительные затруднения у студентов вызывает работа с многозначными словами. Например, немецкое слово «*die Behandlung*» имеет значения: 1) обработка; 2) лечение; 3) рассмотрение, изложение, обсуждение. Выбрать правильный перевод слова можно исходя из контекста. Например, *chirurgische Behandlung* – хирургическое лечение; *chemische Behandlung* – химическая обработка; *gerichtliche Behandlung* – судебное рассмотрение.

В заключение хотелось бы отметить, что изучение немецкого языка вызывает у студентов затруднения. С целью усовершенствования методов обучения немецкому языку студентов на кафедре лингвистики Кубанского государственного медицинского университета создано многочисленное количество методических разработок и пособий, помогающих исключить фонетические, морфологические и грамматические ошибки при чтении и переводе текстов.

Список литературы

1. *Борисенко И.А., И.В. Уварова* Роль мотивации в изучении иностранного языка в неязыковом вузе. *Казанская наука* № 4 2016, С. 65.
2. *Лейн К.* Большой немецко-русский словарь. – М: Русский язык Медиа, 2007.
3. *Маслоу А.Г.* Мотивация и личность // Л.Я. Аверьянов. Хрестоматия по психологии. – М.: Изд-во «Речь», 2000. С. 14 – 27.

10.02.00

С.В. Буренкова д-р филол. наук, С.Е. Груенко канд. филол. наук

ФГБОУ ВО «Омский государственный технический университет»,
факультет гуманитарного образования,
кафедра «Иностранные языки»,
burenkova_anna@mail.ru, gruenkos@mail.ru

ЗАИМСТВОВАНИЯ С КОГНИТИВНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА МОДЫ)

В статье рассматриваются заимствования с точки зрения объема и специфики их концептуального содержания, что позволяет авторам объяснить закрепление или исчезновение французских заимствований немецкой концептосферы «Мода». Функционирование заимствования в принимающей лингвокультуре напрямую зависит от того, насколько релевантными для её представителей оказываются знания, стоящие за заимствованным словом, поэтому французские заимствования концептуального и параконцептуального типов получают в немецком языке семантическую самостоятельность.

Ключевые слова: заимствование, импорт концептов, концептуальное, параконцептуальное, бесконцептуальное заимствование, галлицизм, мода.

Взаимодействие двух культур закономерно приводит к заимствованию языковых элементов, прежде всего лексических единиц. Вместе с тем в процессе языкового и культурного взаимодействия заимствуется зачастую не только слово, но и та совокупность знаний, которую оно представляет в своей лингвокультуре, иными словами – тот концепт, средством объективации которого данное слово выступает. По справедливому замечанию В.И. Карасика, речь идёт об «импорте концептов», о «внедрении в иную культуру концепта – ментального образования, опирающегося на многослойный культурный опыт, сконцентрированный в индивидуальном и коллективном языковом сознании» [1: 212].

Рассматривая проблемы лингвозкологии лингвокультуры, И.В. Привалова выделяет заимствования *концептуального, параконцептуального и бесконцептуального* типа [2: 289]. Предлагаемая И.В. Приваловой типология заимствований представляется вполне оправданной, поскольку рассмотрение заимствований с точки зрения их концептуального содержания позволяет понять причины заимствования, специфику функционирования заимствованных номинаций в языке-реципиенте.

Анализ французских заимствований немецкой концептосферы «Мода» с точки зрения их концептуального содержания показал, что основную часть этой лексики составляют лексемы, которые можно рассматривать как концептуальные и параконцептуальные заимствования. В незначительном количестве в выборке представлены бесконцептуальные заимствования.

К категории бесконцептуальных заимствований принадлежит галлицизм *Tailleur, der* в значении «портной». Данное заимствование, обладающее непривычными для носителя немецкого языка фонетикой и графикой, было вытеснено исконно немецким словом *Schneider*.

Анализ галлицизмов концептосферы «Мода» позволяет утверждать, что к бесконцептуальным заимствованиям могут быть отнесены лексемы, пришедшие и использовавшиеся в языке в угоду моде, конкурировавшие с исконными словами или ассимилировавшимися заимствованиями и вытесненные ими из обихода, ср.: *Ameublement, das (Zimmer-, Wohnungseinrichtung), Bouteille, die (Flasche, die), foncé (dunkel /von einer Farbe/), gentil (fein, nett, wohlerzogen)* и др.

При *параконцептуальном* заимствовании в национальное когнитивное пространство привносится новая аксиологическая маркированность, пересматривается существующая система ценностей. В анализируемой выборке данные типы заимствований практически не представлены, примеры параконцептуальных заимствований единичны и являют собой чаще всего прецедентные имена или содержащие их композиты: *Henriquate, Richelieustickerei, Raglanmantel, Pompadour*. Так, каждому, кто хоть как-то касается мира моды, понятно, что значит *Chanelkostüm*: Von der französischen Modeschöpferin C. Chanel (1954) kreierter Kostüm-Stil von anhaltendem Welterfolg. Kostüm mit kragenloser, nicht geknöpfter, an den Rändern mit Borten eingefasster Jacke [3: 146]. Использование данной номинации или её производных позволяет кратко и ёмко выразить мысль: Die kurze chanellige Jacke wird zum Kostüm mit dem passenden, leicht ausgestellten, knieumspielten Rock [4].

К категории *концептуальных* заимствований можно отнести примеры из различных тематических групп, входящих в концептосферу «Мода». Концептуальные заимствования способствовали формированию в немецкой лингвокультуре новых сущностей: *Pension, Kabarett, Ball, Kompliment, fein, schick, Jacke, Defilee, Saison, Stoff, Boutique* и мн. др.

Ярким примером концептуального заимствования можно считать сам концепт *Moda*, появившийся не только в немецкой, но и в мировой культуре благодаря французскому языку. Развитие французской культуры, господство французских королей обусловили приток французских слов в немецкий язык, в том числе и в язык моды (ср.: *Alamodezeit*). Принимая во внимание колоссальное влияние Франции на культурную жизнь Германии, справедливо предположить, что такого ёмкого и вместе с тем точного обозначения моды как социального явления и регулятора поведения в обществе в немецком языке, возможно, и не существовало вовсе. Ведь всё, что сегодня вбирает в себя концепт *Mode* (мода), едва ли можно выразить посредством любого другого слова в немецком языке. Сравните: *Geschmack, Kunstsinn, Brauch, Gewohnheit, Lebensart, -weise, -stil, Zeitgeist, Zeitgeschmack, Benehmen, Anstand, Anständigkeit, Haltung, Sitte, Kleidung, Höflichkeit, Erziehung* и т.д. Следовательно, произошло импортирование не просто слова, а концепта.

Таким образом, в тот момент, когда назрела актуальность в номинации возникшего социального явления, французский язык заполнил собственную внутриязыковую лауну за счёт ранее заимствованного латинского слова, а затем стал донором по отношению к немецкому языку, в котором данная лексема послужила средством элиминации лауны в лексико-семантической системе.

При этом заимствование нередко выступает самым простым средством заполнения лаун. К тому же, как показывает исследование, заимствуется не только обозначение, но и его концептуальное содержание. Концепт «Мода» – яркое тому подтверждение: более половины номинаций, репрезентирующих данный концепт в немецком языке, представляют собой слова французского происхождения, например: *Prestige, Elite, Image, Etikette, Manieren, Toilette, Cour, Creation, Couture, Robe, Fete, Courtoisie, Couturier, Silhouette, Stil* и т.д. Бóльшая часть из них появились в немецком языке вслед за заимствованием лексемы *Mode*, а именно, в период XVII-XVIII вв. Высокая степень ассимиляции многих заимствований данной тематической сферы является ещё одним доказательством коммуникативной значимости заимствованного концепта, сравните лексемы: *Marke, Schick, fein, Eleganz* и др., не воспринимаемые носителями немецкого языка как иноязычные, обладающие высокой словообразовательной продуктивностью (*Markenklamotten, Markenartikel; Modeartikel, -farbe, -ausdruck, -wort, -beruf, -fan, -gestalter, -heft* etc.) и адаптированные к нормам немецкого языка (*ein schickes Kleid, eine elegante Lösung, sie sprach ein elegantes Französisch*) [5].

Интересен тот факт, что даже при американизации немецкого языка заимствование из французского *Mode* не перестало быть актуальным для немецкого языкового сознания, о чем свидетельствуют материалы выборки, примеры из модных журналов, анализ анкет информантов.

Заимствования французского происхождения концептуального и параконцептуального типов получают в немецком языке семантическую самостоятельность и становятся

полноправными конституентами немецкой концептосферы «Мода» и лексико-семантической системы немецкого языка. В лексической системе заимствующего их немецкого языка галлицизмы нередко выступают средством **заполнения лакун**. Использование галлицизмов даёт возможность экономить языковые средства и речевые усилия. К примеру, не всегда возможно передать средствами немецкого языка смысл таких распространенных в речи глаголов, как *arrangieren*, *detaillieren*.

Сравнение семантики галлицизмов и параллельно функционирующих в языке дублетов также служит доказательством концептуального характера многих французских заимствований. Такие галлицизмы служат **уточнению существующих в немецком языке более общих понятий-гиперонимов, пополнению гипонимов**. Так, например, под влиянием французской моды при обустройстве городов Германии для уточнения немецкого слова *Straße* были заимствованы галлицизмы *Allee* – *von hohen Bäumen dicht gesäumte Straße*, *(Park)weg*; *Boulevard* – *meist von Bäumen gesäumte, breite (Ring)straße*, *Prachtstraße* [5].

В процессе адаптации концептуальные заимствования зачастую демонстрируют **сужение** либо **расширение объема лексического значения**. В переносном значении в немецкий язык перешли, например, *Faux pas*, *Demimonde*, *Dernier Cri*, *Clou*.

Отсеивание неподходящих значений, сужение объема лексического значения слова объясняется наличием в языке-реципиенте соответствующих общеупотребительных слов. Кроме того, использование в немецком языке терминологических значений или **терминологизация** слова вызвано потребностью языка.

Рассмотрение когнитивно-семантических особенностей французских заимствований концептосферы «Мода» позволяет заключить, что многие галлицизмы, вербализующие разнообразные составляющие данной концептосферы, являются неотъемлемой частью немецкой лингвокультуры и способствуют развитию немецкого национального языка. Обладая своеобразным концептуальным содержанием, они привносят в принимающую лингвокультуру новые знания, новую информацию, дополнительные оттенки смысла.

Список литературы

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, – 2004. – С. 212.
2. Привалова И.В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации): монография. – М.: Гнозис, 2005. – С. 289.
3. Loschek I. Reclams Mode- und Kostümllexikon. – Stuttgart: Philipp Reclam jun. GmbH & Co., 1999. – S. 146.
4. Burdastyle URL: <http://www.burdastyle.de>.
5. Duden online URL: <http://www.duden.de>

10.02.00

¹К.Н. Бурнакова д-р филол. наук, ²Т.Н. Боргоякова канд. филол. наук

¹Московский городской педагогический университет,
Институт иностранных языков,
кафедра раннего изучения иностранных языков,

²Федеральный институт развития образования РАНХиГС при Президенте РФ,
Центр национальных проблем образования,
Москва, klara_burnakova@mail.ru, borgatyana@rambler.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ЧАСТИЦАМИ: СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА

В статье систематизированы малоизученные частицы, используемые в структуре вопросительного предложения в хакасском языке. Разные по своей природе – вопросительные, модальные, побудительные, а также частицы, выражающие эмоции и др., попадая в структуру предложения, существенно влияют на его вопросительную семантику, функцию и ритмомелодическое (интонационное) оформление. Это приводит к тому, что ритмомелодика в целом и его структурные компоненты в частности меняют конститутивные параметры своих единиц в зависимости от структуры и семантики вопросительного предложения с частицами при функционировании в языке и речи.

Ключевые слова: *вопросительное предложение, частицы, структура, семантика, ритмомелодика.*

Наличие разных по природе частиц можно встретить в трудах крупнейших тюркологов М. А. Кастрена [1], В. В. Радлова [11], Н. Ф. Катанова [8; 9] и др., в фольклорных материалах, современной художественной литературе, а также в живой речи представителей разных диалектов хакасского языка. Упоминание о вопросительных частицах встречаются в школьных и других учебных материалах и словарях [10; 2], а также в отдельном параграфе специального раздела академической грамматики [7, с. 247-248]. Инвентарный список вопросительных частиц изложен в специальной монографической работе, выполненный на основе материалов художественной литературы [3]. Некоторые специфические лексико-грамматические особенности отмечены в системе категории вопросительности хакасского языка [4]. Рассмотрены их активное участие во временной системе хакасского глагола в монографической работе Т. Н. Боргояковой [6]. Однако системного анализа структуры и семантики вопросительного предложения они еще не получили.

Главная задача данной статьи – показать структуру и семантику вопросительного предложения с частицами как части общей системы категории вопросительности, имеющей свои закономерности в хакасском языке.

Занимая исключительно постпозитивное положение за значимыми частями предложения, частицы выделяют предшествующее им слово ритмомелодически и придают структуре и содержанию предложения вопросительную форму. Локализация постпозитивной вопросительной частицы за определенным членом предложения обусловлена логическим акцентом предложения с соответствующей ритмомелодической. Это продиктовано структурно-семантической и функциональной значимостью в зависимости от коммуникации. Такими универсальными свойствами обладает древнетюркская постпозитивная вопросительная частица *mi*, реализованная в современном хакасском языке частицей *ma* с сингармоническими вариантами *me*, *ba/be*, *na/ne*.

Финальная позиция частицы *ma* в предложении сигнализирует о том, что вопрос направлен ко всему высказыванию в целом и должен быть оформлен соответствующей вопросительной ритмомелодикой. Перемещение частицы *ma* внутри предложения изменяет

структурное, семантическое и функциональное предназначение вопроса, которое вносит различные оттенки, изменяя и усложняя ритмомелодическую оформленность предложения и обладает очень широкими функциональными возможностями. Ритмомелодическая выделенность непосредственно отражается в компонентах ее собственной структуры и способна изменить семантику вопросительности при функционировании, которое нашло подтверждения в результатах экспериментально-фонетических исследований по ритмомелодике разных типов односоставных и двусоставных вопросительных предложений хакасского языка [5]. Иногда она может уподобляться аффиксу, что характерно для разговорной и диалектной речи хакасского языка. Войдя в структуру выделяемого слова, этот аффикс не теряет своего вопросительного значения, например: *Писке полыс пиремеу?* (сагайский *д-т*) 'Нам поможешь?'; *Пеен килемеер?* 'Сегодня придете?' (бельтырский. говор).

Вопросительная частица *ма* обладает способностью сочетаться с модальными формами, другими частицами и вопросительными словами, а также с особыми глагольными формами, оформляясь соответствующей ритмомелодикой, которая помогает реализовывать разнообразную семантику вопроса. Рассмотрим некоторые конструкции именного, глагольного и пространственного типа: 1) ... *ма*, ... *ма?*, если обе части выражены однородными членами предложения, повтор частицы сближает эту конструкцию с альтернативным типом вопросительного предложения; 2) ... $T_v = \text{ариа ба?}$ глагольная основа в форме инфинитива на $=\text{ариа}$, и частица *ба*, имеют семантику близкую к русским эквивалентам 'хотеть; желать; пытаться; стремиться к чему-либо; собираться что-л. сделать; мечтать о чем-л.; жажда и т.п.' в вопросительном значении и может выражать упрек, обвинение, негодование и т.д., эта конструкция усложняется разными формами – от глаголов $mi =$ 'говорить', прибавлением деепричастных форм на $=n (=in, =yn)$, *сыдир*, *килис* = с модальными оттенками возможности, с любой глагольной формой с аффиксами совместно-возвратного и понудительного залогов, которые в вопросительной форме передают значение 'хотеть; намереваться; заставить кого-л. сделать что-л.', с модальным глаголом *чарир* / *чарабас* 'можно/нельзя'; 3) ... $T_v = \text{имр ме?}$, глагольное сказуемое этой конструкции оформляется аффиксами лица повелительного наклонения и помогает реализовывать такие семантические оттенки вопроса, которые выражают разрешение, позволение, совет в форме вопроса, а также модальные оттенки 'может быть; хотите...; давай(те)-ка ... и т.п.'; 4) модальные аффиксы $=\text{хау}$, $=\text{хых}$ в составе глагольной основы с модальным глаголом *пол* = и чаще всего с частицами *ма*, *за*, *ни* в составе сказуемого образуют 14 конструкций $T_v = \text{хау} / =\text{хых пол} = \text{ма (за; ни)?}$, выражая наряду с вопросительным значением – предположение, сомнение, уточнение, возможность и др., сближая её с разделительным типом вопросительных предложений; 5) $N_1 \text{ ма?}$ со значением уточнения, а также отрицательный вариант $N_1 \text{ нимес не?}$ 'разве не...?'; 6) $N_i \text{ нар/чох па?}$ '...есть/нет?'; 7) $N_{1/i} \text{ А (cop.) ба?}$ вопрос направлен на выяснение качества кого-, чего-либо; 8) $N_{1/i} \text{ Adv(cop.) ба?}$ с отрицанием *нимес*, либо с лексемой *чох*; $N_5 \text{ } N_1 \text{ Adv(cop.) не?}$; $N_{1/i} \text{ } N_1 \text{ (cop.) ба?}$; $N_1 \text{ } N_5 \text{ ба?}$ с отрицательной лексемой *чоуыл* 'нет'; $\text{Adv. } V_{fin} \text{ ба?}$, местонахождение вопросительной частицы *ба* преимущественно в финальной позиции, однако не исключается возможность ее перемещения внутри структурной модели, если того требует контекст; 9) $V_{fin} \text{ ба } (N_{1/4})$, если важно указать адресата, появляется обращение в любой позиции; 10) $\text{Inf } V_{fin} \text{ ме?}$, конструкция с модальным оттенком желательности, возможности / невозможности и т.п., а также сочетание инфинитива с такими глаголами как *чарир* / *чарабас*, *кирек*, *килизер* и др.; 11) $N_1 \text{ } V_{fin} \text{ ме?}$, сказуемое представляется аналитическими и синтетическими глагольными формами в различных временных парадигмах, как в положительном, так и в отрицательном аспектах; 12) в структурном типе $N_1 \text{ } T_v = \text{чезиу ме?}$ с глагольной основой на $mi =$, в деепричастной форме $min =$ с вопросительной частицей *ма*, образует вопросительную реплику на сообщаемый какой-либо факт, поскольку выполняет функцию вопроса-переспроса; 13) $N_4 \text{ } V_{fin} \text{ ме?}$ двухместная конструкция нейтрального типа, однако, появление сочетания инфинитива с глагольным сказуемым придает всей конструкции модальный оттенок необходимости, желательности и т.п.

Интерес представляют и другие частицы, которые самостоятельно, без иных вопросительных компонентов, способны сами сформировать вопросительное предложение.

В эту группу входит модальная частица *алай* 'может быть, возможно, вероятно', она занимает как инициальную, так и медиальную позицию в предложении, образуя конструкции: 1) *Алай ... ба?* выражает сомнение, используется в риторических вопросах, вторичное употребление всегда вносит оттенок избирательности или альтернативности, непосредственное следование ее после отрицательного предложения, придает ей значение предположительности; 2) конструкция ... $T_v = \text{хау ма алай}$ $T_v = \text{бехеу ме?}$ усиливает сомнение, образует альтернативный тип вопроса; 3) *Алай $T_v = n / = a$ салхау ма?* часто употребляется в риторических вопросах, выражает сомнение, внутреннее переживание, ожидание предполагаемого действия и т.д.; 4) *Алай ... $T_v = n$ $T_v = \text{имр ба?}$* 'А может быть, давай (-те) ...?', выражает призыв к действию; 5) *Алай... $T_v = \text{ариа}$ $T_v = \text{хеу ме?}$* 'может быть / возможно / неужели и т.п., придется / не придется что-л. сделать?', выражает модальность в форме вопроса.

Вопросительная частица *тау?* 'то ли?' выступая в роли вопросительной частицы, по семантике близка к модально-вопросительной частице *алай?*, но в отличие от нее, *тау?* предпочитает занимать финальную или медиальную позицию в вопросительной конструкции, хотя и не исключает инициальное положение, особенно в сочетании с вопросительной частицей *ма*. В конструкцию *Тау ... ме / ... ме тау?* могут входить междометные слова, в этом случае, вся вопросительная конструкция выражает удивление, восхищение, радость, огорчение, испуг и т.д.; конструкция *Тау ... алай... ме?* выражает сильное сомнение; повтор вопросительной конструкции: *Тау...ме*, в значении 'То ли ..., то ли...?; Возможно..., а может быть...?; Поди..., а вдруг не...? и т.д.', рассматривается как простой повтор с элементом альтернативности.

Частица *арса* 'возможно, должно быть, как (я) погляжу, похоже, очевидно, по всей вероятности/видимости, поди, вероятно, скорее всего и т.п.' всегда имеет модальный оттенок возможности и предположительности в вопросительной форме, *арса* способна выражать вопрос не теряя своего модального значения. В предложении она может занимать любую позицию.

Модальная частица *хайза*, занимающая финальную позицию в вопросительном предложении, употребляется как напоминание о прошедших действиях, сказанных слов и т.п. в вопросительной форме. По значению она соответствует 'ведь?', 'ведь же / же ведь?' каких-либо иных показателей вопросительности не требуется.

Модальное слово *хынза* 'возможно, наверное, по-видимому, видимо, наверняка, может быть' и др., может употребляться в вопросительных предложениях. В сочетании с глагольной основой с аффиксом понудительного залога и вспомогательного глагола *пол=*, в форме на *=ар* (могут быть и другие формы от *пол=*), они образуют побудительно-вопросительную конструкцию, выражающую предположительный характер задаваемого вопроса. В финальной позиции вместе с этим сочетанием факультативно могут появляться вопросительно-подтвердительные частицы: *я?*, *а?* и т.п.

Модальная частица *анау* 'ведь' в вопросительных предложениях может сочетаться с вопросительными частицами *ме / зе / чи*, реализуя при этом такие модально-вопросительные значения как: 'неужто; ужель; ну и что...; никак; да разве ж; да ведь; ну и что с того, что...' и т.д. Конструкция *Анау... ме/зе/чи?* в отрицательно-вопросительной форме, выражает категорическое утверждение, а не отрицание или вопрос. Подобное утверждение содержит выразительность, эмоциональную насыщенность, негодование, упрек, удивление, восхищение и т.п.

Таким образом, в вышеуказанных структурных типах семантическая и ритмомелодическая выделенность зависит непосредственно от значимых для вопросительности слов и их перестановки в структуре предложения, оказывающие существенное влияние на основное содержание категории вопроса. Все конструкции обладают одной уникальной спецификой, которая объединяет их в единую группу

вопросительности – это ритмомелодика языка и речи. Она формирует соответствующие интонационные образцы, которые зависят от структуры и семантики вопросительных предложений. Существенное значение имеет их локализации в предложении, зависящее в значительной степени от ритмомелодического их формирования для передачи вопросительного значения. Обилие различных частиц – как чисто вопросительных, так и частиц, неразрывно связанных с вопросительными компонентами, но не являющихся сами таковыми по природе (побудительные; частицы, выражающие эмоции и др.) влияют на структуру, семантику и ритмомелодику вопросительного предложения в целом. В перспективе необходимо исследовать модели вопросительных предложений с частицами во взаимодействии с ритмомелодическими структурными компонентами для выявления типичных ритмомелодем в современном хакасском языке с учетом особенностей базовых диалектов (сагайского и качинского), влияющих на литературный язык.

Работа выполнена в рамках государственного задания 27.12.581.2018/12.1, финансируемого Минобрнауки России.

Список литературы

1. Castren M. A. Versuch einer Koibalischen und Karagassischen Sprachlehre, Nebst Wörter Verzeichnissen aus den tatarischen Mundarten des Minussinschen Kreises. – St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1857. – XXI, – 210 S.
2. Баскаков Н. А., Инкижекова-Грекул А. И. Хакасский язык (Фонетическая структура, словарный состав и грамматический строй) / Хакасско-русский словарь. – М.: Гос. изд-во Иностран. и нац. словарей, 1953. – С. 359-487.
3. Бичелдей К. Н. Вопросительные частицы хакасского языка (монография). – Кызыл: Тув. РУС, 1993, – 99 с.
4. Бичелдей К. Н. Лексико-грамматические и ритмомелодические средства выражения вопросительности в хакасском языке. – М.: РУДН, 2001. – 282 с.
5. Бичелдей К. Н. Ритмомелодемы простых нераспространенных предложений хакасского языка. – М.: РУДН, 2000. -115 с.
6. Боргоякова Т. Н. Способы выражения временных отношений между двумя событиями (на материале хакасского языка). — М.: Изд-во РУДН, 2002. – 174 с.
7. Грамматика хакасского языка. – М.: Наука, 1957. – 418 с.
8. Катанов Н.Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. – Казань, 1903. – XLII, 1539, LX с.
9. Катанов Н.Ф. Грамматика сагайского наречия татарского языка. – Красноярск, 1884. Копия рукописи хранится в фонде Хакасского НИИЯЛИ: Татарский язык (сагайское наречие) Ч.1. Грамматика (этимология и синтаксис). – Красноярск 1882, Фонд №588, – 139 с.; Ч.2. Сборник примеров и словарь сагайско-русский. Фонд №589, -197 с.
10. Патчакова Д. Ф. Хакас тілі. I чардычы. Лексика, фонетика, морфология: педагогической училище учебник. Пастауызын сыхча = Грамматика хакасского языка. Ч. I. Лексика, фонетика, морфология: Учебник для педагогического училища. Изд. 1-е. – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1955. – 255 с.
11. Радлов В. В. Из Сибири. – М.: Наука, 1989. – 749 с.

10.02.00

К.Н. Гафиуллина канд. филол. наук

Казанский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»,
Факультет непрерывного образования по подготовке специалистов для судебной системы,
Кафедра языкознания и иностранных языков,
Казань, Gafiullina.kn@yandex.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ, ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ АНГЛИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ СУДЕБНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Данная статья посвящена одному из важнейших вопросов современной англистики - изучению юридической терминологии. В работе представлены результаты изучения влияния лингвистических и экстралингвистических факторов на процессы развития английской юридической терминологии судебного-процессуального права. В статье поднимается важный вопрос об отсутствии единой хронологии становления и формирования терминологии английского права, о значении этого вопроса для лингвистических исследований.

Ключевые слова: *английская юридическая терминология, лингвистический фактор, экстралингвистический фактор, судебная система, процессуальное право.*

Актуальность и необходимость исследования вопросов, связанных с процессом возникновения и развития английской юридической терминологии обусловлены различными причинами и обстоятельствами. В современном мире в условиях международной интеграции стран с различными правовыми системами и другими проявлениями глобализации роль английского языка и английской юридической терминологии как инструмента международной правовой коммуникации становится все значительнее. Это требует определенных знаний английской юридической терминологии. Англоязычные термины также являются источником образования интернационализмов, проникающих в терминосистемы других языков. Умение ориентироваться в англоязычной терминологии открывает перед юристами особые возможности не только для существенного углубления и расширения профессиональных знаний, но и для осуществления своей профессиональной деятельности в области права на английском языке. Для рядовых граждан необходимость знаний международных юридических понятий возникает, чаще всего, при защите своих прав и интересов.

Цель данной работы – описать проблемы в изучении влияния внутренних и внешних факторов становления и формирования английской юридической терминологии, предложить способы восполнения пробела в данном вопросе. Научная новизна заключается в том, что в ходе проведенного исследования выявлено отсутствие единой унифицированной хронологии развития английского права, на основе которой проводятся лингвистические исследования. Результаты работы могут использоваться для дальнейших изысканий по данной теме.

Следует сказать и о другом проблемном вопросе сравнительного правоведения – международной унификации права. Признавая факт того, что для грамотного профессионального общения необходимо использование единой терминосистемы, на наш взгляд, стремление некоторых компаративистов к унификации терминов преждевременно. В настоящее ближайшее время единообразие невозможно в связи с тем, что правовой порядок и юридическая терминология каждой языковой системы продолжают сохранять только им свойственные особенности. Унификация может привести к замене и неправильному толкованию понятий.

Английская юридическая терминология включает в себя совокупность терминов, используемых в области знаний английского права, закрепляет систему понятий этой сферы знания. Она сложилась под влиянием различных внутренних (лингвистических) и внешних (экстралингвистических) факторов. Специфика юридической терминологической базы английского языка в том, что процесс ее формирования неразрывно связан с многовековой историей и культурой народа, переломными моментами и реформами в социально-экономической и общественной жизни государства. Как известно, особенностью английского права является то, что судебная практика наряду с законом является основным источником права. Терминосистема процессуального права, положения судебной процедуры от подготовки дела для рассмотрения судом и вынесения решения также разрабатывались в течение многих веков. Среди внешних факторов, оказавших влияние на развитие терминосистемы процессуального права – реорганизация и образование новых судебных органов, должностей, процессуальных норм, правил судопроизводства и др. Высокие суды Англии обладают большим авторитетом и властью, они не только применяют, но и создают правовые нормы, их решения создают судебный прецедент.

История развития понятийного аппарата английского права отражает состояние юридической мысли определенной соответствующей эпохи. В течение многих веков развития в англоязычной правовой культуре выработались определенные понятия и категории, которые сложились в четкую и стройную систему подязыка права со своими специфическими терминологическими обозначениями правовых явлений и лингвистическими особенностями.

На современном этапе исследователями внесен большой вклад в лингвистическое изучение английской правовой лексики, способов образования юридических терминов, установление их лингвистических особенностей и систематизацию. На процесс формирования терминологических единиц оказали влияние различные лингвистические факторы. Терминообразование юриспруденции в английском языке происходит морфологическим, синтаксическим, семантическим способами словообразования. Общеупотребительная лексика является первоначальным источником и основой формирования терминологической лексики. Терминологизация происходит на основе метонимии, метафоризации и сужении значения, объективируется явлениями лексической специализации, полисемии и омонимии. Под влиянием экстралингвистических факторов термины превращаются в архаизмы, заимствуются из других языков, становятся интернациональными, приобретают новый смысл, появляются неологизмы для обозначения новых понятий.

Одним из принципиальных вопросов в данной области остается отсутствие единой хронологии становления и формирования английской правовой системы [2], на основе которой проводятся лингвистические исследования юридической терминологии английского языка. В соответствии с основными периодами становления юридической науки исследователь сравнительного правоведения Р. Давид выделяет четыре периода формирования и развития английской юридической терминологии: 1) период права местных обычаев (с V в. до 1066 г.); 2) период становления общего права (с 1066 до 1485 г.); 3) подъем общего права, период реформирования архаического общего права и возникновение права справедливости (с 1485 до 1832 г.) и 4) период слияния общего права и права справедливости в единую систему права, усиление роли законодательства (с 1832 г. до настоящего времени [4]).

При исследовании английской терминологии гражданского процессуального права Оськиной С. Д. взяты за основу четыре вышеперечисленных периода и установлен пятый период, связанный со вступлением в силу в 1999 г. Правил гражданского судопроизводства Англии, которые привели к реформированию терминологии гражданского процесса (например, термин *plaintiff* заменяется на *claimant*, *complainant* на *petitioner*, *writ* на *claim form*) [5]. Исследователем представлены характеристики каждого периода: 1) Период формирования терминологии гражданского процесса - скандинавские заимствования в языке

права, термины судопроизводства - терминологизированные слова общей лексики (до 1066 г.); 2) Период становления терминов судопроизводства посредством заимствований из латинского и французского языков (1066-1485 гг.); 3) Период развития терминологии судебной системы и судопроизводства (1485-1832 гг.); 4) Период становления и развития терминов гражданского процесса как системы (1832-1999 гг.); 5) Реформирование терминологии гражданского процесса (1999 г. по настоящее время) (С. 6). В начале нашего столетия происходит еще одно важное историческое событие: в соответствии с Актом о конституционной реформе (2005 год) в целях создания полностью независимой судебной системы и обеспечения открытости и прозрачности ее деятельности с 1 октября 2009 года начал функционировать Верховный суд Великобритании.

Исследование английской юридической терминологии в процессе становления государства и права в Англии Авакова О. В. проводит, основываясь на классификацию, состоящую из трех периодов: 1) древнеанглийский период (до исхода XI века), отличается тем, что законы представлены только местными обычаями. 2) среднеанглийский период (XIV - XVII века), характеризуется расцветом общего права. 3) современный период (с XVIII в. до настоящего времени), общее право сталкивается с невиданным развитием законодательства, поэтому вынуждено приспособиться к обществу, где постоянно усиливается роль государственной администрации [1].

Изучение литературы, посвященной эволюции английского права показывает, что существуют и другие варианты периодизации, в которых выделяются от трех до пяти периодов – этапов становления и развития английского права. Они имеют разные наименования, характеристики, разные хронологические рамки. На наш взгляд, целесообразно пользоваться периодизацией, предложенной крупным исследователем сравнительного правоведения Р. Давидом, отличающейся четкими хронологическими рамками и названиями периодов.

Как показывает обзор научных работ, в настоящее время язык судебного права находится на стадии активных научных исследований, которые, в том числе, направлены на реализацию задачи выработки единых правил и критериев [3]. Следует отметить, что существование разных подходов к ключевым вопросам в области изучения юридической терминологии говорит о необходимости дальнейшего изучения хронологии становления и формирования английской юридической терминологии для решения общетеоретических и прикладных лингвистических задач в данной области.

Список литературы

1. Авакова О. В. Формирование и функционирование английской юридической терминологии в процессе становления государства и права в Англии / Диссертация / Москва. 2006. – 232 с.
2. Анисимова А.Г., Капшутарь Е.С. Об особенностях становления англоязычной терминологии уголовного права: лексико-семантический аспект. Вестник Чувашского университета. Филологические науки. Языкознание № 4, 2015. – С. 215-222.
3. Гафиуллина К.Н. Судебная лингвистика: теоретические и прикладные аспекты // Казанская наука. - 2017. - № 12. - С. 83.
4. Давид Р. Основные правовые системы современности. М.: Международные отношения, 2009. - С. 14.
5. Оськина С. Д. Актуальные проблемы развития и современного состояния английской терминологии гражданского процессуального права: Автореф. дис. . канд. филол. наук. Омск., 2007.- С.6.

10.02.00

**В.Е. Глызина канд. филол. наук, Н.Е. Горская канд. психол. наук,
А.В. Федорюк канд. филол. наук**

ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»,
кафедра иностранных языков,
ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет»,
кафедра иностранных языков для технических специальностей №1,
ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»,
кафедра иностранных языков и лингводидактики,
Иркутск, vecotd@yandex.ru, Natgo2012@yandex.ru, Fedoryuk@rambler.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АНГЛИЙСКИХ ИМЕН, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ЕДИНИЦЫ ВРЕМЕНИ

*В статье анализируются имена существительные, в значении которых, присутствует семантический признак «время». Показано, что именные группы временной семантики характеризуются достаточными возможностями в выражении временных значений. Доказано существование в английском языке группы имен существительных, которые представляют единую семантическую структуру лексемы *time*, поддающуюся классификации и определяющуюся через личное понимание. Расширены представления о наличии числа семантических признаков в периферийной сфере значения имени, а также о прототипической природе самих этих признаков.*

Ключевые слова: *семантика, имя, темпоральность, временные значения, семантический компонент времени, языковая картина мира.*

На протяжении многих лет, проблема времени исследуется учеными различных областей науки. В современной лингвистике этот интерес обусловлен взаимосвязью когнитивных процессов с значением языковых единиц, в частности, включенности предметных сущностей в структуру темпорального представления. Как указывают исследователи, временные значения выражаются не только при помощи глагольных средств, но и многими другими средствами, например, наречиями, временными дополнениями, названиями дат, и т.п. [9], [4], [5], [2]. Изучение темпоральной лексики с позиции когнитивной лингвистики представляет собой модель, содержащую определенные представления человека о каком либо явлении. Понятие «время» рассматривается как некое отражение реального времени в языке, тесно связанного с внеязыковой деятельностью человека посредством восприятия, в первую очередь, пространственной природы (предметы, места) [6], [7], [3]. В своем исследовании семантики временной перспективы у имени мы опираемся на теорию В.Г. Гака о семантическом согласовании, как формальном средстве организации высказывания. Согласно данной теории, совпадающие семы имени дают право использовать в исследованном материале теорию семантического согласования и доказательство наличия темпоральной семы у имени существительного [1].

В данной статье мы рассмотрим семантику английских имен, включающих временной компонент. Основными источниками для сбора материала послужили авторитетные англоязычные словари OALD, LDCE, OED, WNCД и др. Данные словари предлагают до 17 значений в определении имени *time*, включающие при употреблении данного имени различные оттенки. Эмпирические исследования показывают, что именные группы временной семантики характеризуются достаточными возможностями в выражении временных значений. К таким именам относятся различные временные единицы, которые обозначают точку во времени, точный или не всегда точно определенный период времени, например: *moment, instant, second, minute, hour, day, night, week* и т.д.. Так, период времени

minute и *second* носители языка связывают с каким-либо временным сроком. Однако, как указывает Е.С. Яковлева, в силу нашего менталитета, эти лексемы имеют второе значение, не связанное с научными категориями времени, а связанное с понятием жизненного времени. Этот отрезок времени определяется как поддающаяся оценке и описанию категория нашего существования [8]. В этом случае имена *minute* и *second* близки по значению словам *moment*, *instant*, которые, однако, не являются общепринятыми единицами измерения времени, а только его условными обозначениями в том случае, когда событие не зафиксировано. Эти слова могут быть взаимозаменяемыми, но не являются синонимами. Имя *moment* используется при описании времени, не имеющее отношение к конкретным физическим единицам измерения. Данное имя может использоваться в речи, обозначая наиболее краткий период времени – *hour*. Первичное значение имени *hour* во всех словарях – это период времени в 60 минут. Второстепенное его значение несколько семантически отличается в разных словарях. Однако, при сопоставлении третьего, четвертого, пятого, шестого и следующих значений, мнения составителей словарей расходятся. Это касается порядка расположения дефиниции имени *hour* как отрезка времени и признаков, определяющих значение имени *hour*. Так, например, в LDCE *hour* определяется как дистанция, преодолеваемая за этот период времени, находится в третьем значении, в WNCD стоит шестым по порядку. В четвертом значении имени *hour* в LDCE и в OED это – определенный период времени или фиксированное время, в OALD это значение стоит третьим. В некоторых словарях также даны определения астрономическому и географическому значению имени *hour*. В OED это значение стоит на седьмом месте, в WNCD занимает восьмое место. Следует отметить, что составители словарей приходят к единому мнению, хотя с незначительными добавлениями, относительно определительных признаков в астрономическом и географическом значениях имени *hour*. Что касается LDCE и OALD, то в этих словарях такое значение не выделяется.

При рассмотрении имен *day* и *night* мы выявили совпадение определений в первом значении во всех словарях. Составители дают следующие определения: время, точка отсчета времени, период времени. Далее, их мнения расходятся, и эти имена во всех словарях имеют разные значения. Например, имя *day* в значении как период работы занимает в LDCE пятое место, в OED стоит шестым по порядку, в WNCD – занимает седьмое место. Словарное значение имени *night* также совпадает во всех словарях в первом значении; это – темные часы времени между заходом и восходом солнца или период темноты. Далее мнения в значениях расходятся во всех словарях. Таким образом, можно говорить о двойственной структуре дефиниции имен времени, его первичном и последующих значениях.

Учитывая выше изложенное, можно сделать следующие выводы: 1. Для английского языка характерны группы имен существительных, в значении которых присутствует семантический признак «время», поддающийся классификации и который находит отражение в словах *time* и *period*. 2. Все основные единицы времени определяются через личное понимание, т.е. они научны и противопоставляются друг другу. 3. Все базисные единицы времени имеют значение «период (времени)», представляя семантическую структуру лексемы *time*. 4. Лексема *time* сближает все значения, что позволяет говорить о параллелизме и сближении во фразеологии.

Список литературы

1. Гак В.Г. Пространство времени // Логический анализ языка. Язык и время. – М.: Изд-во «Индрик», 1997. – С. 122-130.
2. Костюшкина Г.М., Егорова З.В. Категоризация эмоций в русском языковом сознании//Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – Якутск: Изд.-во ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им.М.К.Аммосова», 2017. № 5 (61). – С. 99-107.
3. Мельгунова А.Г., Сметанина Т.В. Глаголы как средство образования онтологической метафоры (на примере английских глаголов сопротивления и глаголов пространственной ориентации). – Иркутск: Издательство: Известия Иркутской государственной экономической академии, 2012 – № 2. – С. 223-227.
4. Меньшикова Е.Е. Идиллический хронотоп в рекламном туристическом нарративе// Новая наука: Теоретический и практический взгляд. – Уфа: Изд-во «ООО Агентство международных исследований», 2016. – № 3-2 (69). – С. 178-181.
5. Меньшикова Е.Е. Буднично - бытовой хронотоп в рекламном туристическом нарративе // Современные концепции развития науки. – УФА: Изд-во «Аэтерна», 2016. – С. 84-87.
6. Сметанина Т.В. Когнитивная семантика глаголов пространственной ориентации stand, sit, lie: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Иркутск, 2007. – 162 с.
7. Сметанина Т.В. Категоризация пространственного положения одушевленных нечеловеческих объектов: глагол lie // Перевод и сопоставительная лингвистика. – Екатеринбург: Изд-во «Уральский гуманитарный институт», 2016. – №12. – С.59-62.
8. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени, восприятия). – М.: Гнозис, 1994. – 344 с.
9. Ducrot O., Todorov T. Encyclopedic Dictionary of Sciences of Language. – Oxford: Blackwell, 1987. - 380 p.
10. LDCE Longman Dictionary of Contemporary English. – London: Longman, 1978. – 1304 p.
11. OALD Oxford Advanced Learner's Dictionary of Contemporary English. – London: Oxford University Press, 1974. – 1037 p.
12. OED The Oxford English Dictionary. – London: Oxford University Press, 1933. – Vol. 1 - 13.
13. WNCD Webster's New Collegiate Dictionary. – U.S.A.: C. Merriam Co, 1973. – 1536 p.

10.02.01

С.А. Громыко канд. филол. наук, С.А. Ганичева канд. филол. наук

Вологодский государственный университет,
институт истории и филологии,
кафедра русского языка, журналистики и теории коммуникации,
Вологда, ling2007@yandex.ru

**АНТИТЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ПОСТРОЕНИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В
РУССКОЙ ПАРЛАМЕНТСКОЙ РЕЧИ НАЧАЛА XX ВЕКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ ДЕПУТАТОВ-НАЦИОНАЛИСТОВ)**

В статье рассматривается речь в российских парламентах начала XX века как объект лингвистического исследования. Описываются особенности речевых структур в русской парламентской дискуссии начала XX века. В качестве основной структуры, которая оказывает влияние на ход дискуссии, рассматривается антитетическая модель, ее разновидности и варианты.

Ключевые слова: Политическая риторика, парламентская речь, дискуссия, дебаты, речевые структуры.

В дискуссии дореволюционной Государственной думы привлекает внимание часто повторяющийся и очень простой на первый взгляд прием построения выступления депутата в прениях. Парламентарий диалогизирует свою речь таким образом, чтобы напомнить точку зрения предыдущего оратора и возразить ему. «Афанасьев: Вот, господа, я замечал, один из депутатов, как называют его, - Пуришкевич, в 6 заседании 7 марта сказал, что крестьяне не потому голодны, что у них мало земли, а потому, что они ею не могут управлять. Так, господа, и я скажу вам, что отчасти я с ним согласен, а потом сильно расхожусь, что крестьяне голодают не потому, что у них мало земли, а просто потому, что у них ее вовсе нет. Вот почему. Он привел пример, что у казака более 20 десятин земли имеется и он тоже голодает. Да, голодает, и я скажу. Да неужели же, господа, вы не помните, что его, казака-то, нет в настоящее время, а есть только казачки да казачата?» [3].

Подобный прием, основанный на резком противопоставлении двух точек зрения, можно встретить в любой дискуссии. Действительно, чтобы не терять нить спора, оратор выбирает наиболее яркие и запомнившиеся ему высказывания противника, заново формулирует их и выдвигает свои контраргументы. В данном случае мы имеем дело с той функцией антитезы, о которой писал Аристотель: «Такой способ изложения приятен, потому что противоположности достаточно понятны, если же они стоят рядом, то понятны еще более, а также потому, что похожи на силлогизм, так как опровержение есть соединение противоположностей» [1]. Использование в дискуссионной речи антитезы направлено на интенсивное убеждение в первую очередь аудитории, а не противника. Известно, что использование таких антитетических единств было распространено, например, в русской судебной риторике конца XIX - начала XX века (особенно в защитительной речи) и расценивалось как эффективный прием воздействия на присяжных [10, 11]. Степень эмоционального давления на аудиторию может варьироваться в зависимости от задач оратора, слушателей, а также представления о допустимой / недопустимой речи в данном институте.

Интересно, что в дискурсе Государственной думы начала XX века антитетические единства не просто активно использовались, они становились конструктивной основой всего выступления в прениях. Помимо зачина и завершающей части, речь депутата зачастую представляла собой комплекс антитетических единств. В Третьей и Четвертой Государственной думе этот прием стал особенно популярен у депутатов-националистов.

Черносотенцы Н.Е. Марков, В.М. Пуришкевич, А.С. Вязигин структурировали свои выступления в парламенте именно таким образом: (1а) *Вы вспомните, что ваши талантливые ораторы, например Милюков, упрекали Италию и Францию в излишнем шовинизме еще в 1914 г., упрекали в том, что они вооружаются и этим раздражают Германию. И вы, которые так поступали перед самой войной, как только война разразилась, с негодованием кинулись на Правительство и кричите: они виноваты! (1б) Да, они виноваты, но и вы виноваты [5].* И далее в этой же речи: (2а) *Вы говорите: общественное доверие, страна верит вам, представителям шести объединившихся фракций. (2б) А я этого не вижу. На петроградских выборах мы узнаем, что и достопочтенный Александр Иванович Коновалов, здесь присутствующий, и уважаемый г. Велихов, и г. Барышников, и этот самый Юрий Глебов – все они забаллотированы, Петроград их не выбрал, а ведь это ваши выдающиеся деятели [5].*

С точки зрения стилистики эти речи основаны на стилистическом контрасте, который представляет собой «принцип линейно-синтагматической организации речевого произведения, который заключается в резком противопоставлении различных элементов текста с целью создания определенного стилистического эффекта» [13]. С точки зрения структуры повторяемость конструктивно схожих высказываний привела к функционированию в парламентской речи начала XX века бинарной модели выступления с четким делением на тематический и рематический компоненты.

В приведенном выше примере буквой *а* обозначен тематический компонент, буквой *б* – рематический. Тематический компонент – это процитированное или переформулированное высказывание предыдущего оратора, рематический компонент – возражение, контраргумент выступающего. Антитетическая модель, которую можно условно обозначить «вы утверждаете – мы возражаем», привлекала думских ораторов, во-первых, своей простотой и удобством при создании спонтанного высказывания, во-вторых, – остротой, которую речь, построенная по этому принципу, неизменно вносила в дискуссию.

Однако эти столь характерные для русского парламентского спора антитетические единства обладают лишь кажущейся простотой. Детальный анализ показывает, что депутаты-националисты использовали в своей речи большое количество структурно-смысловых вариантов бинарной модели. Так, например, обращает на себя внимание распространение бинарных моделей, в которых тематический компонент «вы утверждаете» выражен переформулированным высказыванием оппонента, а рематический компонент представляет собой интерпретацию (как правило, негативную) смысла речи *«Господа члены Государственной Думы. Прежде, чем высказать несколько слов по поводу речи министра иностранных дел, я позволю себе остановить ваше внимание на разборе некоторых положений, высказанных членом Думы Милюковым. Для ясности, по-моему, это необходимо. После разгрома Министерства финансов в России осталось одно только европейское министерство, говорил Милюков, а именно Министерство иностранных дел. Это он произнес и вначале, этою фразой он и закончил свою интересную речь по иностранной политике; следственно, он придает этому своему заявлению декларативный характер, особое значение. Я задумался, что кроется под этим определением достопочтенного доцента, что он разумел, говоря, что только одно министерство в России европейское, именно Министерство иностранных дел? Если он разумел, что все остальные министерства преследуют русские интересы, а Министерство иностранных дел – европейские, то это, по-моему, несправедливое обвинение; если он же хотел сказать, что все остальные министерства – не европейские, то какие же они? Конечно, русские, и в таком случае он сделал комплимент всем остальным» [6].*

Манипулятивный потенциал подобного высказывания очевиден: такой «разбор» речи политического противника, сопровождавшийся приемом чтения в сердцах, снижал конвенциональность думского диалога. Усугубляло ситуацию и то, что переформулирование точки зрения предыдущего оратора сопровождалось обобщением сказанного, упрощением, произвольной интерпретацией. Еще один подобный вариант антитетического единства был

характерен исключительно для националистов: в качестве рематического компонента вместо возражения по существу использовалась ирония над оппонентом или откровенное высмеивание его действий. *«К сожалению, бывший член правой фракции, бывший член национальной фракции, достопочтенный Василий Витальевич Шульгин, двукратно выходявший из этих двух фракций, постепенно переходя все ближе и ближе к левым, не нашел лучшего времени для того, чтобы обвинить своих бывших товарищей в том, что они ремесленники распри, и распри для них – печальная необходимость. Не буду полемизировать с нашим бывшим товарищем. Только напомню вам, что во времена II Думы с этой самой кафедры достоуважаемый Василий Витальевич Шульгин нежным тоном спрашивал нынешних своих единомышленников: «Господа, нет ли у вас в карманах бомбы?» Наши бывший товарищ, очевидно, ближе ознакомился с вами, господа, и убедился, что ваши карманы если и набиты, то не бомбами. (Голоса справа: «А-а-а...»; слева смех.) Отныне этот былой ярый антисемит Василий Витальевич Шульгин возлежит на лоне г. Фридмана и г. Бомаша. (Смех.)» [5].*

Таким образом, антитетическая модель – один из способов построения устного публичного выступления в прениях в российском дореволюционном парламенте. Основу ее составляют повторяющиеся антитетические единства с четко выделяемым тематическим (слова, идеи, поступки оппонента, о которых уже шла речь в дискуссии) и рематическим (слова, идеи, поступки социальной или политической группы, с которой идентифицирует себя оратор) компонентами. Повторимся, что это далеко не единственный способ структурирования высказывания. Так, например, думские ораторы в своей речи могли отталкиваться от одного ключевого тезиса оппонента и приводить аргументы, доказывающие несостоятельность этого тезиса. Причем способы предъявления аргументов были разнообразными: нисходящий, восходящий, концентрический. Встречаются даже выступления дворян и священников, построенные по принципу хрии.

Антитетическая модель по ряду признаков противопоставлена всем остальным способам построения речи. Во-первых, она ориентирована больше на спонтанную публичную речь, ее использование не требует детального осмысления оратором структуры своего выступления. Во-вторых, она обладает большим эмоциональным и даже манипулятивным потенциалом. Стенограммы заседания Думы фиксируют активное использование повторяющихся антитетических единств на пике прений. В-третьих, использование бинарной модели, по-видимому, оценивалось самими депутатами по-разному. За бинарной моделью закрепился ореол проявления своеобразной «новой риторики», которая в противовес традиционным риторическим построениям доступна каждому, откровенна, экспрессивна, не требует особой подготовки.

Активное использование антитетической модели высказывания именно депутатами-националистами связано со спецификой институционализации данной политической группы. Националисты были наиболее одиозной фракцией в дореволюционной Государственной думе, генетически они были связаны с черносотенным движением, поэтому в каждом выступлении их лидеры были вынуждены бороться с определенными предубеждениями аудитории. Речи Маркова и Пуришкевича практически всегда обладали высокой степенью агональности, которая подкреплялась иронией, интертекстом, особой системой аргументации, поэтому защита от оппонентов, плавно переходящая в нападение на них, обусловила выбор в пользу этой структурной модели.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 16-34-01050-ОГН «Риторика русского национализма: воздействие, аргументация, образы (на материале публичных дискуссий начала XX века)»

Список литературы

1. *Аристотель*. Риторика // Аристотель. Риторика. Поэтика. - М., 2000. – С. 127.
2. *Герцен А.И.* Былое и думы. Части 4 - 5. - М., 1958.
3. Государственная дума. Созыв второй. Стенографические отчеты. - СПб., 1907. – Стлб. 1970.
4. Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты / под ред. В. Д. Карповича. – М.: Фонд «Правовая культура», 1995. – Т. 1.
5. Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. – Пг., 1916. Ч. 2. Стлб. 1439–1457.
6. Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1914 г. Сессия вторая. Часть 4. Заседания 76–97 (с 7 по 28 мая 1914 г.). – СПб., 1914. – С. 420–432.
7. *Громыко С.А.* Зачем политику риторический вопрос? Особенности парламентской дискуссии начала XX века // Русская речь. - 2010. - № 4. - С. 76 - 80.
8. *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. - М., 2000.
9. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. Нечто о вранье // Собрание сочинений в 15 томах. Т. 12. - Л. 1994.
10. *Лаврухина, С. Н.* Синтаксис русской судебной речи конца XIX – начала XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Орел, 2001.
11. *Поварнин С.И.* Спор. О теории и практике спора. - СПб., 1996.
12. *Соловьева, Т. А.* Лексико-грамматические и стилистические особенности судебной речи второй половины XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Орел, 2000.
13. *Щербаков А.В.* Стилистический контраст // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка / под ред. А.П. Сковородникова. - М., 2005. - С. 320.

10.02.00

Р.А. Даминова канд. филол. наук

Уфимский государственный авиационный технический университет,
общенаучный факультет,
кафедра языковой коммуникации и психолингвистики,
Уфа, daminowa@mail.ru

ФОНОСЕМАНТИКА: ОТ ИДЕИ ДО САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

В работе представлен анализ литературы, который показывает важность фонетического уровня языка для исследования глубины семантики, что подтверждается историей развития фоносемантики и исследованиями последних лет.

Ключевые слова: *фонетический уровень языка, связь между звучанием и значением слова, звукосемантика, фоносемантика.*

Идея содержательности звуковой оболочки слова появилась давно в результате поиска связи между значением и звучанием слова. Проблема связи звука и значения волновала умы разных ученых. Анализ работ по истории вопроса (Платон, М.В. Ломоносов, В. Гумбольдт, В. Вундт, Г. Пауль, И.А. Бодуэн де Куртенэ) и экспериментальных исследований (О. Есперсен, Е.А. Сепир, С.С. Ньюмен, С. Цуру, Р. Браун, И. Тейлор, Г. Кронассер, А.С. Штерн, М.В. Панова, Г.Н. Иванова-Лукьянова, Б.В. Журковский и др.) позволяет заключить, что исследователи пытались найти связь между звуком и смыслом, они искали в звуке психологические символы и обнаружили такую связь. Результаты ранних и новейших исследований, выполненных в русле этимологической фоносемантики (В.Н. Топоров, Л.З. Лапкина, Л.Ф. Лихоманова, Т.Х. Койбиева, С.В. Климова и др.), подтверждают предложенную С.В. Ворониным теорию звукоизобразительного происхождения языка, который выделил фоносемантику как самостоятельную научную дисциплину, целью которой является изучение связи звука и значения в слове. В работе [1] дается обширный анализ отечественных и зарубежных работ, которые явились научным фундаментом построения теории звукоизобразительности. С.В. Воронин определил цель и объект фоносемантики. Целью фоносемантики является изучение звукоизобразительности как необходимой, существенной, повторяющейся и относительно устойчивой произвольной фонетически (примарно) мотивированной связи между фонемами слова и полагаемыми в основу наименования признаком объекта-денотата. Объектом фоносемантики является звукоизобразительная система языка, включающая звукоподражательную и звукосемантическую подсистемы языка.

Результаты исследований, выполненных на материале русского, английского, немецкого и других языков (работы С.В. Воронина, А.И. Германович, С.А. Карпухина, В.С. Третьяковой, Е.В. Петуховой, Е.Ю. Кученевой, О.А. Хабибуллиной, О.В. Матасовой, Е.М. Жарковой, Т.В. Виноградовой, С.А. Филимоненко, В.В. Фатюхина, С.С. Шляховой, Е.И. Бесединой, Е.Ю. Кийко и др.) позволяют распределить их на исследования звукоподражательных и звукосемантических слов. Психолингвистический ракурс позволяет рассматривать данные слова как результаты работы ассоциативной системы человека, которые можно классифицировать по мотиву для того или иного типа ассоциативной связи между стимулом и реакцией.

Проблема мотивированности звукового символизма и языкового знака обсуждалась с самых различных позиций в многочисленных работах Ф. де Соссюра, С.В. Воронина, И.Н. Горелова, В.В. Левицкого, О. Есперсена, М. Граммона, Е. Сепира, Я. Малкиля и других авторов. Спор по данной проблеме находит последовательное разрешение в трудах

современных исследователей. В настоящее время уже не вызывает сомнения тот факт, что языковой знак не является произвольным. Большинство лингвистов сходятся во мнении, что в основе возникновения языка лежит звукоизобразительность, или фонетическая мотивированность. Скрытая звукоизобразительная значимость или явление звукоизобразительности - феномен, при котором, между звучанием слова и его значением имеется прямая и неременная связь, иначе называемая «звукосимволизмом», играет значительную роль в восприятии и функционировании слов. Сфера начальной денотации звукосимволического слова во многом совпадает со сферой его мотивации.

Вопрос о природе звукосимволизма решался в работах (С. Ньюман, М. Бентли, Э. Вэрн, Г. Вернер, Р. Браун, И. Тэйлор, И.Н. Горелов и др.). Точки зрения авторов можно свести к трем направлениям: ассоциативному, референтному и синестетическому. Общим при решении данной проблемы является то, что исследователи обуславливали звуковой символизм психофизиологическим механизмом синестезии. Считая, что синестезия не исчерпывает психофизиологической основы звукосимволизма, так как она ограничена сенсорной сферой, С.В. Воронин ввел новый термин «синестемия» для обозначения сенсорно-эмоциональных переносов – «соощущение + соземия», подчеркнув при этом, что звукосимволическая номинация широко функционирует в эмоциональной сфере. Полученные выводы о сенсорно-эмоциональном взаимодействии говорят о существовании глубоких иерархических связей между сенсорными и психическими сферами человека и позволяют говорить о возможности человека формировать интермодальные ассоциации, что способствует формированию языка и целостному восприятию мира в единстве. В последнее время проблемы значения рассматриваются с позиций корпоральной семантики (Н. Ruthrof, А.А. Залевская, Т.М. Рогожникова). Указанные исследователи считают, что человек изначально наделен уникальной способностью воспринимать окружающий мир интермодально.

Анализ литературы по экспериментальному исследованию взаимосвязи звука и его содержания позволяет заключить, что исследования велись на материале слов и словосочетаний. Во всех исследованиях набор стимулов у разных экспериментаторов различен, что не давало возможности систематизировать или сравнивать результаты, однако в поисках естественной связи между звучанием и значением слова экспериментально доказывалось существование психолингвистического феномена фонетического символизма. Исследования не вышли из стадии поисков эффективной методики измерения фонетического значения, но проделанная работа способствовала построению общей теории фоносемантики.

А.П. Журавлев измерил буквы русского языка по 25 шкалам. Результаты были помещены в специальную таблицу «Символическое значение русских звуков в 25 признаковых шкалах» [4: 46-49]. Затем по формуле удалось вычислять теоретическое фонетическое значение слова. Инструментом измерения символики звуков, а затем и слов стала психофизическая шкала. Автором названной шкалы является Ч. Осгуд и его сотрудники, которые применяли шкалу в ходе исследования психологических механизмов синестезии. А.П. Журавлевым было обработано более 100 тысяч ответов. Всего звукобукв оказалось 346. Исследователем была составлена таблица, которая содержит 1150 оценок звукобукв русского языка. Направленный ассоциативный эксперимент, проведенный А.П. Журавлевым, показал, что нет ни одного звука, который бы не имел четко выраженной символики, измеренной по нескольким шкалам, и нет ни одной шкалы, по которой не проявлялось бы фонетическое значение хотя бы нескольких звуков. Символика большинства звуков проявляется по большинству шкал, что свидетельствует о достаточно широком характере фонетического значения.

В настоящее время фоносемантика продолжает свое развитие. Чтобы очертить круг проблем, которыми занимаются в настоящее время лингвисты, был сделан обзор основных научных направлений в рамках существующих фоносемантических школ.

В Петербургской школе продолжают развивать изучение законов звукоизобразительной лексики, диахронического развития звукоизобразительной лексики английского языка, а также исследуют звукоизобразительную систему исландского языка [11].

Саратовская фоносемантическая школа ведет исследования под руководством Прокофьевой Л.П. в области звуко-цветовой ассоциативности на примере русского и английского языков, а также занимается разработкой программного обеспечения анализа звуко-цветовой ассоциативности прозы, поэзии и драматургии [7,8].

В Пятигорской школе идет процесс апробации теории фоносемантического поля и ее развития в различных направлениях под руководством А.Б.Михалева [6].

Под руководством С.С. Шляховой ведутся исследования в Пермском фоносемантическом кружке: изучается универсальная типология ониматопов (русский и немецкий), а на материале русского, немецкого, коми-пермяцкого языков изучается универсальность ониматопеи и фоносемантическая лексикография. На материале коми-пермяцкого языка исследуется цвето-графемная синестезия [12,13]. Необходимо отметить, что С.С. Шляхова стала инициатором создания фоносемантического интернет-ресурса Лингвистический ИКонизм Language IConicity (<http://liconism.ru/>).

В рамках Уфимской психолингвистической школы, руководителем которой является Рогожникова Т.М., сформировалась «фоносемантическая группа», реализующая фоносемантический проект, главной целью которого является установление законов действия слова [9,10]. Перед группой исследователей поставлена задача создания исследовательского инструментария, с помощью которого возможно прогнозировать суггестивный потенциал вербальной модели на различных языках. В этом направлении уже разработана программа БАРИН (Автоматизированный анализ слова и текста). Основным компонентом программы стали цветовые матрицы звукобукв русского и английского языков. Завершена разработка компьютерной программы БАТЫР, основным компонентом которой стали цветовые матрицы звукобукв татарского и башкирского языков. В 2014 году написана компьютерная программа СЧЕТОВОД (Автоматизированный анализ текстов). Данный программный продукт создан для перепроверки ряда моделей, разработанных для отображения ассоциативного цветового фона языков. В 2015 году разработан формализованный компьютерный алгоритм ПУЛЬС для анализа уровня ритмичности текста, для установления периодов его устойчивости и границ измерения. В основу алгоритма положены мельчайшие базовые единицы анализа (слог, ритмическая группа, синтагма). В 2016 году завершена компьютерная программа БЮРГЕР для работы с текстами на немецком языке. Основным компонентом программного продукта стала цветовая матрица звукобукв немецкого языка. На данный момент программа, как все предыдущие, уже прошла этап государственной регистрации. В рамках проекта защищены диссертации [2,3,5].

Анализ литературы по истории вопроса позволяет заключить, что исследователи искали связь между звуком и смыслом, существующую во всех языках, они искали в звуке глубокие психологические символы, связывающие язык и мышление, и обнаружили такую связь, а исследования последних лет говорят о том, фонетический уровень языка обладает значительным потенциалом для экспликации характеристик глубинных процессов функционирования лексикона.

Список литературы

1. Воронин С.В. Основы фоносемантики – Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. – 244 с.
2. Даминава Р.А. Ассоциативная структура значения и фонетическая значимость слова: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2010.- 200с.
3. Ефименко Н.В. Ассоциативная структура цветового значения слова и текста: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2011.- 208с.
4. Журавлев А.П. Фонетическое значение. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. – 160 с.
5. Кочетова Г.Р. Ассоциативная цветность как проявление внутренней формы вербальной модели: автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Ижевск: Удмуртск. гос. ун-т, 2014.- 23с.
6. Михалёв А.Б. Теория фоносемантического поля [Текст] / А.Б.Михалёв. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 1995. – 213с.
7. Прокофьева Л.П. Звуко-цветовая ассоциативность в языковом сознании и художественном тексте: универсальный, национальный, индивидуальный аспекты: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Саратов, 2009. – 48с.
8. Прокофьева Л.П. Звуко-цветовая ассоциативность: универсальное, национальное, индивидуальное. Саратов: Изд-во Саратовск. мед. ун-та, 2007. 280 с
9. Рогожникова Т.М. Психолингвистический подход к изучению суггестивных ресурсов вербальных моделей // Теория языка и межкультурная коммуникация. Научный журнал Курск: 2018 № 1 (28) [Электронный ресурс].URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/028-013.pdf> (дата обращения – 10.10.2018).
10. Рогожникова Т.М. Суггестивность вербальных моделей в психолингвистическом контексте// Теория языка и межкультурная коммуникация. Научный журнал Курск: 2018 № 1 (28) [Электронный ресурс]. URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/028-014.pdf> (дата обращения – 10.10.2018).
11. Флакман М.А. Диахроническое развитие звукоизобразительной лексики английского языка: дис. ... канд. филол. наук. СПб.,2015. 508с.
12. С.С. Шляхова Звуковой символизм в коми-пермяцком языке: фонестема, морфема, слово. Статья третья // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. - 2016. - Т. 26, Вып. 2. - С. 143-152.
13. С.С. Шляхова Звуко-графемно-цветовая ассоциативность согласных в коми-пермяцком языке. Статья вторая. Обсуждение эксперимента // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. - 2015. - Вып. 2(30). - С. 5-15.

10.02.00

¹Л.М. Дзуганова канд. филол. наук, ¹З.О. Доткулова,
²Ф.М. Ордокова канд. филол. наук, ³А.Г. Хамурзова канд. педагог. наук

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова,
Институт истории, филологии и средств массовой информации,

¹кафедра иностранных языков,

³кафедра немецкой и романской филологии,

²Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет

им. В.М. Кокова (КБГАУ), кафедра иностранных языков,

Нальчик, dzuganoval@mail.ru, zalina-dotkulova@mail.ru, ofatima@yandex.ru,
amina. Khamurzova@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФЕНОМЕНА «РОДИНА» В АДЫГСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

В статье выявляются особенности отражения универсального лингвоконцепта «родина» в адыгском языковом сознании, являющегося сегментом языковой картины мира адыгов на примере лексемы хэку, входящей в синонимический ряд слов со значением «родина». Рассматривается лексико-семантическая организация лексемы и ее производных на основе оппозиции «свой-чужой», ее функционирование в прагмокоммуникативном аспекте.

Ключевые слова: лингвокультурология, концепт, структура концепта, семантика слова.

Одной из ключевых категорий современной лингвистической парадигмы является концепт, основными признаками которого является его функционирование в сознании, прежде всего этническом, его обусловленность средой его формирования и развития, т.е. лингвокультурой, к которой он относится, характером его вербального оформления. Концепт представляет собой сложную зональную структуру, состоящую из ядра, ядерной зоны и периферии. Для каждой зоны характерны свои признаки – от рекуррентных, основных (ядро и ядерная зона) до низкочастотных и окказиональных, располагающихся на его периферии. Подобный подход к пониманию концепта позволяет рассматривать его как инвариантный понятийный феномен, получающий свою языковую интерпретацию в многочисленных вариантах, обусловленных различными экстралингвистическими факторами: половозрастными, историческими, территориальными, индивидуальными, профессиональными, социальными и т.д. Таким образом, как известно, под лингвоконцептом понимается трехкомпонентное образование, в котором выделяются его понятийная, предметно-образная и ценностная составляющие [4]. Ценностная составляющая концепта является определяющей для выделения концепта, поскольку она актуализирует идиоэтническое восприятие, вербализируемое языком. Культурно-этический компонент концептов, отражающих национальную языковую картину мира, рассматривается как один из самых существенных, так как в нем концентрируются специфические ценностные приоритеты соответствующих лингвокультур. Ценностные приоритеты трансформируют лингвокультурные концепты в лингвокультурные доминанты или этноконцепты. Этноконцепты несут в себе помимо черт универсальности специфику национального восприятия и миропонимания. Этноконцепт – это общее, максимально абстрагированное, но в то же время репрезентируемое языком образование в совокупности всех своих валидных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью [1, с.9]. Поэтому лингвокультурный этноконцепт покрывает определенный сегмент национальной языковой картины мира, формируя при этом определенную концептосферу. Языковая картина мира складывается из всей совокупности индивидуальных, групповых, классовых, национальных и универсальных концептов, то есть, концептов, имеющих общечеловеческую ценность. Концепт «родина» традиционно относят к числу универсальных, наряду с такими базовыми концептами как семья, свобода, любовь, вера, дружба, на основе которых формируются

национальные культурные ценности [2]. Слова, вербализирующие данный концепт, и ранее были объектом научного исследования. В качестве примера можно привести лексический анализ синонимического ряда *родина, отчизна, отечество* академика В.В. Виноградова [3].

Концепты-универсалии при всей своей лексической вариативности обладают понятийной и языковой спецификой, отражающей национальное восприятие народа-носителя определенного языка.

Актуальность исследования определяется, во-первых, неослабевающим научным интересом к проблеме взаимодействия языка, мышления и сознания, связи языка и культуры, во-вторых, тем фактом, что исследование этноконцепта «родина», как ключевого для любой изучаемой лингвокультуры, особенно значимо в эпоху глобализации, в ходе которой происходит процесс переоценки всей шкалы ценностей, выражающихся аксиологическими универсальными понятиями, к которым относится «Родина», сопровождающихся сменой национальных стереотипов, влияющих на формирование нового мышления, способствующих созданию новой картины мира.

Целью исследования является описание структуры, содержания и этнокультурного своеобразия этноконцепта «родина», а также способов репрезентации данного концепта в кабардино-черкесском языке; выявление особенностей отражения концепта «родина» в адыгской языковой картине мира (ЯКМ), определение культурно-специфических характеристик исследуемого концепта в языковом сознании адыгов. Обращение к анализу данного концепта обусловлено общим задачами лингвокультурологии и концептологии в частности, одной из которых является выявление и исследование основных сущностных смыслов, формирующих основу лексического фонда любого языка, что, в свою очередь, отражает неослабевающий научный интерес к проблемам этноментальности и этнического языкового сознания, культурной самобытности и идентичности человеческого коллектива.

Эмпирическим материалом исследования служат языковые единицы, извлеченные из лексикографических источников, фразеологических словарей и сборников пословиц и поговорок (всего более 55 единиц). Выбор экспериментального материала обусловлен тем фактом, что фразеологические и паремиологические единицы, как известно, являются самыми «культуроносными». Лексика, и в особенности фразеология и паремиология, играют исключительно важную роль в отражении концептов, так как это – та часть этнического мира, которая позволит наиболее адекватно выявить универсальное и уникальное в языковой репрезентации различных концептов. Следует отметить особую роль паремиологических единиц языка в реконструкции языковой картины мира, так как они отражают исторический опыт народа, а применительно к ключевым концептам дают информацию о тех знаниях, которыми располагает культура относительно стоящих за ними фрагментов «невидимого мира».

Исходя из полученных данных лексикографической представленности концепта «родина» на материале адыгских словарей, был выявлен корпус адыгских языковых единиц, вербализующих концепт «родина» и определен их статус в лексическом, фразеологическом и паремиологическом фонде кабардино-черкесского языка; разработаны семантические классификации языковых единиц (семантические группы), характеризующиеся широким спектром смыслов, отражающих национальную специфику миропонимания в кабардино-черкесском языке, соотношение универсального и уникального в процессе категоризации и концептуализации мира в адыгской лингвокультуре.

Лингвоконцепт «родина» репрезентируется синонимическим рядом лексем: *Хэку/ родина, Хэгъэгъу/ край, страна, ХанIэ / усадьба, край, родина, Хэкуэгъу / земляк, соотечественник, Зэхэкуэгъу/ соотечественник, земляк, Хэкужъ/ родина, щальхуа Хэку/ родина, ЩIыналъэ/ край, земля, территория, ЩIыналэ/ местность*. Таким образом, следует сказать, что концептосфера «родина» в кабардино-черкесском языке представлена широким спектром лексических единиц, находящихся в различных отношениях – смысловых и деривационных. По нашему мнению, в качестве доминантной лексемы, номинирующей исследуемый концепт в адыгской лингвокультуре, выступает *Хэку /родина*, анализ которой является целью данной

статьи, так как ее рамки не позволяют остановиться подробнее на всех единицах синонимического ряда, репрезентирующих исследуемое понятие. При этом мы отчетливо осознаем, что все приведенные синонимы, отражающие искомый концепт, обладают семантическими признаками, уточняющими и расширяющими наше представление о роли и месте понятия «родина» в адыгской картине мира.

Анализ словарных дефиниций позволил сделать вывод о том, что в содержательной структуре лексемы *Хэку* (родина) выделяются следующие компоненты, характеризующие его ценность для носителей адыгской культуры: 1. родина - страна, государство; 2. родина - край отцов; 3. родина - край, округ, территория. Например: *Хэку: 1.лъэккъ, къэралыгъуэ гуэрэм ей, егъэщӀылӀа хэгъэгъу/ страна, государство [6, с. 683]. 2.ущальхуа лӀахэ, хэгъэгъу/ родина, отечество. Адыгэ хэку [6, с.683]. Хэкум емыкӀур къылысмэ, псэр умылӀытэу къыщыж./ Защищи родину, не щадя жизни, если она в опасности (ПашӀэ Бэчмырзэ, Бекмурза Пачев) [6, с. 683].*

Хэку как корневая, производящая основа присутствует в ряде мотивированных производных слов, сохраняющих внутреннюю форму.

Хэкуэгъу, зэхэкуэгъу/ земляк, соотечественник: 1. Зы хэкум щыщ, зы хэкум къыкӀа, зи хэку зы / соотечественники [6, с.683]. Зы щӀыпӀэм щыщ, зы щӀыпӀэм щальхуа/ букв.: «рожденные на одной родине», земляки [6, с.683] / Зэхэкуэгъухэр зэхуэзэжащ. / Земляки встретились [6,с.251].

Хэкугъуэ /страна, государство/ лъэккъ, къэралыгъуэ гуэрэм ей, егъэщӀылӀа щӀыналӀэ / букв.:«местность, принадлежащая какому-либо государству». ЩӀалэр гъуэгъурыкӀуэрэ хэкугъуихыр зэпичащ./букв.: Странствуя, парень пересек несколько государств [6, с. 683]

Хэкужъ/ 1.Ущальхуа лӀахэ/ родина/ Хэкужъ джэду гъуащэркъым /Даже кошке родину легко узнать/ посл. Хэмэ хэку сыщытхэ нэхэрэ си хэкужъ сыщылӀэ/ букв.: «Лучше умереть на родной земле, чем на чужбине жить припеваючи»[6,с.683] 2.ЩӀыналӀэ ябгынэжа./ заброшенная, покинутая территория./ Хабзэжъ хэкужъ иранэркъым./ букв.: «старые обычаи на родине не оставляют», т.е. не отказывайся от традиций предков, где бы ты ни был» [6,с.683]

Хэкурыс (уст. сл.) / хэкум щыпсэухэм ящыщ цӀыху/ Житель страны. / Хэкурыс псоми уайфӀэкӀыу упсэу (фольклор) / букв.: «желаю жить лучше всех жителей страны» [6 с.683].

ЩӀыльэ/ земля, суша- Анэ - щальхуа Хэку / букв.: «место рождения», Родина. / Къэбэрдейр адыгэхэм я щӀыльэ анэщ / Кабарда - родина адыгов [6, с. 817].

Хэку, кудей/ край, округ, например: Уэлэхьы, хьэщӀэ, мыбы зэрыжилэмкӀэ, ди щӀыпӀэр жэнтэ жыхуаӀэр арамэ! / букв.: Уей, гость, по его словам, наша земля и есть рай! [6 с. 816].

Ярче всего семантика лексемы *Хэку* в значении «родина» проявляется в оппозиции «свой – чужой», являющейся универсальной схемой для известных лингвокультур, иллюстрирующей духовный универсум носителей адыгской идентичности – «образа своего мира», родной земли и противопоставляемого ему образа неизвестного пространства (антонимы понятия «родина»: чужая сторона, чужбина). Концепт *ХамэщӀ* (букв.: «чужая земля») реализует больше отрицательную, нежели положительную коннотацию.

ХамэщӀ– ущамылӀхуа, нэгъуэщӀхэм яй щӀыпӀэ / чужбина[6,с. 677].

ХамэщӀ щыпсэун. /Жить на чужбине[6, 677].

Хамэ - Уи мылӀыхьы, уимылагъэ / чужак[6,с.677].

Устойчивые словосочетания кабардино-черкесского языка наглядно демонстрируют самооценку родины, любовь, верность родине, ее обычаям и устоям в противовес чужой стране, чужим обычаям, чужбине.

Хэти езым и хэкур фӀыуэ елӀэгъуж /букв.: «каждый любит свою родину. НэгъуэщӀым ей, нэгъуэщӀым бгъэдэлъ, хамэ къэрал, Хэку хамэ бын / чужой, принадлежащий чужому, чужбина. Хамэ ущие тхьэмахуэщ, хабзэ хьэху махуищ. /Чужие советы на неделю, обычаи и традиции других на три дня [5, с.266].

Хэхэс – нэгъуэщӀ щӀыпӀэ, хамэщӀ къыкӀауэ псэу цӀыху, къыщальхуам щымыпсэууэ

нэгъуэцI цIыпIэ цыпсэу / иногородний, пришелец, живущий в другой стране. Ди къуажэм хэхэсу цIыху куэд цопсэу. / В нашем селе много иногородних жителей [6, с. 690] .

Прагмакогнитивный анализ устойчивых словосочетаний с компонентом «родина» выявляет их специфику в коммуникативном аспекте. Идентичность человека в адыгской картине мира детерминируется его преданностью родине, его желанием жить и умереть на родине. Следующие коммуникативные высказывания имеют явный прескрипционный, назидательный характер.

КъызэрыкIа гъуэм йохъэж/ букв.: Кто, откуда пришел, тот туда и возвращается. Родина тянет [5, с.144].

И хэкужъ цыцIалъхъэжын /быть похороненным в родном краю. ТхакIуэ цIэрыIуэр цIэхъуэпст и хэкужъ цыцIалъхъэжыну/ Великий писатель мечтал быть похороненным в родном краю [6, с.683].

Хамэ хэку сыцыхъэ нэхъ, си хэкужъ сыцылIэ /букв.: «лучше умереть в родном краю, чем жить в роскоши на чужбине [6, с.683].

Уи мыхэцIапIэр цIапIэ пцIыну ухэмыт/ Не устраивай пристанища на чужбине; например: Адэм къуэр цежъэм жриIац: «Уи мыхэцIапIэр цIапIэ пцIыну ухэмыт, унэм къекIуэлIэж.» / Отец сказал в напутствие сыну «не устраивай пристанища на чужбине, а возвращайся домой» [6, с.677].

Чужая земля, какой бы привлекательной не была, никогда не станет родиной. Хамэ цIыпIэ фошыгъури дыджцI /букв.: «на чужбине и сахар горький» [5, с.266].

Измена родине или вынужденное изгнание рассматриваются как позор и несчастье. Хэкум епцIыжын / предать родину, изменить родине. Хэкур бгынэжын/ букв.: «совсем покинуть, оставить, забросить родину»; например: ЦIалэм и хэкур ибгынэжри хамэ къэралым кIуац/ Парень покинул родину и уехал в другую страну [6, 683]

Хэкур Iэ цIыб цIын / букв.: отвернуться от родины, покинуть её; например: ЩоджэцIыкIу Алий зи хэкур IэцIыб зыцIын хуей хъуахэм яцыц зыц / Али Шогенцуков один из тех, кто вынужден был покинуть свою родину [5, с.687] .

Проведенное исследование позволило сделать некоторые обобщения в виде следующих выводов. В синонимическом ряду единиц, передающих в кабардино-черкесском языке идею родной страны - «хэку», «хэкужъ», «хэкугъуэ», место лексической доминанты, безусловно, занимает лексема «хэку» как наиболее многозначная и наиболее частотная единица этого ряда. Исследование так же подтвердило, что важнейшим средством вербализации и концептуализации концепта «Родина» в адыгской лингвокультуре является паремиологический фонд, обладающий этнокультурным потенциалом и предстающий в качестве культурного кода. Именно в пословицах и поговорках наиболее точно фиксируются и воссоздаются важнейшие когнитивные признаки ценностного и образного компонентов концепта «родина». Концептосфера «родина» является одной из основных этических и социальных концептосфер, разделяющих адыгский мир на два блока – «свой-чужой».

Список литературы

1. Бабитова Л.А. Английские и кабардино-черкесские пословицы и поговорки в прагмолингвокультурологическом аспекте. АКД. Махачкала, 2013. - 26 с.
2. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А.Д. Шмелева. – М.: Языки славянской культуры, 2001.- 288 с.
3. Воркачев С.Г. Слово «Родина значимостная составляющая лингвоконцепта»// Язык, коммуникация и социальная сфера. Вып. 4.–Воронеж ВГУ, 2006.- С. 26-36.
4. Карасик В.И. Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики. Сб. науч. трудов. – Волгоград, Перемена, 1999.-195 с.
5. Карданов Б.М. Кабардино-русский фразеологический словарь. Ок.5600 ед.-Нальчик: Эльбрус, 1968.- 342 с.
6. Словарь кабардино-черкесского языка: Адыгэбзэ псалъалъэ. Около 31000 слов/Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН – 1-е изд. – М.: Дигора, 1999.- 860 с.

10.02.19

Б.Н. Жантурина д-р филол. наук

Московский педагогический государственный университет (МПГУ),
институт иностранных языков,
кафедра грамматики английского языка,
Москва, uvaursi@inbox.ru

ДЕВИАНТНОСТЬ В ТЕКСТОВЫХ ПАРАДИГМАХ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

В статье рассматривается свойство девиантности как инструмент вариативности при переводе и как маркер отклонения в семантическом поле фрагмента и целого текста. Девиантность показана в 4 русских переводах исходного четверостишия Э. Дикинсон на примере анализа текстовых парадигм (логических и перцептивно-оценочных) на ценностно-ориентированной и сенсорной лексике.

Ключевые слова: *девиантность, вариативность, логическая парадигма, перцептивно-оценочная парадигма.*

Переводческие задачи стихотворного перевода традиционно продиктованы особой логикой реализации языковых механизмов в текстах исходного и переводящего языков, взаимодействием языковых и просодических систем в поэтическом языке.

Исходный стихотворный текст и стратегии переводческих выборов не просто подключены к динамике преобразования исходного языкового материала: на платформе феномена автореферентности поэтического языка они выводят нас из поля герметически замкнутой текстовой системы в область подвижного межъязыкового интердискурса, в концептуальное пространство языка мысли. Как следствие, полагается, что вариативность перевода и множественность текстов перевода не может быть нарушением герметично закрытой структуры исходного текста, а, скорее, является единственной нормой и реальностью переводческой практики.

Инструментом вариативности при переводе, очевидно, следует считать свойство девиантности, характер и степень отклонения при интерпретации стихотворного произведения на языке-источнике. Перевод, при этом, несомненно, трактуется как производство нового смысла при условии целостности текста ИЯ в тексте ПЯ, поэтому несовпадение авторской и переводческой проекции и разные модели текстообразования проявляются во множественности вариантов перевода и свойстве девиантности.

Лингвистика текста изначально признавала две модели порождения смысла в тексте: вертикальная модель в виде иерархических кластеров и горизонтальная модель в виде линейной последовательности. Вертикальная модель текста включает в себя цепочечные микроструктуры, интегрируя некоторые общие свойства макроструктуры; «некоторый исходный текст, который не полностью и не единообразно проявляется в реальном тексте»[6.с.85]. В качестве примера глобальной суперсегментной «затекстовой» структуры Т.М.Николаева приводит «петербургский текст» в хронотопе «петербургских произведений» Гоголя, Достоевского, Блока, Белого. Двойной семиозис, при этом, сопровождается образованием двух уникальных текстовых структур по вертикали и горизонтали текста. По мнению, высказанному Ю. Кристевой, семиозис распадается на две «сцены» означивания: на сцену линейной последовательности по горизонтали в реальных текстовых отношениях и на сцену вертикальных отношений, «... о которых язык репрезентации и коммуникации не говорит, даже если и маркирует их»[5.с.10].

Согласно Л.О. Чернейко[7], семантическое пространство текста может быть описано в текстовых парадигмах, состоящих из логических парадигм и перцептивно-оценочных парадигм. Вертикальные текстовые парадигмы проявляются, прежде всего, в логике

организации смысла в виде, например, гипер-гипонимических зависимостей, моделирующих тему по «строгому» объективному семантическому основанию. Порождающая структура перцептивно-оценочных парадигм также ориентирована по вертикали, но, на первый взгляд, напротив, слабо организована и иррациональна, так как обусловлена человеческим восприятием мира в процессе познания через органы чувств, характеризуя индивидуальное сознание субъекта восприятия и познания / перцептора. «Перцепция» как термин когнитивной науки имеет более широкий и глубокий смысл, чем традиционный термин «восприятие»; в нём акцентировано представление о восприятии, сопровождающемся пониманием, когницией и оценкой воспринимаемого по субъективному прагматическому основанию[2].

Узлы перцептивных парадигм обнаруживаются в «сенсорных словах»[4] (субстантивах, глаголах и прилагательных), в значении которых присутствуют зоны перцепции; а центры – в эмоционально-оценочной, ценностно-ориентированной лексике.

Рассмотрим текстовые парадигмы в «теле» первого четверостишия из стихотворения Эмили Дикинсон “*The Sky is low – the Clouds are mean*”.

*The Sky is low – the Clouds are mean,
A Travelling Flake of Snow
Across a Barn or through a Rut
Debates if it will go* – [3, с.57].

Поле зрения в исходном тексте обозначено через номинации *sky* небо, *clouds* облака, а *flake of snow* снежинка, *barn* сарай, *rut* колея в актах зрительного восприятия: движение снежинки с неба из туч на сарай и в колею. По горизонтали текста всего стиха определена вершина логической парадигмы *nature* природа; в вертикали текста стиха узлы логической парадигмы совпадают с узлами перцептивной парадигмы.

Центр перцептивной парадигмы, на наш взгляд, сосредоточен в признаковой лексеме *mean*, смысл которой сочетает в себе языковое и психологическое значения, совмещая вербальную и визуальную реальность знака. Прилагательное *mean* в норме характеризует «врождённые» свойства и оценку человека; отрицательная оценка выводится путём суждения из опыта наблюдения: *a mean rascal* подлый негодяй, *a mean trick* низкий поступок, *mean revenge* подлая месть, *a mean-minded sort of fellow* злобный и порочный человек.

Анализ 4 переводных вариантов на русский язык показывает, что *the mean clouds* семантизируется переводчиками по-разному, сохраняя вектор ценностной составляющей исходного перцептивного ядра:

Перевод В. Марковой (ПТ 1)
*Небо низменно – Туча жадна
Мерзлые хлопья – на марше –
Через сарай – поперек колеи –
Спорят куда же дальше.*

Перевод Т. Казаковой (ПТ 3)
*На Небе – нищевродство туч.
Как будто сиротинка,
Не знает, куда ей ляжет путь,
И мечется снежинка.*

Перевод Э. Линецкой (ПТ 2)
*Нависло небо, Тучи хмуры
И, съездившись в комок,
Не знает Снег, скользнуть ли в желоб,
Присесть ли на конек.*

Перевод В. Авсияна (ПТ 4)
*Уныло небо, низки облака.
И хлопья снега спорят -
На дом лететь или на Пруд,
Где им растаять вскоре.*

В трёх вариантах перевода четверостишия, у В. Марковой (ПТ 1) *небо низменно – Туча жадна*, у Э. Линецкой (ПТ 2) *нависло Небо, Тучи хмуры*, у Т. Казаковой (ПТ 3) *на небе – нищевродство туч*[3.с.58], доминантой эквивалентной передачи становится отрицательный контур исходного значения при семантическом развитии «врождённого» смысла *mean*; в ПТ 4 у В. Авсияна *уныло Небо, низки тучи*[1.с.193] появляется параметрический смысл, не свойственный исходному значению, и возможно, приобретённый при переподчинении предикатов: *небо – тучи* обмениваются признаками в тесном стихотворном ряду.

В этих блестящих вариантах перевода свойство девиантности проявляется в расширении перцептивно-оценочной парадигмы ИТ, в котором изначально присутствует 1 пейоратив

театр. В переводных вариантах количество оценочных лексем значительно больше: в ПТ 1 – 6 пейоративов *низменно, жадна, мерзлые, мелочный, плачется, нелюдимый* и 1 мелиоратив *праздничная*; в ПТ 2 – 4 пейоратива *хмурый, ноет, нудно, затрапеза*, в ПТ 3 – 5 пейоративов *нищесбродство, сиротинка, мечется, ноет, жалобный*, в ПТ 4 – 3 пейоратива *уныло, низки, плачет*.

Свойство девиантности в логических парадигмах четырёх переводов на русский язык характеризуется изменением ряда визуально доступных денотатов и их сенсорных имён как следствия изменения перцептивно-оценочной парадигмы. Отклонения привязаны к трансформациям при опущениях, добавлениях и семантическом развитии. В ПТ 1 – *мерзлые хлопья на марше спорят, куда же дальше*; в ПТ 2 – *съежившись в комок, скользнуть ли в желоб, присесть ли на конек*; в ПТ 3 – *как будто сиротинка мечется снежинка*; в ПТ 4 – *дом, пруд, где им растаять вскоре*.

Таким образом, можно полагать, что свойство девиантности как инструмента вариативности при переводе обусловлено варьированием исходных текстовых парадигм в семантическом поле одного и того же «тела» текста.

Список литературы

1. Дикинсон Э. Избранница в белом. Стихотворения / Пер. с англ. Л.Вагуриной и В. Авсияна. М.: Издательский дом «Звонница-МГ», 2017.
2. Жантурина Б.Н. Метафоры на основе перцептивного компонента. М.: ПрессМедиа, 2012.
3. Казакова Т.А. Imagery in Translation. Практикум по художественному переводу / Учебное пособие. На английском языке. Ростов н/Дону: «Феникс», СПб. : «Союз», 2004.
4. Кошелев А.Д. О когнитивном языке мысли и его использовании для описания языковых значений и визуальных событий // Репрезентация событий: интегрированный подход с позиции когнитивных наук / Отв. ред. В.И. Заботкина. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. – СС.64 – 78.
5. Кристева Ю. Семиотика: Исследования по семанализу. – М.: Академический проект, 2013.
6. Николаева Т.М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М.: «Прогресс», 1978. – СС. 5 – 39.
7. Чернейко Л.О. Как рождается смысл: Смысловая структура художественного текста и лингвистические принципы ее моделирования: учебное пособие по спецкурсу для студентов. М.: Гнозис, 2017.

10.02.00

Г.Х. Зиннатуллина канд. филол. наук

Казанский Национальный исследовательский технический университет
им. А.Н.Туполева – КАИ,
Казань, www.gulshatzin@bk.ru

АНТРОПОНИМЫ В СИСТЕМЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В данной статье антропонимы рассматриваются как одно из важнейших внутренних лингвистических средств текстообразования. Как показал анализ литературных текстов, художественный антропоним – важный функционально-семантический знак, который обладает смысло- и текстообразующими свойствами. Эти свойства ярко проявляются в индивидуализации и характеристике единичных объектов художественного пространства.

Ключевые слова: художественный текст, поэтические антропонимы, текстообразующая функция.

Анализ антропонимической системы художественных произведений позволяет констатировать факт, что при исследовании функций литературных антропонимов, прежде всего, необходимо учитывать все многообразие сложнейших взаимосвязей и отношений. Поэтому при трактовке основной идеи, цели создания произведения невозможно обойти стороной проблему предназначения, особенностей функционирования в тексте и антропонимов.

Имена собственные в художественном тексте способствуют идентификации того или иного персонажа. Именно благодаря антропонимам читатель соотносит героя с его именем и связывает его с определенной информацией, которая содержится в тексте. Другими словами, антропонимы способствуют созданию художественного образа.

В данной статье будут рассмотрены особенности введения персонажа и его имени в текст художественного произведения. Предметом исследования послужили тексты татарских классиков. Анализ интродукции (введения) названных категорий будет проводиться на примере текстовых ситуаций, предложенных Васильевой Н.В. [1]

1. Комплексная интродукция. В данном случае мы имеем дело с явлением, когда персонаж (Р) и его имя (N) вводятся в текст одновременно. В этой ситуации в тексте имеется указание на определенного героя, кратко освещаются какие-то его качества, одновременно с этим называется и его имя. В художественной литературе такой способ введения персонажа является довольно распространенным. Он позволяет сформировать у читателя первое содержательное представление о герое, «подготавливает» его сознание к восприятию новой, дополнительной информации об этом персонаже. Причем, он может активно применяться и в случае введения главного и эпизодического персонажа. Рассмотрим пример комплексной интродукции, связанный с введением главного персонажа романа Ф. Хусни «Утызынчы ел» («Тридцатый год»): «Әле күптән түгел генә бу Әтәчле авылына уку өе мәдире итеп жибәрелгән Котдус Вафин янына кереп караучы булмый, ялгыздан-ялгыз утырып тамам аптыраган Вафин борынын салындырып өенә кайтып китә» (Не было ни одного посетителя. Недавно назначенный заведующим читальной избы села Петушки Кутдус Вафин, устав от одиночества, повесив нос, отправился домой) [3, с. 237]. Как видно из приведенного отрывка, наряду с именем персонажа (причем, это номинация, представленная именем и фамилией) дается и первоначальная, довольно развернутая информация о герое.

В следующем примере того же автора используется такой же прием интродукции, но в текст повествования вводится второстепенный персонаж: «Фатир хуҗам Хәтирә апа мине генә йөдәтеп калмаган, күрәсең, мәктәп администрациясенең дә бусагасын таптаган, колхоз идарәсендә дә булгалаган» (Моя хозяйка квартиры Хатира апа, по всей видимости, протоптала тропинку и в школьную администрацию, не раз побывала и в управлении колхоза) [3, с. 205].

2. Ономастическая антиципация. При таком способе интродукции сначала вводится имя, потом сам персонаж. Необходимо отметить, что этот способ способствует появлению у читателя чувства ожидания чего-то нового, некоторого напряжения, возбуждению повышенного внимания. «Кечкенэ тактага:

Бөөк Ватан сугышы көннәрендә, фашист варварларына каршы батырларча сугышып, берничә жәрәхәт алган, курку һәм хыянәт белмәс АЙДАР КОРБАНОВ күмелде монда. Тыныч йокла, солдат!»

(На маленькой дощечке было написано: здесь похоронен Айдар Курбанов, в годы Великой Отечественной войны героически воевавший против фашистских варваров, получивший несколько ранений, не знавший страха и измены. Спи спокойно, солдат!) [3, с.131]. Приведенный пример позволяет проследить, что в произведении Ф. Хусни создается некая интрига, связанная с первоначальным введением только имени и фамилии главного героя. А остальная информация о герое: кто он, откуда, в чем проявился его героизм, что его связывает с рассказчиком, раскрывается намного позже. Таким образом, имя собственное, употребляемое в препозиции, может нести в себе дополнительную логическую нагрузку.

3. Ономастическая ретардация. Этот способ является противоположным предыдущему, и представляет собой первоочередное введение персонажа и только потом – его имени. Однако он также представляет собой своеобразный способ привлечения внимания читателя к данному персонажу. Такой авторский прием, когда имя персонажей вводится немного позже информации о них, встречается в повести М. Амира «Жан көеге» («Рана сердца»). В начале повести автор «знакомит» читателя с главной героиней, ее свекровью, раскрывает их теплые взаимоотношения, общие переживания, беспокойство о судьбе ушедшего на войну Камаретдина. Автор так и называет их – «килен» (невестка), «каенана» (свекровь): «*Килен белән каенана үзара берни дә сөйләшмиләр, һәркайсы, бу шомлы авазларның йөгәнсез эңил шукуллыгы икәнән аңлап, үзләрен тыныч тотарга тырышалар иде*» (Невестка и свекровь не говорили ни о чем. Каждая пыталась сохранять спокойствие, понимая, что эти устрашающие звуки – лишь выходки неуправляемого ветра) [4, с.5]. А имена героинь читатель узнает позже. Имя невестки вводится в текст посредством прямой речи: «*Каенананың аңа теләктәшлек күрсәтеп берәр жылы сүз әйтәсе килде, ахрысы:*

– *Бигрәк каты явамыни, Хатирә кызым? – дип куйды*» (Свекрови, наверное, хотелось выразить свою поддержку, сказать ей что-то теплое:

– Что, дочка Хатира, так сильно льет, да? – произнесла она [4, с. 6]. А имя свекрови мы узнаем только в пятой главе, уточнение вводит сам автор: «*Мондый акылсызлык эшләве белән ана күңелен бик каты рәнжәтсә дә, Сабира (Камаретдиннең әнисе) улына карата рәхимсез була алмады*» (Несмотря на то, что беспечность сына сильно ранила душу матери, Сабира (мать Камаретдина) не смогла проявить к нему жестокость) [4, с. 22].

4. Упоминание имени – вводится имя и не вводится персонаж. При таком способе интродукции носитель имени не является участником событий, описываемых в тексте. Другими словами, в этом случае мы сталкиваемся с введением в текст прецедентных антропонимов, которые способны употребляться и без информации идентификаторов. Можно привести следующие случаи подобной интродукции из творчества А.Еники:

– имена, употребляемые в качестве отсылки к чужой речи: «*Сөт калыр, Ватан китәр!*» – *дигән ич Дәрдмәнд тә*» (И Дардменд говорил: “Родина уйдет, а молоко останется”). [2, с. 476].

– в сравнениях: «*Рәшә*» *язылганнан соң биш-ун ел да узмагандыр, Зөфәр ише «типик» булмаган кешеләр безнең жәмгыятьтә, яңгыр артыннан калыккан гөмбәләр шикелле, берьюлы ишәеп киттеләр*» (Не прошло и пяти-десяти лет со времени написания “Марева”, в нашем обществе, словно грибы после дождя, резко увеличилось число “нетипичных” людей, как Зуфар) [2, с. 462].

5. Безымянность – случай, когда в произведении не называется имя героя. Как правило, безымянность бывает связана с действием в тексте второстепенных персонажей. Наш анализ произведений позволил констатировать тот факт, что безымянными могут быть и герои,

которые непосредственно участвуют в описываемых событиях, более того, даже главные герои могут действовать без имени. Такой прием встречается в двух рассказах А. Еники: «Кем жырлады?» («Кто пел?») и «Бала» («Дитя»). В первом рассказе читатель «не узнает» имени главного героя – молодого лейтенанта, погибающего от тяжелого ранения по пути в тыл, в вагоне санитарного поезда. Автор использует в данном случае довольно парадоксальный прием. Несмотря на то, что в произведении раскрывается внутренний мир молодого бойца, воссоздаются картины из его воспоминаний, изображаются его страдания, т.е. создается полный художественный образ, герой остается безымянным. Однако вводится имя второй героини произведения (героев в рассказе только два) – Тахира. Парадокс заключается в том, что художественный образ этой героини не раскрывается в тексте, в произведении фигурирует только ее песня, которая является ключом к раскрытию внутреннего мира раненного лейтенанта, одновременно являясь для него и символом родной земли. Приведем отрывок из рассказа: *“Әллә шул чакта, әллә чак кына соңрак, егетнең колагына каяндыр жыр ишетелде... Йа Хода, аның Таһирәсе жырлы тугелме соң? Шул ич, шул, Таһирә тавышы! Егет, өне катып, тынып калды... Егет, үзен белештермичә, яткан жиреннән кинәт бер омтылып куйды... Әмма егет һушыннан язмады, дәрәсрәге, һичкемне сизмәс булса да, жырны ишетүдән туктамады”* (Или в этот момент, или немного позже, парень услышал песню, доносившуюся откуда-то... О, господи, неужели это поет его Тахира? Да, это он, ее голос, голос Тахиры. Парень, замер, затих... Парень, ничего не осознавая, вдруг приподнялся с места.... Но парень не потерял сознания, точнее, несмотря на то, что ничего не чувствовал, не переставал слышать песню) [2, с.116].

На наш взгляд, автор использует прием безымянности, т.е. не вводит имя героя в текст произведения по той причине, что образ данного героя – это типичный образ солдата, вобравший в себя образ миллионов таких же солдат, независимо от их национальности, возраста, героизма и т.д. Автору хотелось показать, что за каждой безымянной могилой, безымянным солдатом, павшим в бою за родину, стоит целый мир, который вмещает в себя отчизну, близких, любимых, работу, несбывшиеся мечты.

Таким образом, на примере пяти способов интродукции (введения) имени и персонажа в художественное пространство литературного текста проявляется мастерство писателя, которое раскрывается в многообразии приемов, специфических особенностях подачи, представления героя читателю.

Список литературы

1. Васильева Н.В. Собственное имя в мире текста. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 224 с.
2. Еники Ә. Әсәрләр, 5 томда, 1 том. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2000. – 447 б.
3. Хәсни Ф. Сайланма әсәрләр. – Казан: «Хәтер» нәшрияты, 2002. – 447 б.
4. Әмир М. Безнең авыл кешесе: повестьлар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2007. – 511 б.

10.02.19

**Е.Е. Ласкина канд. педагог. наук, С.Е. Марченко канд. социол. наук,
О.Б. Мойсова канд. филол. наук**

Донской Государственный Технический Университет,
Ростов-на-Дону, laskina18@yandex.ru, sweta-marchenko@mail.ru, olga-moisova@yandex.ru

АНАЛИЗ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АББРЕВИАТУР В ИНСТРУКЦИЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ БЫТОВЫХ ИНСТРУКЦИЙ ВЕКО)

Данная статья посвящена особенностям перевода аббревиатур в инструкциях. Эта работа будет интересна, в первую очередь, преподавателям, работающим в системе профессионального образования. А также студентам, переводчикам, специалистам, имеющим дело с научно-технической литературой.

Ключевые слова: терминология, аббревиатуры, акронимы, словообразование.

Сокращения и аббревиатуры представляют собой целую группу грамматических особенностей, изучением которых занимались как русские, так и зарубежные лингвисты. На сегодняшний день существует огромное количество работ, посвященных проблемам сокращенных лексических единиц. Одной из таких проблем является аббревиация и сокращение как специфическое явление в языке. Именно поэтому на протяжении многих десятилетий аббревиация становилась предметом исследования специалистов в области лингвистики. Известно, что аббревиатуры являются одной из самых трудных элементов специальных текстов. Для наилучшего понимания сокращений необходимо обладать отличным знанием предмета, которому посвящен изучаемый текст, и заранее ознакомиться с используемыми в тексте сокращениями и аббревиатурами[1].

Согласно Е.А. Дюжиковой, существует несколько функций аббревиатур в научно-технических текстах: номинативная (называние предмета или явления), когнитивная (сообщение информации), стилистическая (эмоциональный и экспрессивный контекст), прагматическая (аббревиатуры выполняют роль заместителей или маркеров) и экспрессивная (языковая игра). Анализ научно-технических инструкций демонстрирует следующие результаты: во-первых, большинство аббревиатур выполняют номинативную и когнитивную функцию, и во-вторых, в результате выборки не были обнаружены сокращенные лексические единицы, выполняющий стилистическую и экспрессивную функции[4].

Оригинал:

2.1.2 *Technical data.*

This product conforms to the European directives 2004/108/EC, 2006/95/EC, 2009/125/EC and 2011/65/EU.

Power supply: 230 V~, 50 Hz

Power: 2200 W

Перевод:

2.1.2 *Технические данные.*

Данное устройство соответствует европейским директивам 2004/108 /EC, 2006/95 / EC, 2009/125 / EC и 2011/65 / EU.

Питание: 230 В ~, 50 Гц

Мощность: 2200 Вт

В данном предложении есть несколько сокращений и аббревиатур, которые мы подробнее рассмотрим ниже.

Первой из них является аббревиатура *EU (European Union)*, означающая Европейский союз, которая сохраняет оригинальную форму, если находится в названии какой-либо директивы. Однако, в большинстве случаев *EU (European Union)* переводится на русский

язык эквивалентом «Европейский Союз», например, в публицистических и др. текстах. Данная аббревиатура относится к инициальной группе буквенного типа, т.е. читаемых как ряд букв. В данном случае перевод осуществлен путем заимствования иностранного сокращения и полным сохранением исходной формы, т.е. латинского написания аббревиатуры. Этот способ перевода является наиболее удобным в случае перевода названий директив. Данная аббревиатура выполняет номинативную функцию.

В данном примере также присутствуют сокращения графического типа, выполняющие когнитивную функцию, к которому относятся *Hz (Hertz)*, *V (Volt)* и *W (Watt)*. В русском языке каждому из сокращений соответствует существующий эквивалент:

1. *Hz (Hertz)* – герц;
2. *V (Volt)* – вольт;
3. *W (Watt)* – ватт.

Нельзя утверждать, что все аббревиатуры и сокращения графического типа переводятся путем использования эквивалентного русского сокращения. Однако, в данном случае такой способ перевода является наиболее предпочтительным. Как правило, единицы измерения имеют соответствующие эквиваленты в ПЯ, не требующие расшифровки или дополнительного объяснения, поскольку они известны и хорошо узнаваемы как специалистами, работающими в определенной сфере, так и обычными пользователями электронной бытовой техники, например. В своей статье «О способах перевода словосокращений и аббревиатур в текстах-инструкциях» Ефимова О.В. отмечает, что в технических инструкциях 30% образцов переведены с помощью использования эквивалентов [1].

В разделе «Техника безопасности» (Safety instructions) инструкции кондиционера BEKO (090, BDIN 091, BDIN 120, BDIN 121, BDIN 180, BDIN181, BDIN 240, BDIN 241) на странице 4 указаны характеристики внутреннего блока и его предохранителя, где также присутствуют единицы измерения.

Оригинал:

Fuse of indoor unit: T 3.15A 250 V.

For 7k~12k models, fuse of outdoor unit: T 15A 250 V or T 20A 250V.

For 14k~18K models, fuse of outdoor unit: T 20A 250 V.

For 21K~30k models, fuse of outdoor unit: T 30A 250 V.

Перевод:

Предохранитель внутреннего блока: T 3.15A 250 В.

Для моделей 7k ~ 12k, предохранитель наружного блока: T 15A 250 В или T 20A 250 В.

Для моделей 14k ~ 18K, предохранитель наружного блока: T 20A 250 В.

Для моделей 21K ~ 30k, предохранитель наружного блока: T 30A 250 В.

Согласно вышеописанному, сокращение *V (Volt)*, означающее вольт, относится к графическому типу аббревиатур, и переводится с помощью использования существующего в русском языке эквивалента «вольт» и выполняет когнитивную функцию.

Нужно отметить, что в изучаемых инструкциях существует множество сокращений и аббревиатур графического типа, но далеко не все переводятся вышеописанным способом (использование эквивалента в ПЯ). Например, в разделе «Указания по безопасности и охране окружающей среды» инструкции холодильника BEKO (ASD241B, ASD241S, ASD241X, ASD241W, ASL141B, ASL141S, ASL141W, ASL141X) на странице 3 мы рассмотрим графическое сокращение i.e.

Оригинал:

*This fridge/freezer must only be used for its intended purpose **i.e** the storing and freezing of edible foodstuff.*

Перевод:

*Холодильник / морозильник должен использоваться только по прямому назначению, **т.е.** хранить и замораживать съедобные пищевые продукты.*

Еще одной интересной для анализа аббревиатурой является аббревиатура *CFC / HFC substances*, расположенной в разделе «Указания по безопасности и охране окружающей среды» (Important instructions for safety and environment) на странице 3 в инструкции холодильника BEKO (ASD241B, ASD241S, ASD241X, ASD241W, ASL141B, ASL141S, ASL141W, ASL141X).

Оригинал:

*Do not dispose of the appliance on a fire. At Beko, the care and protection of our environment is an ongoing commitment. This appliance which is among the latest range introduced is particularly environment friendly. Your appliance contains non **CFC / HFC natural substances** in the cooling system (Called R600a) and in the insulation (Called cyclopentane) which are potentially flammable if exposed to fire. Therefore, take care not to damage, the cooling circuit / pipes of the appliance in transportation and in use. In case of damage do not expose the appliance to fire or potential ignition source and immediately ventilate the room where the appliance is situated.*

Перевод:

*Запрещается поджигать прибор. Неизменной приверженностью компании Веко являются забота и защита окружающей среды. Данный прибор, входящий в число последних новинок, является экологически безопасным. В системе охлаждения и теплозащиты (называемой циклопентаном) устройства используются легковоспламеняющиеся **вещества, не содержащие хлорфторуглеродов (ХФУ) / гидрофторуглеродов (ГФУ)** (называемые R600a). По этой причине необходимо минимизировать риск повреждения охлаждающей системы / трубы устройства при транспортировке и использовании. В случае повреждения не подвергайте устройство воздействию огня или потенциального источника воспламенения и немедленно проветрите помещение, в котором находится прибор.*

В оригинальном тексте инструкции не указана расшифровка аббревиатуры *CFC / HFC natural substances*, обозначающей вещества, не имеющие в своем составе хлорфторуглеродов (ХФУ) / гидрофторуглеродов (ГФУ).

CFC (Chlorofluorocarbons) – хлорфторуглерод (**ХФУ**).

HFC (Hydrochlorofluorocarbons) – гидрохлорфторуглерод (**ГФУ**).

Таким образом, проведенный анализ позволил нам сделать выводы о том, что тексты-инструкции представляют собой специфический образец письменной речи, в связи с чем здесь отмечаются определенные четко выраженные отличия от других стилей текстов при переводе сокращенных слов. В большинстве случаев аббревиатура заимствуется полностью, и пользователь должен обладать определенными знаниями в данной области, чтобы правильно и адекватно понимать инструкцию[2].

Наиболее предпочтительным способом перевода аббревиатур и сокращений на русский язык в текстах-инструкциях является заимствование иностранного сокращения с сохранением латинского написания, следующий наиболее употребляемый способ перевода – использование эквивалентного русского сокращения и перевод эквивалентной лексемой. Переводческий прием опущения и описательный перевод используются достаточно редко[3].

В процессе исследования был проведен статистический анализ текстов-инструкций, демонстрирующий следующее:

Большинство аббревиатур являлись аббревиатурами инициального типа (58%). Например, *AC* – переменный ток (*altering current*), *PC* – персональный компьютер / ПК (*personal computer*).

Второй наиболее употребляемой группой аббревиатур являлись усеченные слова (19%), к числу которых относится *fig* – рисунок (*figure*).

Следующие по частоте употребления – графические аббревиатуры (12%). Например, *i.e.* – *m.e.* (*idest*), *m* – *метр* (*meter*).

В ходе исследования мы зафиксировали довольно большое количество смешанных сокращений (6%), например, *FingerNav* – дистанционное управление (*finger navigation*).

Количество сложносокращенных слов (4%) почти равно количеству смешанных сокращений. К ним относится, например, *ammeter* (*amper+meter*) – *амперметр* (*ампер+метр*).

Последними по частоте употребления являются акронимы (1%), например, *www* – *всемирная паутина* (*world wide web*).

Список литературы

1. Айзенкок, С.М. Научно-технический перевод. / С.М. Айзенкок и др. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2003.
2. Англо-русский словарь сокращений по компьютерным технологиям, информатике, электронике и связи. – СПб.: БХВ-Петербург, 2009. – 800 с.
3. Волошин, Е.П. Аббревиатуры в лексической системе английского языка: Дисс.. канд.филол.наук / Е.П. Волошин.– М., 1966. – 277с.
4. Ясницкая, Е.С. Особенности перевода английской научно-технической литературы / Е.С. Ясницкая //Актуальные вопросы филологических наук: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2016 г.). – Казань: Бук, 2016. – С. 77-81.

10.02.20

И.В. Марзоева канд. филол. наук, Г.Р. Муллахметова канд. филол. наук

Казанский государственный энергетический университет,
кафедра «Иностранные языки»,
gulya032@yandex.ru, arigata@bk.ru

**СПОСОБЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СОБЕСЕДНИКА ПУТЕМ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
(НА МАТЕРИАЛЕ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ: АНГЛИЙСКИЙ,
ФРАНЦУЗСКИЙ, РУССКИЙ, ТАТАРСКИЙ)**

В статье представлены результаты сравнительно-типологического анализа функционирования фразеологических единиц в языках, принадлежащих различным языковым группам. В отличие от традиционного подхода, в работе делается акцент не на системном употреблении вышеуказанных единиц, а на их коммуникативно-прагматическом потенциале.

Ключевые слова: фразеологическая единица, аргументация, языковой афоризм, иллокутивный, перлокутивный.

Воздействие на мысли адресата считается главной задачей речевого акта и одним из способов речевого воздействия на слушателя является использование речевой устойчивой единицы, как отсылка к многовековому общенациональному опыту. Е.А. Добрыднева подчеркивает высокий коммуникативно-прагматический потенциал устойчивых единиц и отмечает, что последние «обладают способностью сигнализировать о ценностном отношении говорящего к познаваемому миру, о его эмоциональном состоянии и производить необходимый для реализации коммуникативного замысла прагматический эффект» [1].

Умение рассуждать аргументированно – признак культуры современного человека. Аргументация – это приведение доводов, или аргументов, с намерением вызвать или усилить поддержку другой стороны (аудитории) к выдвинутому положению. Вслед за В.Ф. Берковым будем понимать под аргументацией «не доказательство, а «коммуникативный процесс, служащий обоснованием» [2].

Теория аргументации исследует многообразные способы убеждения аудитории с помощью речевого воздействия. Она неотделима от проблем прагматики и когнитивной лингвистики. Множество публикаций были посвящены проблемам речевого общения и аргументации. Так, например, В.И. Карабан писал об аргументации просьб в директивах [3], важную роль вопросов в качественном аргументировании отмечал В.Ф. Берков [2], цитирование как способ аргументации изучал в своих работах С.С. Гусев [4].

Н. Ю. Фанян выделил три функциональных уровня фразеологических единиц (ФЕ) в вопросах аргументации: 1) ФЕ, имеющие базисную направленность, диспозиционно характеризующие аргументативное пространство; 2) ФЕ, передающие выполнение конкретной аргументативной стратегии; 3) ФЕ, как отдельно взятый аргумент (тезис) в процессе обоснования [5]. Исследователь подчеркивает, что аргументативная основа является общей для европейских ФЕ, в связи с чем «распределение фразеологизмов по аргументативно направленным функциональным уровням предполагает их сравнительно-сопоставительное описание в целях продуктивного использования в преподавании иностранного языка, развития аргументативной компетенции у учащихся, студентов» [5]. ФЕ обладают экспрессией, которая очень важна для успешной аргументации. Экспрессивность может быть связана с тремя факторами: 1) компонентный состав (наличие интенсификаторов внутри ФЕ (very, extremely, очень, крайне, чрезвычайно, très, extrêmement, бигрэк. искиткеч); 2) семантический фактор (ярко насыщенная образность ФЕ (беден, как церковная крыса;

краше в гроб кладут; cold as a fish; autant parler à un sourd); 3) экстралингвистический фактор (экспрессивностью ФЕ обязана некоему экстралингвистическому явлению) [6].

Под экспрессивной окрашенностью речи будем понимать ее способность передавать от адресата к получателю душевное волнение, переживания, чувства, оказывая тем самым на получателя определенное воздействие. На сегодняшний день абсолютное большинство исследователей-лингвистов сходятся во мнении, что не существует неэкспрессивной речи, так как любая речь потенциально способна оказывать определенное воздействие на сознание и поведение.

Успешным завершением диалога является согласие собеседника с доводами говорящего. «Согласие – одна из важнейших форм диалогических отношений» [1]. Речь собеседников – это орудия достижения согласия в диалоге. Основная задача любого диалога – заставить собеседника выслушать и понять то, в чем мы его убеждаем. Выделяют три вида речевого воздействия: 1) информирование, когда человек узнает о чем-то новом; 2) убеждение, когда человек начинает по-другому расценивать факты, известные ему ранее; 3) внушение, когда не сообщается что-либо новое, а лишь соответствующим образом расставляются акценты.

В. Г. Костомаров и Е. М. Верещагин пишут, что при использовании языковых афоризмов наблюдается двойственность: «Во-первых, благодаря афоризмам мысль говорящего выражается не только значительно точнее, но и более информативно, образно и – самое главное – значительно более эмоционально... Во-вторых, языковые афоризмы употребляются говорящим для подкрепления собственной мысли, для большей убедительности своих слов» [7].

Некоторые ФЕ, передающие эмоции говорящего (будь проклят; каргышым тошсен; чтоб ты сдох; *sois maudit*), тоже воздействуют на реципиента. У таких ФЕ отсутствует вышеупомянутые информирующая, убеждающая или внушающая составляющая. Но именно по таким высказываниям, слушающий может составить мнение о говорящем, понять, кому или чему дается такая эмоциональная характеристика.

Согласно концепции речевых актов Дж.Остина любое высказывание может характеризоваться иллокутивной и перлокутивной направленностью. Разница между последними заключается в степени воздействия на адресата высказывания. Если иллокутивный акт ограничивается предупреждением или приказом, то перлокутивный может включать угрозы, уговоры, убеждения, принуждения и т.д.[8]. ФЕ, обладающие не только иллокутивной, но и перлокутивной силой способны воздействовать на слушателей в зависимости от индивидуальных свойств психики, состояния, особенностей реагирования каждого конкретного человека.

Народные пословицы и поговорки, как средство манипулятивного воздействия на подсознание человека, стали предметом особого внимания в трудах, посвященных нейролингвистическому программированию (НЛП). По справедливому замечанию Г. Д. Сидорковой, пословицы и поговорки с семантикой утешения, подбадривания и успокоения в русском языке часто строятся именно по этому принципу. Ученая делает вывод о том, что «в паремических средствах языка отражены формулы «народного целительства» в плане решения психологических проблем, по образцу и на основе которых разрабатываются современные психотерапевтические приемы и методики» и отмечает, что два фактора лежат в основе манипулятивного воздействия ФЕ и народных изречений: 1) их авторитетность и 2) тенденция к генерализации.

Следует отметить, что пословицы и поговорки характеризуются помимо прочего 1) произвольностью, непроверяемостью выражаемой сентенции; 2) некорректностью переноса по аналогии с образного плана на референциальный [9]. Здесь отражается диалектический подход; учитываются как положительные стороны пословиц, так и отрицательные. Если ФЕ выдвигаются в качестве серьезного аргумента в споре с целью уговорить адресата совершить какое-либо действие, то на передний план выходит манипулятивное использование этой ФЕ; при некорректном отождествлении референтного и образного планов (для ФЕ с образной мотивировкой); при воздействии на реципиента через аллегорический образ.

В любом из рассматриваемых языков огромное количество ФЕ, обладающих поучительным, аргументирующим, воздействием. Не имей сто рублей, а имей сто друзей; **Un bon ami vaut mieux que cent parents**; A faithful friend is a medicine of life; Дус - акчадан кыйммәтрәк - призыв ценить дружбу. У соседа трава зеленее; Кеше артыннан бара-бара бака; Күршенәнтавыгы күркәбулып күренә; Keeping up with Jones – призыв не завидовать другим и не гнаться за окружающими.

Подавляющее большинство ФЕ полифункциональны и в зависимости от речевой ситуации могут менять свою эмоционально-экспрессивную маркированность. Одна и та же ФЕ может выступить и как предостережение, и как обличение, и как сетование в зависимости от контекстуальных условий.» [9]. Ярким примером такой полифункциональности может выступить следующая ФЕ: Собака лает, а караван идет/ Этәрә, карвән бара/ Le chien aboie, la caravane passe/ The dogs bark, but the caravan goes on. Нам представляется, что данная ФЕ объединяет все аргументативные доводы: довод к очевидному, призыв не обращать внимание на завистливые высказывания и сплетни, призыв к размышлению. Имплицирована сема неважности чего-то мелкого, незначительного по сравнению с большим и нужным, осуждается человек или причина, мешающая хорошему делу.

Таким образом, говоря об экспрессивности ФЕ и различных видах их речевого воздействия, разноструктурные языки проявляют изоморфизм в том плане, что помимо информирования, убеждения и внушения, необходимо учитывать не только их иллокутивный, но и перлокутивный функционал. Реакция реципиентов может оказаться непредсказуемой, ввиду индивидуальных особенностей психики и эмоционального состояния. Экспрессивность связана со стилистикой ФЕ. Условия, при которых осуществляется речевой акт, обуславливают уместность/неуместность употребления той или иной ФЕ, потому что лексический состав значим для каждой конкретной социальной ситуации. Стилистика ФЕ демонстрирует ценностные культурно-национальные стереотипы говорящих.

Список литературы

1. Добрыднева Е.А. Коммуникативно-прагматическая парадигма русской фразеологии: автореф. дисс....д.филол. н. Волгоград, 2000. 42 с.
2. Берков В. Ф. Аргументация и вопрос // Речевое общение и аргументация. СПб.: Экополис и культура, 1993. Вып.1. С. 61-68.
3. Карабан В. И. Аргументация просьб в комплексных директивах//Речевое общение и аргументация. СПб.: Экополис и культура, 1993.Вып.1.С.39-45.
4. Гусев С. С. Цитирование как способ аргументации // Речевое общение и аргументация.СПб.:Экополис и культура,1993.Вып.1.С.68-76.
5. Фанян Н. Ю. Аргументативное пространство фразеологизмов // Язык в мире и мир в языке: мат-лыМеждунар. науч. конф. Сочи –Карлсруэ –Краснодар,2001.С.39-40.
6. Аюпова Р. А. Проблемы лексикографического описания фразеологических единиц (на материале английского, русского и татарского языков) Авторефдисс д. филол. н. Казань, 2009
7. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424с.
8. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. — М., 1986
9. Сидоркова Г. Д. Прагматика паремий: пословицы и поговорки как речевые действия: монография. Краснодар: Изд-во КубГУ, 1999. 249с.

10.02.00

Е.В. Меркель д-р филол. наук, А.Р. Петровская, Л.А. Яковлева канд. филол. наук

Технический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова»,
Нерюнгри, merkel-e@yandex.ru; petrovskaya.15@bk.ru; yakovlyubov@rambler.ru

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОЙКОНИМОВ ЮЖНОЙ ЯКУТИИ

В данной статье впервые представлено лексико-семантическое описание ойконимов Южной Якутии с учетом мотивации названий топообъектов. Дано описание семантических групп ойконимических единиц, в числе которых антропоойконимы, этноойконимы, гидроойконимы, отопеллятивные ойконимы и др. Отмечена зависимость тех или иных лексико-семантических групп ойконимов от языка происхождения топонимов.

Основой данной коллективной работы послужили материалы, собранные в рамках научно-исследовательского проекта «Лексикографическое описание топонимии Южно-Якутского региона», выполненного при финансовой поддержке РГНФ.

Ключевые слова: *топоним; ойконим; классификация; лексико-семантический; этимология; анализ.*

С целью проведения лексико-семантического анализа топонимического материала было отобрано 169 наименований населенных пунктов, из них: 4 названия городов (2,4 % от общего количества), 92 наименований сел (48; 28,4 %) и поселков (44; 26%), 43 наименования нежилых населенных пунктов (25,4 %), 7 названий зимовьев (4,1%), 1 летник (0,6 %), 17 участков по добыче полезных ископаемых (10,1 %), 4 геологические базы (2,4%), 1 сельскохозяйственное предприятие (0,6 %).

При анализе семантических оснований называния населенных пунктов Южной Якутии в качестве базиса была взята универсальная лексико-семантическая классификация, которая наиболее разветвленно представлена в работе Е.А. Сундуковой [2].

Наименования русского происхождения составляют явное большинство (39,6%): *Золотинка, Заречный, Рябиновый* и т.д. Названий эвенкийского (*Дикимдя, Деконда, Хани* и др.) и якутского происхождения (*Томмот, Дабан, Эрге* и др.) меньше: 28,4% и 18,3% соответственно. Ойконимия исследуемого региона сложилась в условиях взаимодействия разных языковых систем, следствием чего являются гибридные ойконимы (11,8%): *Верхний Куранах, Большой Колтыкон* и др. Процентное отношение разноязычных (либо смешанных) топонимов свидетельствует о наличии зон интенсивных культурных контактов между этносами.

Результаты лексико-семантической классификации ойконимов в целом по Южной Якутии выглядят следующим образом:

I. Ойконимы, образованные от нарицательной лексики (64 названия; 37,9%)

1. Названия, отражающие физико-географические особенности местности, флору и фауну (44 названий; 26%).

1.1. Ойконимы, в которых отразился ландшафт края (5 названий; 3%): *Данпарай* (с якут. «дьяппа» – «расщелина»), *Долон* (с якут. «толоон» – «долина») и др.

1.2. Ойконимы, отражающие водные объекты (2 названия; 1,2%): например, *Кудули* (от эвенк. – «ручей с соленой водой»).

1.3. Ойконимы, содержащие характеристику объектов (21 название; 12,4%), а именно а) величину объекта (*Большой Нимныр – Малый Нимныр*), б) местонахождение населенного пункта относительно направления течения реки (*Верхний Куранах, Нижний Куранах, Амга Верхняя*).

Также представлены ойконимы, отражающие особенности погодных условий (*Солнечный*) и указывающие на степень влажности объекта: *Куранда* (от эвенк. основы куран – «засуха»).

1.4. Ойконимы, указывающие на флору и фауну (15 названий, 8,9%), представлены наименованиями, отражающими лесные массивы (*Лесной, Хвойный, Серебряный Бор*), названия отдельных деревьев и кустарников (*Куду-Бясь* (с якут. «бэс» – «сосна»), *Суон-Тиит* (с якут. «суон» – «толстая» и «тиит» – «лиственница»)), животный мир (*Тинг* (с якут. «тиин» – «белка», *Крохалиный, Лебединый*)).

1.5. Метафорические ойконимы (1 название; 0,6 %): *Тобук* (с якут. «тобук» – «колено»).

2. Ойконимы, отражающие хозяйственную деятельность человека, его быт, общественные отношения (20 названий; 11,8%):

2.1. Ойконимы, указывающие на типы и виды поселений (1; 0,6%): *Поселок*.

2.2. Ойконимы, в которых отразились занятия жителей и название объектов хозяйственного, промышленного назначения (7 названий; 4,1%): *Кочегарово* (ранее в поселке была стоянка по заготовке дров для пароходов), *Точильное* (в поселке был гидроприводный механизм, на котором точили жнейки, лобогрейки, косы), *Уолбут* (с якут. «уолба» – «сенокосное угодье», «заливной влажный луг»), *Орочен 1-й* (от эвенк. «орочен» – производное от «орон», переводится как «оленовод») [1].

В эту же группу входят ойконимы, мотивированные названиями полезных ископаемых (8 названий; 4,8%): *Чельбю* (от эвенк. «чулба» – «кварц»), *Марийка* (название мрамора – «марийка»), *Угольное, Архейский*.

2.4. Ойконимы, отражающие национальные отношения (1 название; 0,6%): *Русская речка*.

2.5. Ойконимы, связанные с религиозными верованиями и обрядами (3 названия; 1,8%): *Спасское, Троицк, Сергелях*.

II. Ойконимы, образованные от собственных имен (78 названий; 46,1%)

1. Отантропонимные ойконимы (14 названий; 8,3%) - это в основном ойконимы, образованные от фамилий (13 названий; 7,7%): *Ефремова* (по фамилии исследователя палеонтолога И.А. Ефремова), *Алексеевск* (назван в честь первого председателя окрисполкома И. Алексеева), *Алексеевка* (название образовано от фамилии Алексеевых – эвенков-оленоводоов, которые проживали в поселке). Одно название от личных имен (1 название; 0,6%): название якутского происхождения *Тэгэн*.

2. Вторичные ойконимы – 58 названий (34,3%):

2.1. Оттопонимические ойконимы. Данная тенденция – образование ойконимов от других топонимов – явление, характерное для многих топонимических систем [2]. Это связано с искусственностью создания населенных пунктов, вследствие чего они получали названия по природным реалиям, именно они назывались в первую очередь, а потом уже к ним привязывались названия поселений. В этой группе оттопонимических топонимов можно выделить следующие подгруппы.

Прежде всего это ойконимы, образованные от наименований гидронимов (57 названий; 33,7%). Так, по реке названо 49 ойконимов, например, *Анамжак, Иенгра, Мундуруччу* и др.

Названия населенных пунктов, названных по ручью, составляют 4,1%. Отметим, что практически все ойконимы имеют русское происхождение – *Рябиновый, Сланцевый, Сосновый, Валунистый* и др.

По одному ойкониму представлено в группах ойконимов, образованных от наименований возвышенностей (*Эрге*), озёр (*Кутана*) и островов (*Кыллах*).

И еще один разряд - ойконимы, образованные по этнонимам (5 названий; 3%): например, *Бетюнг* (образован от названия рода Ботун (Бөтүн), расселившегося по всей территории Якутии в XVII в.)

III. Локативные ойконимы (13 названий; 7,7%):

1. Ойконимы, указывающие на расположение населенного пункта относительно реки (6 названий; 3,6%): на берегу реки, на той или иной стороне водного объекта (*Заречный*); в устье или в верховье, истоке реки (*Усть-Селигдар*).

2. Ойконимы, указывающие на расположение населенного пункта относительно других объектов (7 названий; 4,1%): *Нефтебаза, Авиапорт, Бердинка* (название дано по Берденской почтовой станции).

IV. Ойконимы-посвящения, или советонимы: (4 названия; 2,4%): *Урицкое* (назван в честь ссыльного революционера М.С. Урицкого), *поселок имени ЯЦИК* (Якутский центральный исполнительный комитет) и др.

V. Ойконимы, этимология, которых недостаточно расшифрована (10 названий; 5,9%): *Мурья, Угаян/Угоян, Турук, Жархан, Бысыттаах, Килиер, Кяччи, Дельгей* и др.

Как видим, семантика ойконимов юга республики очень разнообразна. Из всех семантических подтипов преобладают оттопонимические ойконимы, что является характерным признаком ойконимических систем. Наибольшее количество ойконимов данной группы образовано путем переноса названий водных объектов на название поселений. Именно так созданы наименования 4 городов, 19 поселков, 8 участков, 13 сел, 1 летника, 1 геологической базы и 11 нежилых топообъектов. В этой группе преобладают ойколексемы аборигенного происхождения: *Дабан, Дикимдя, Эмельджак* и др.

На втором месте по степени распространенности – ойконимы, образованные от нарицательной лексики и отражающие физико-географические особенности местности, флору и фауну, хозяйственную деятельность человека, его быт, общественные отношения

Советонимы, внедрение которых в ойконимическую систему приходится на послереволюционные годы, нельзя отнести к числу регулярных номинаций, их количество составляет лишь 2,4% от общего количества проанализированных тополексем (*Чапаяево, Красная Звезда*).

Топонимы, этимология которых до сих пор остается неизвестной, составляют 5,9%, их расшифровка и составляет перспективу топонимических исследований юга Якутии.

Список литературы

1. Багдарыын Сүлбэ. Топонимика Якутии (Краткий научно-популярный очерк). Якутск: Бичик, 2004. С.29.
2. Сундукова Е.А. Ойконимия севера Удмуртии: автореф. дис. ... к. филол. н. - Ижевск, 2011.

10.02.00

В.И. Миколайчик д-р филол. наук

ФГКВБОУ ВО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации,
кафедра средневосточных языков,
Москва, mikolai4ik@yandex.ru

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ СЕМАНТИЧЕСКИХ ЭКВИВАЛЕНТОВ РУССКИХ МНОГОЗНАЧНЫХ ГЛАГОЛОВ В ЗАПАДНОИРАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Для глагольной лексики западноиранских языков характерна крайняя семантическая недифференцированность. Этим они кардинально отличаются от русского языка, где чрезвычайно развитая деривативная аффиксация позволяет в одной глагольной моноксемме выразить несколько компонентов семантики денотативного и коннотативного уровней. В статье классифицируются средства западноиранских языков, позволяющие создать семантические эквиваленты русских многозначных глаголов.

Ключевые слова: *семантическая дифференциация, деривативный аффикс, структурный тип, глагольная моноксема, семантический эквивалент.*

Глагольная лексика западноиранских языков, к которым принадлежит язык дари, характеризуется крайней семантической недифференцированностью. Это свойство особенно заметно при сопоставлении с русским языком, изобилующим глагольными словоформами с предельно конкретной семантикой, чему особо способствует развитая деривативная аффиксация. Лексическое значение подавляющего большинства глагольной лексики языка дари обычно весьма абстрактно, не конкретно. При этом имеется в виду как денотативный компонент семантики глагольной словоформы, так и коннотативные признаки.

Различие между глаголами дари и русского языка по уровню конкретности лексической семантики наглядно демонстрирует интерпретация в дари-русском словаре семантики такого обычного в повседневном общении глагола, как *âmadan*. В словаре передача значения главного лексико-семантического варианта этого слова начинается глаголами «приходить» и «приезжать». Но значение глагола *âmadan* в исходной форме ни одному из этих русских глаголов точно не соответствует. В семантике *âmadan* заключена лишь абстрактная идея прибытия, более точно передаваемая глаголом «прибывать», который в русском языке стилистически маркирован, и его использование в общем словаре, ориентирующемся на нормы языка повседневного общения, определено ограничено. Для точной передачи значения «приходить» к глаголу *âmadan* нужно добавить слово *piyâda* «пешком». Для передачи значения «приехать» необходимо назвать конкретное средство передвижения. С использованием глагола *âmadan* переводятся также и русские глаголы «прилететь», «приплыть» и др. Но для этого нужны уточняющие лексические средства.

В качестве еще одной наглядной иллюстрации семантических особенностей глагольной лексики русского языка и дари приведем глагол *nešastan*, являющийся единственным словом, используемым при передаче значений «сидеть», «садиться», «присесть», «посидеть», «просидеть», «досидеть», «пересидеть» и др.

Конкретизация значений, передаваемых семантически абстрактными глаголами дари, осуществляется как лексическими показателями, как мы видели в примерах с глаголом *âmadan*, так и другими средствами. Нашей целью в данной статье является краткая классификация этих средств.

Прежде всего следует отметить, что в глагольном словообразовании западноиранских языков практически полностью отсутствует такой способ, как аффиксация. А ведь именно богатство деривативных аффиксов обусловило высокую степень конкретности семантики русской глагольной лексики на уровне исходных форм. Западноиранские языки по степени семантической дифференцированности глагольной лексики находятся на противоположном по отношению к русскому языку полюсе условной классификационной оси.

Одним из самых распространенных способов передачи того значения, которое в русском языке заключено в деривативных аффиксах глагольных словоформ, в дари является использование семантически равноценных знаменательных слов. Лексические конкретизаторы глагольной семантики могут считаться универсальным средством. В качестве примера приведем соответствующие семантические эквиваленты русских глаголов, в формировании которых фигурирует уже упоминаемый глагол *âmadan*: «прийти» *piyâda âmadan* (букв. прибыть пешком), «приехать» *bâ môtar âmadan* (букв. прибыть на автомобиле), «прилететь» *bâ tayâra âmadan* (прибыть самолетом), «приплыть» *bâ kašti âmadan* (прибыть паромом), *az râh-e bahr âmadan* (прибыть морем).

Особую группу составляют русские глаголы со сложной семантикой, где деривативные аффиксы обозначают не способ протекания действия, а по сути обозначают отдельное явление, находящееся в тесной связи с действием, обозначаемым корневой морфемой. К числу подобных слов относятся глаголы «заманить», «наступить», «растоптать», «наехать». Семантическими эквивалентами этих глаголов на дари будут соответственно *ba bahâna-yê bêrun âwardan* (букв. «увести под предлогом»), *zêr-e pâ gereftan* (букв. «взять под ноги»), *zêr-e pâ gerefta šekastan* (букв. «наступив, разбить»), *zêr-e čarx gereftan* (букв. «взять под колесо»).

Особое место среди лексических средств конкретизации глагольной семантики занимает моделированный способ, представленный так называемыми сложноее причастными глаголами¹, особо широко распространенными в таджикском языке, но довольно употребительными также и в дари. Сложноее причастный глагол представляет собой сочетание двух глагольных словоформ: первый член сочетания в форме причастия прошедшего времени уточняет способ протекания действия, обозначенного вторым глаголом в инфинитиве или в личной форме. Например, значение русского глагола «прибежать» передается сочетанием *dawida âmadan*: первый член – причастие прошедшего времени глагола *dawidan* «бежать», второй член – глагол *âmadan* «прибывать». Значение «убежать» выражается сложноее причастным глаголом *dawida raftan*, в котором первым членом выступает та же словоформа *dawida*, вторым компонентом является глагол *raftan* «уходить». Семантическими эквивалентами русских глаголов «притащить» и «оттащить» являются сложноее причастные глаголы *kešida âwardan* (причастие глагола *kašidan* «тащить» + глагол *âwardan* «приносить») и *kašida bordan* (причастие глагола *kašidan* «тащить» + *bordan* «уносить»). Значение «кочевать» передается сочетанием *kôč karda raftan* (причастие сложного глагола *kôč kardan* «кочевать» + *raftan* «двигаться»).

В дифференциации глагольной семантики участвуют также и служебные части речи. Например, глагол *didan* в сочетании с предлогом направления *ba* означает «смотреть» (*ba ô mêbinam* «смотрю на него»), в сочетании с послелогом *râ* – «видеть» (*ô râ mêbinam* «вижу его»).

Как известно, в русском языке особо интенсивно деривативная аффиксация распространена в обширной семантической сфере способов глагольного действия. В языке дари, как отмечалось, в этой семантической сфере словообразовательная аффиксация отсутствует. Для выражения необходимых значений здесь используются другие языковые средства. В частности, такое распространенное значение из области способов глагольного действия, как начинательность, располагает довольно значительным набором средств выражения. Значение начинательности у глаголов движения и некоторых других семантических группировок образуется при их употреблении в форме претерита: *môtar harakat kard* «автомобиль поехал», *dast larzid* «рука задрожала», *oftâb deraxšid* «засияло солнце», *sar dard kard* «голова заболела».

Существует особая грамматическая форма начинательности с вспомогательным глаголом *gereftan*, в самостоятельном употреблении имеющем значение «брать». Форма является факультативной, ее использование ограничено достаточно узким перечнем глаголов с

¹ Термин «сложноее причастный глагол» предложен авторами работы по таджикскому языку: «Расторгуева В.С., Керимова А.А. Система таджикского глагола. М., 1964».

определенной лексической семантикой. Примеры: *Âbrhâ ba zudi motalâši gaštand tufânâd wa bârân sâket šod wa âftâb-e jahântâb dubâra bar âsmân-ê lâjwardi deraxšidan gereft* «Вскоре тучи рассеялись, ураган и дождь стихли, и на лазурном небе вновь засияло дневное светило»; *Del-e mard tâpidan gereft* «Сердце мужчины затрепетало».

Основная роль в выражении значения начинательности в форме с глаголом *gereftan* принадлежит этому служебному глаголу. Но следует также иметь в виду, что регулярная грамматическая форма претерита тоже принимает участие в этом процессе. Она прямо ему способствует своим видовым значением. То есть, в данном случае в выражении рассматриваемого значения взаимодействуют два морфологических средства – регулярная и факультативная формы.

Так как форма с *gereftan* ограничена узким кругом глагольной лексики, то основным средством выражения значения начинательности в языке дари выступают другие средства. Некоторые из них представляют собой лексические сочетания с теряющим знаменательный статус вторым – постоянным – компонентом, в качестве которого выступают глаголы *âmadan* «приходить», *dar âmadan* «входить», *dar âwardan* «приводить», *andâxtan* «бросать», *oftâdan* «падать». В качестве переменных компонентов сочетания могут выступать различные имена существительные. В частности, достаточно обычными в качестве переменного члена конструкции являются имена существительные, обозначающие движение: *parwâz* «полет» (*ba parwâz dar âmadan* «полететь»), *harakat* «движение» (*ba harakat oftâdan* «прийти в движение», «двинуться»). Но также свободно используются слова других семантических классов, например: *xanda* «смех» (*ba xanda dar âwardan* «рассмешить»), *ta'jjib* «удивлении» (*ba ta'jjib dar âmadan* «удивляться»). Постоянным конструктивным элементом конструкции являются предлоги *ba* «в», «на», (обычно в направительном значении), или *dar* «на», «в» (имеющей локальное значение).

Отличительной особенностью этих конструкций является устойчивость состава и прочная связь элементов семантики. Первый член в полной мере сохраняет свой статус знаменательной части речи. Возможность фигурировать вне контекста, с глагольным компонентом в инфинитиве свидетельствует о большой как формальной, так и семантической спаянности компонентов, приобретении всем словосочетанием признаков самостоятельной номинативной единицы. Прямым подтверждением этому могут служить переводы на русский язык. Некоторые из приведенных выше выражений, в принципе, могли быть переведены на русский с использованием соответствующих словосочетаний (например, сочетание *ba ta'jjib dar âmadan* можно передать по-русски словосочетанием «прийти в удивление»). Но мы в основном предпочитаем однословные варианты перевода, поскольку они больше соответствуют семантически и структурно спаянному оригиналу.

Способы выражения начинательности могут конкурировать, в этом смысле интересен следующий пример: *mard xandid, do mard-e digar ham ba xanda dar âmadand* «Мужчина засмеялся, двое других мужчин тоже рассмеялись». В приведенном примере имеются два разных способа выражения становления одного и того же действия. В первом случае для этого глагол *xandidan* «смеяться» поставлен в форму простого прошедшего времени, а во втором случае в конструкции с глаголом *dar âmadan* в качестве переменного компонента употреблено однокоренное с глаголом имя существительное *xanda* «смех». Оба действия по своим внутренним свойствам идентичны. Сказуемые употреблены в форме претерита, которая способствует выражению данного значения.

Выводы:

В передаче семантики многозначных русских глаголов, включая значения, выражаемые деривативными аффиксами, в языке дари и других западноиранских языках ведущая роль принадлежит лексическим средствам. При использовании прямых лексических показателей, включая предложно-именные сочетания, их связь с глаголом-сказуемым осуществляется в виде свободных синтаксических словосочетаний.

Значительное место среди структурных эквивалентов многозначных русских глаголов занимают несвободные лексические сочетания с равноправными компонентами, разновидностью которых являются так называемые сложноее причастные глаголы.

В наиболее употребительных из устойчивых лексических сочетаний постоянный компонент отчасти теряет признаки знаменательной части речи, сочетание эволюционирует в направлении аналитического слова.

Одна из ведущих ролей в формировании семантических эквивалентов многозначных русских глаголов принадлежит грамматическим формам. При участии синтетической формы образуется структурный тип семантического эквивалента в виде монологемы морфологического уровня.

Если участниками формирования семантических эквивалентов выступают регулярные или факультативные аналитические формы, то структурным типом является аналитическая конструкция морфологического уровня.

Список литературы

1. Бондарко А.В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. Санкт Петербург, 1998.
2. Всеволодова М.В. Поля, категории и концепты в грамматической системе языка. //Вопросы языкознания. № 3, 2009.
3. Киселева Л.Н. Язык дари Афганистана. М., 1985.
4. Миколайчик В.И. Аналитические конструкции и несвободные словосочетания в языке дари. М, 2014.
5. Милославский И.Г. Морфологические категории современного русского языка. М., 1981.
6. Островский Б.Я. Вопросы грамматической семантики глагола языка дари. М., 2004.
7. Расторгуева В.С., Керимова А.А. Система таджикского глагола. М., 1964.
8. Рубинчик Ю.А. Грамматика современного персидского литературного языка. М., 2001.
9. Эдельман Д.И. Категория времени и вида. //Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Том II. Эволюция грамматических категорий. М., 1975.

10.02.20

Е.В. Мусина канд. филол. наук, Д.А. Тишкина канд. филол. наук

Казанский национальный исследовательский технический университет
им. А.Н. Туполева — КАИ,
кафедра иностранных языков,
Казань, musinaev@rambler.ru, tishkina_diana@mail.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АДЪЕКТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ

В данной работе проводится сравнительное исследование адъективных фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в русском, английском и французском языках и рассматриваются различные способы их перевода.

Ключевые слова: *адъективные фразеологические единицы, зооним, перевод фразеологических единиц.*

Фразеологические единицы были и продолжают оставаться предметом исследования многих ученых (А.В. Кунин, В.П. Жуков, А.Г. Назарян, В.С. Виноградов, Е.Ф. Арсентьева и др.), для их анализа и выделения критериев отбора применяются различные методы и подходы.

Фразеологизмы, как известно, имеют особое специфическое значение, которое обычно называют фразеологическим. По определению А.В. Кунина, «фразеологическое значение – это инвариант информации, выражаемой семантически осложненными, раздельнооформленными единицами языка, не образующимися по структурно-семантическим моделям переменных сочетаний слов» [6: 122]. Это значение является обобщенно-целостным. Компоненты фразеологических единиц (ФЕ) – это деактуализированные слова, чаще всего вследствие метафорического переноса [4: 15]. «Фразеологическое значение есть значение комбинаторное в том смысле, что оно по-разному детерминируется значениями компонентов ФЕ, взятых на семантическом уровне». При этом фразеологическое значение – «явление более сложное, чем лексическое значение» [1: 124-125, 216], как правило, «лексическое значение прототипа находится в теснейшей связи с его семантикой» [2].

Специфику фразеологической семантики, в отличие от лексической, лингвисты объясняют по-разному: 1) противоречием между реальным значением ФЕ и этимологическим значением ее компонентов [4; 2] различным характером внутренней формы ФЕ и слова [9: 10]; 3) различием семантических структур ФЕ и слова, вытекающим из разной степени языковой абстракции: лексическая абстракция является двуступенчатой (понятие – денотат), фразеологическая абстракция носит трехступенчатый характер (понятие – образное представление – денотат) [8: 26]; 4) устойчивостью фразеологического значения [6: 307] и др.

Для выделения и анализа ФЕ важную роль также играют степень переосмысления и мотивированность фразеологического значения, которые включают в себя следующие дефиниции. «Под мотивированностью фразеологического значения понимается синхронная связь с буквальными значениями компонентов» [6: 200]. «Фразеологическое переосмысление – это полное или частичное образное преобразование значения прототипа фразеологизма, основанное на семантическом сдвиге» [6: 184]. Переосмысление может быть полным или частичным. Об «утрате словом прежних этимологических связей с прототипом в результате чего слово из мотивированного названия предмета объективной действительности становится немотивированным также говорится и в других исследованиях» [10].

По словам В.П. Жукова, «внутренняя форма присуща лишь фразеологизмам, которые могут быть наложены на свободное словосочетание такого же лексического состава и на его фоне дают семантический и метафорический эффект» [3: 12]. Фразеологические единицы образованы от свободных словосочетаний и структурно с ними совпадают, поэтому можно сказать, что внутренняя форма – это мотивировка значения ФЕ на основе ее сравнения со смыслом свободного словосочетания. Внутренняя форма ФЕ может быть мотивированной и немотивированной (идентичное фразеологизму свободное словосочетание либо бессмысленно, либо лишено какой бы то ни было образной ассоциации, устанавливаемой при сравнении со значением фразеологизма) [5].

Что касается перевода ФЕ на разноструктурные языки, можно столкнуться с некоторыми трудностями. Это возникает из-за межъязыковых различий в отношении содержательной стороны фразеологизма. Так, В.Г. Гак выделяет следующие типы расхождений: 1) отсутствие фразеологического коррелятора в сопоставляемом языке, то есть отсутствие значения фразеологической единицы в языке перевода, что является по своей сути лакуной; 2) расхождение коннотативного компонента фразеологической единицы в сопоставляемых языках, то есть схожие по внешней форме фразеологические единицы могут расходиться по внутреннему содержанию; 3) значение фразеологической единицы существует в обоих языках, однако форма выражения отличается в сопоставляемых языках.

В данной работе мы рассматриваем группу адъективных ФЕ (компаративных и некомпаративных). При отборе и анализе ФЕ применялись методы сплошной выборки и словарных дефиниций, аппликативный и сравнительно-сопоставительный методы. В русском, английском и французском языках адъективные обороты представлены в основном компаративными оборотами. Для этих ФЕ характерна двуплановость значения: сравниваются два компонента ФЕ. Первый компонент адъективных сравнений обычно употребляется в своем основном буквальном значении. Функция второго, как правило, усиительная. Для адъективных компаративных ФЕ свойственно, как правило, частичное переосмысление. Как правило, в русских сравнениях есть компонент «как»: *беден как церковная крыса (мышь)* – ‘очень, до крайней степени (беден)’, *глуп как сивый мерин* – *прост.* ‘очень, до крайности (глуп)’; в английском языке – «like» или «as»: *bald as coot (bandicoot)* – ‘чокнутый, не в своем уме’, *(as) bold (brave) as a lion* – ‘храбрый как лев’, *(as) blind as a bat* – ‘подслеповатый, не замечающий’, *as cunning as a fox* – ‘очень хитрый’, *as cross (sulky или savage) as a bear* – ‘не на шутку рассерженный, смотрит зверем, злой как черт’; во французском языке – «comme»: *fidèle comme un chien* – ‘преданный как собака, душой и телом’, *peureux comme un lièvre* – ‘трусливый как заяц, *à hair ce visage de loup* – *wolf-like face* – ‘свое злое лицо’.

Обороты некомпаративной структуры представлены меньшим количеством единиц во всех трех языках. Оборотам этой подгруппы свойственно частично переосмысленное, а чаще всего, полностью переосмысленное фразеологическое значение: *с гульки (с воробыный) нос* – *прост.* ‘очень мал, невелик’; *комара не обидит* – *народн. шутл.-ирон.* ‘о тихом, безобидном человеке’; *a duck of...* – ‘чудный, чудесный’; *une vache de* – ‘потрясающий, невероятный’; *a beast of...* – ‘противный, отвратительный’.

Перевод фразеологических единиц возможен несколькими способами: полным фразеологическим эквивалентом и неполным фразеологическим эквивалентом, при отсутствии в языке перевода понятийно равного фразеологизма однословным соответствием, используется описательный перевод или калькирование. Различные способы перевода фразеологических единиц широко описаны такими учеными, как Л.С. Бархударов, В.Н. Комиссаров, А.В. Федоров, В.С. Виноградов и другие. Компаративные фразеологизмы в разных языках образуются по схожим моделям, и при их переводе, как правило, подбирается эквивалентный или соответствующий фразеологизм, либо ФЕ калькируется.

К фразеологизмам, имеющим полные эквивалентные соответствия, можно отнести следующие обороты: *as strong as an ox* – ‘здоровый как бык’, *(as) dumb (mute) as a fish* – ‘нем как рыба’; *(as) cunning (или sly) as a fox* – ‘хитрый как лиса’; к частичным эквивалентам – *a*

bull in a china shop – ‘слон в посудной лавке’ (неуклюжий, неловкий человек) (*обыкн. like a bull in a china shop*); (*as*) *obstinate (или stubborn) as a mule* – ‘упрям(ый) как осел’.

Адъективные фразеологические единицы, не имеющие соответствий, представлены следующими оборотами: *с гулькин (с воробыный) нос*, *глуп как сивый мерин*, *a duck of...* – ‘чудный, чудесный’, *a beast of...* – ‘противный’, *like a red rag to a bull* – ‘как красная тряпка для быка, раздражающий, злящий’ (о том, что приводит кого-л. в ярость, в бешенство); *like (или as pleased as) a dog with two tails* – ‘очень довольный, в восторге; рад-радешенек’; *packed like herrings (in a barrel)* – *редк.* ‘как сельди в бочке; битком набитый’; *like a drowned rat (тж. (as) wet as a drowned rat)* – ‘промокший до костей, промокший до нитки’; *like a fly in amber* – ‘как муха в янтаре’; ‘редкий, диковинный; хорошо сохранившийся’, ‘музейная редкость’; *ox-eyed* – ‘с большими круглыми глазами’, *une vache de* – ‘потрясающий, невероятный’, *chateau de...* – ‘проклятый’, *en bec de corbin* – ‘крючковатый’, *en peau de lapin* – ‘вывернутый наизнанку, готовый угождать и вашим и нашим’.

В зависимости от контекста адъективные фразеологические единицы с компонентом-зоонимом могут передаваться эквивалентным соответствием, описательным переводом или калькой. Среди компаративных адъективных ФЕ есть как полные, так и частичные соответствия, внутренняя форма этой группы ФЕ, в большинстве случаев, мотивирована. В составе некомпаративных фразеологизмов и в большинстве компаративных ФЕ компонент-зооним, как правило, утрачивает свое индивидуальное значение, теряет связь с тематической группой, включающей название животных, и наблюдается полное переосмысление значения прототипа фразеологизма.

Список литературы

1. Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии / В.Л. Архангельский. – Ростов-н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1964. – 315 с.
2. Габдреева Н.В. Французская лексика в русском языке: историко-функциональное исследование: Дис. ... доктора филол. наук. Казань, 2001. – 409 с.
3. Жуков В.П., Жуков А.В. Русская фразеология / В.П. Жуков, А.В. Жуков. – М.: Высш. шк., 2006. – 408 с.
4. Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов / В.П. Жуков. – М.: «Просвещение», 1978. – 160 с.
5. Кузьмин С.С. Идиоматический перевод с русского языка на английский (Теория и практика) / С.С. Кузьмин. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 312 с.
6. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка / А.В. Кунин. – Дубна: Феникс+, 2005. – 488 с.
7. Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание: Избранные работы / Б.А. Ларин. – М.: Просвещение, 1977. – 224 с.
8. Назарян А.Г. История развития французской фразеологии / А.Г. Назарян. – М., 1981. – 214 с.
9. Федоров А.И. Развитие русской фразеологии в конце 18 – начале 19 века / А.И. Федоров. – Новосибирск, 1973. – 147 с.
10. Яхина Р.Р. Функционально-семантическое усвоение терминов английского происхождения: процесс деэтимологизации / Вестник Оренбургского государственного университета, 2017, № 3 (203). – С. 49-53.

10.02.02

¹З.А. Мухаева канд. филол. наук, ²Р.С. Барсукова канд. филол. наук,
³М.Р. Булатова канд. филол. наук

¹Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
Лысьвенский филиал,

Лысьва, muhaeva@lf.pstu.ru,

²Казанский государственный аграрный университет,
кафедра философии и права,
Казань, ramziy_kazan@mail.ru,

³Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ,
отдел лексикологии и диалектологии,
Казань, m.r.bulatova@mail.ru

МУЖСКИЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА ПЕРМСКИХ ТАТАР НАЧАЛА XIX в.

Источником наших исследований послужили «Ревизские сказки 1816 года Пермской губернии Осинского уезда Гаининской волости». По материалам «ревизских сказок» нами была составлена картотека из 1530 личных имен и фамилий, в том числе мужских имен – 730, женских – 535, фамилий – 284. В рамках данной статьи приводим краткую лексико-семантическую классификацию мужских личных имен пермских татар и их структурно-грамматическое описание.

Ключевые слова: антропонимия, мужские личные имена пермских татар, «ревизская сказка», тюркские языки, татарский язык, структурно-семантический анализ, лексико-семантическая классификация.

Региональная историческая антропонимия, в том числе историческая татарская антропонимия, в последние несколько десятилетий является одной из активно развивающихся направлений ономастической науки. Как известно, полученные ценные антропонимические материалы помогают раскрывать сложные этногенетические и исторические процессы прошлого.

Огромную роль в изучении личных имен играют «Ревизские сказки», введенные в Российской империи в XVIII - 1-й половине XIX вв., проводившиеся с целью подушного налогового обложения населения. Сегодня материалы «ревизских сказок» являются одним из источников в исследованиях по лингвистике, этнографии, генеалогии и других наук.

Источниками наших исследований послужили следующие исторические материалы: 1) «Ревизская сказка 1816 года марта 14 дня Пермской губернии Осинского уезда 1-го башкирского кантона Гаининской волости; 2) Ревизская сказка 1-го башкирского кантона деревень Мостовой, Бардыбашки и Бичуриной; 3) Ревизская сказка 1816 года марта 14 дня Пермской губернии Осинского уезда 1-го башкирского кантона Гаининской волости команды юртового старшины Насибуллы Нигматуллина деревни Барды, команды юртового старшины Гублидуллы Заисанова деревни Ишимовой о состоящих мужска и женска пола башкирцах; 4) Ревизская сказка 1-го башкирского кантона деревни Ново-Ашапской, Осинского уезда; 5) Ревизская сказка 1816 года января 31 дня Пермской губернии Осинского уезда Гаининской волости ведомости первого башкирского кантона команды юртового старшины и понтонного помощника Гафора Гаинина деревни Верхашаповой; 6) Ревизская сказка 1-го башкирского кантона деревни Краснояра, Осинского уезда Гаининской волости команды юртового старшины Тазитдина Иммеютдинова деревни Краснояровой о состоящих мужска и женска пола башкирцах; 7) Ревизская сказка 1816 года марта 14 дня Пермской губернии Осинского уезда 1-го башкирского кантона Гаининской волости команды в должности старшины юртового сотника Габдуллы Кучумова деревни Ишменевой о состоящих мужска и женска пола башкирцах [материалы извлечены из ГА Пермского края; фонд 3, опись 1, дела №№ 1868-1973].

Классификация мужских личных имен пермских татар проводилась по той системе, которая была предложена ученым Г.Ф.Сатаровым в своих научных трудах [Сатаров, 1990]. В результате анализа нами были выявлены древнетюркский, старотатарский, заимствованные пласты личных имен предков татар Пермского края. Ниже приводим данную классификацию.

1. Древнетюркский пласт: *Байрамгуль* (тюрк. *Байрам* «праздник» + *Кул/Кол* «1. раб»; 2. «рука») [МИ, 60]; *Авбатыр* > *Албатыр* > *Алыпбатыр* (бол.-тат. *Алып* «герой, богатырь, витязь» + тюрк. *Батыр* «герой, богатырь») [4:36,89]. В татарских диалектах *алана* (например, в минзелинском говоре) «человек огромного роста, здоровенный» [13:37].

2. Старотатарский пласт: болгарский подпласт: *Кучукбай* – *Кучук* «собака, щенок» + *бай* (хозяин, состоятельный, влиятельный человек, господин) Срав.: *Байкучук*. В настоящее время данный антропоним сохранился у пермских татар в фамилии Кучукбаев. Зафиксированы единичные случаи.

3. Заимствованные имена.

а) Мужские личные имена арабского происхождения: *Багаутдин* (араб. *Баха* «блеск, сияние» + *ат-Дин* «вера», «религия», «Ислам») – блеск (величие) веры, имя знаменитого шайха Мухаммада Накшбанда Бухари (1318-1389) [МИ, 64]; *Габдулваган* (араб. *Абд* – антропокомпонент «раб, слуга» + *ал-Ваххаб* «вседарящий») – дурующий [МИ, 19]; *Габдулман* (араб. *Абд* – антропокомпонент «раб, слуга» + *ал-Амин*) – дурующий безопасность *Габдулгани* (араб. *Абд* – антропокомпонент «раб, слуга» + *ал-Гани*) – богатый [МИ, 19]; *Гильман* (араб.) – мальчики; вечные отроки в раю [МИ, 85]; *Габдюш* (диал.ф.) > *Габдел* (араб. *Абд ал-*) [МИ, 77]; *Зюлкарнай* > *Зул-Карнай* (араб. *Зул* – лакаб + *Карнай*, *карнь* «рог» [АТРС, 203] – «двурогий», предположительно прозвище Александра Македонского [МИ, 112]; 1) *Ибатулла* (араб. *Ибад Аллах*) – букв. «рабы Аллаха», усеченная форма эпитета мусульманского правителя, «защитник рабов Аллаха» [МИ, 115]; 2) *Ибатулла* > *Хибат Аллах* > *Хибатуллах* (араб. *Хибат* «дар, подарок, посвящение» + *Аллах*) – дар Аллаха [МИ, 115,270]; *Ибниямин* (араб. *Ибн* «сын» + *Амин* 1) «доверенный, уполномоченный» [МИ, 42,115]; 2) «да будет так, аминь» [АТРС, 17] – сын Амина, сын доверенного? [МИ, 19]; *Негмаш* (диал. ф.) > *Нигмат* > *Ни'мат* – араб. 1) «счастье, обилие, богатство»; 2) «кушанья, яства»; 3) «удовольствие, наслаждение»; 4) «милосердие, сочувствие, жалость» [МИ, 187; АРТС, 447]; *Сайфуш* > *Сайфулла* > *Сайфуллах* (араб. *Сайф* «меч, клинок, сабля» + *Аллах*) [МИ, 213]; *Осман/Гусман* > *Усман* – араб. «костоправ», компонент сложносоставного имени; *Муфассал* > *Муфаззал* > *Муфаддал* (араб. «симпатичный, приятный») [МИ, 175, 193]; *Мукай/Мухай/Мухамей* (диал. ф.) > араб. *Мухамет*, *Мухаммад* [Сатаров, 194]; *Тарзима* > *Тарзиман* > араб. *Тарджиман* «переводчик, толмач»; *Зягафер* > *Джагфар* > араб. *Джа'фар* «маленькая речка»; имя двоюродного брата Пророка Мухаммада [МИ, 96,232] и др.

б) Мужские личные имена персидского происхождения: *Кагарман/Кагирман* > перс. *Кахраман* «военачальник, герой»; *Бахтияр* перс. «счастливый» [МИ, 65, 131,137].

4. Имена из смешанных компонентов: 1) **тюрко-арабские имена:** *Ишмухамет* (тюрк. *Иш* – компонент сложносоставного имени «друг, спутник»+ араб. *Мухаммад* – имя последнего пророка); *Султанбик/Султанбэк* (араб. *Султан* «правитель государства» [МИ, 66, 127, 128, 224] + тюрк. *Бек* «правитель, вожь, господин, князь» [4: 91] и др.

2) **арабо-персидские имена:** *Ишамухамет* > *Ишанмухаммад* (перс. *Ишан* букв. «они», усеченная форма эпитета «их величие», впоследствии звание мусульманских шейхов + араб. *Мухаммад* – имя последнего пророка); *Ширгаз* > *Ширгази* (перс. *Шир* «лев» + араб. *Гази* «воитель, победитель») [МИ, 60, 291, 78]; *Адельша/Гадильша* > *Гадильшах* (араб. *Адил* «справедливый», эпитет мусульманских правителей + перс. *Шах* «царь, правитель») справедливый шах [МИ, 31,78, 287]; *Галимша* > *Галимшах* > *Алимшах* (араб. *Алим* «знающий, ученый» + перс. *Шах* «царь, правитель») [МИ, 39]; *Надырша* > *Надиришах* (араб. *Надир* «редкостный, бесподобный» + перс. *Шах* «царь, правитель» [МИ, 184]; *Аллайр* > *Аллахияр* (араб. *Аллах* + перс. *Йар* – антропокомпонент: 1) «дружба, помощь»; «друг, товарищ»; 2) стяж. форма от дар «обладатель» [МИ, 40,129] и др.

3) персидско-тюркские имена: *Атнабай* (перс. *Атна* – антропокомпонент: 1) «пятница»; 2) «неделя» + тюрк. *Бай* – антропокомпонент: 1) «господин, хозяин»; 2) «богатырь») [МИ, 49, 59]; *Рамаиш* возможно от новоперс. *Рамеш* «покой, отдохновение» [МИ, 200] или диалектальная уменьшительно-ласкательная форма другого имени, например, от имен *Рамал* (араб. «увеличение, возрастание») или *Рамай*; *Бакрамгуль* > *Бахрамкул* (др.-иран. *Бахрам* «победоносный»; название планеты Марс + тюрк. *Кул/Кол* 1) «раб»; 2) «рука») [МИ, 60,64] и др.

Таким образом, как показывают материалы «ревизских сказок» 1816 года, большую часть мужских личных имен пермских татар составляют имена арабо-персидского происхождения. В наших исследованиях имена тюркского происхождения в исследуемых «ревизских сказках» данного периода встречаются значительно реже. По своей структуре рассмотренные мужские личные имена являются однокомпонентными, двухкомпонентными и редко – трехкомпонентными. В большинстве случаев выявлены двусоставные имена. В науке известны, что двусоставные антропонимы представляют большинство. Например, считается, что у тюркоязычных народов (у казанских татар) имена арабско-персидской этимологии составляют 90% [14]. Таким образом, можно утвердить, что генетический состав мужских личных имен предков пермских татар к середине XIX века приобрел почти арабо-персидский характер.

Список литературы

1. АТРС – Арабско-татарско-русский словарь заимствований. – Казань, 1965. – 854 с.
2. Государственный архив Пермского края (Ф.111.Оп.1.Д. №№ 1868-1973).
3. Галиуллина Г.Р. Личные имена татар в XX веке. – Казань, 2000. – 112 с.
4. Древнетюркский словарь. – Л.: Изд-во «Наука», 1969.
5. МИ – Мусульманские имена: Словарь-справочник (Сост. Ибн Мирзакарим ал-Карнаки). – М.-СПб: “Изд-во “Диля”, 2012. – 448 с.
6. Мухаева З.А. Антропонимия пермских татар XVI-XVII веков// Казанская наука. – Казань, 2016. – С.86-89.
7. Мухаева З.А., Барсукова Р.С. Роль «ревизских сказок» в изучении личных имен татар Пермского края// Topical areas of fundamental and applied research XIII, Vol.2.-North Charleston, SC, USA:CreateSpace, 2017, p.108.
8. Мухаева З.А., Барсукова Р.С. Женские личные имена пермских татар в начале XIX века// Казанская наука. – Казань, 2017. – №9. – С.62-64.
9. Рамазанова Д.Б. Некоторые наблюдения над топонимией и антропонимией пермских татар // Ономастика Татарии. – Казань: 1989. – С. 58–66.
10. Саттаров Г.Ф. Сословные титулы и древнетатарские личные имена // Ономастика Поволжья. – Ульяновск, 1969. – С. 52-59.
11. Саттаров Г.Ф. Татар антропонимикасы. Монография. – Казан: Казан университеты нәшрияты, 1990. – 277с.
12. Саттаров Г.Ф. Булгарский пласт топонимии и антропонимии казанских татар // Ономастика Татарии. – Казань, 1989.
13. Татар теленең зур диалектологик сүзлеге. – Казан, 2009. – 839 б.
14. Хазиева Г.С. Историко-лингвистический анализ татарских мужских личных имен: автореферат дис. ... канд. филологических наук. – Казань, 2007. – 23 с.

10.02.00

Х.Б. Нургалина канд. филол. наук, Л.Г. Юсупова канд. педагог. наук

Сибайский институт (филиал) Башкирского государственного университета,
педагогический факультет,
кафедра русской, башкирской и зарубежной филологии,
Сибай, halidanurgalina@mail.ru,
Уральский государственный горный университет,
кафедра иностранных языков и деловой коммуникации,
Екатеринбург, lyalyax@bk.ru

ПРОЗВИЩА КАК ОСОБЫЙ ВИД АНТРОПОНИМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, РУССКОГО И БАШКИРСКОГО ЯЗЫКОВ)

В статье представлен анализ случаев прозвищ антропонимического происхождения, а также сфера употребления данных лексических единиц. Авторы рассматривают классификацию прозвищ и характерные особенности, определяющие национальную самобытность, условия жизни народа.

Ключевые слова: *прозвища, антропоним, происхождение, топоним, значение, особенность.*

Специфика прозвищ заключается в том, что они являются неофициальными именованиями и содержат в себе заметную черту характера, внешнего вида, деятельности человека. Основные функции прозвищ – это характеристическая, экспрессивная, контактоустанавливающая.

Классификация прозвищ основана на принадлежности существительных к определенному языку, территории, хронологическому периоду, социальным формациям. Прежде всего, следует отметить, что существующие классификации не повторяются, а взаимно дополняют друг друга.

Выделяют следующие структурные типы:

1) коренные или простые прозвища, которые состоят только из одного корня без каких-либо аффиксов: англ. *Carrot* (рыжий), *Fat*, *Jock* (прозвище шотландского солдата), *Wimp* (слабый человек без собственной точки зрения); русск. *Маугли*, *Босс*, *Лох*, *Трус*, *Враг*; башк. *Куюн* (трусика), *Төлкө* (хитрюга), *Быҙау* (мямля).

2) составные прозвища, состоящие из двух или более корней.

В таких составных псевдонимах первый компонент содержит следующие категории:

а) рост: люди высокого роста: англ. *Long John Silver*, *Tower of London*, *Skyscraper*, *Lamppost*; русск. *Кинг-Конг*, башк. *Бағанай* (Фэрит), *Һонтор Һаҙый*, *Һайғау Марат*, *Карағай Касим*; низкого роста: англ. *Tom Thum*, русск. *Гномик-домик*; башк. *Кәтүк* (Кэрим), *Иргәйел*.

б) цвет кожи: англ. *Brownskin*, *Charcoal*, *Crowskin* (афро-американцы), *Red-skin* (коренные американцы); русск. *Белоснежка*; башк. *Аҡһөйәк* (бледный человек), *Һарыбаи* (рыжий).

в) внешность: кривоногий человек- англ. *Bow leg*, русск. *Кривоножка*, башк. *Кәкре аяҡ*, *Камыт аяҡ*; кто носит очки- *Four Eyes*, русск. *Очконосец*, *Очкарик*, башк. *Дүрткүҙ*.

г) территориальную характеристику: англ. *Village boy* или *Village girl* (ребята из деревни), *Caucasian fellow*, *Alaskan girl*, *African boy*, *American guy*; русск. *Тульский самовар* (город Тула) *Девушка из Хацапетовки* (по кинофильму “Доярка из Хацапетовки”); башк. *Өфө кыҙы*, *ауыл малайы*, *Әбйәлил килене*, *Бөрйән айыуы*, *Һаҡмар һылыуы*.

д) национальный признак: англ. *Russian bear* (сильная личность); русск. *Еврей* (очень проворный и хитрый человек), башк. *Еврей* (*Мират*).

е) зоонимию: англ. *Peggy parrot* (человек с большим носом), *Birdbrain* (глупый). Географические места также имеют свои прозвища. Например, штат Флорида называется *Alligator State* из-за большого количества аллигаторов. Русск. *Змея Подколодная*, *Жук Жень*; башк. *Һайыҫкан* (*Гөлсәм*) (любопытная женщина), *Юха-йылан* (хитрый), *Тауы Ҡбаи* (глупый), *Ама Ҡаҙ* (вспыльчивый).

В сопоставляемых языках распространены и парные прозвища: англ. *Wishy-washy*, *Lanky-Panky*, *Georgie-Porgie*, *Peter Pumpkin-Eater*, *Humpty-Dumpty*; русск. *Галка-палка*, *Жади́на-Говя́дина*, *Злючка-Колю́чка*; башк. *Ғәли-мәли*, *Һаран Һаҙиә*, *Эльвир-йәлбер*.

Способ образования новых слов для сопоставляемых языков, как аббревиация, является непродуктивным, так как он ограничен сферой имен существительных. Например, *ДДТ* следует расшифровать как «*Департамент грязных трюков*». Он используется для организации ЦРУ; *ВДВ* следует расшифровать как «*Воздушно-десантные войска*»; в Учалинском районе Республики Башкортостан есть забавное топонимическое прозвище *АКШ*, которое должно быть расшифровано как «*Аҙнаи*», «*Кужай*», «*Шәрип*» - имена трех соседних деревень [1, с.99].

Имеются прозвища, сформированные на основе некоторых особенностей или свойств, коррелированных с характером, внешностью или образом жизни человека: *SS – Stupid Sam*, *FF – Foolish Frank*; *СС - Светлана Сидоровна*, *ДД - Дарья Даниловна*; *ШШ - шыбыр Шалауат*, *ВВ - Вил Вәлиевич*.

Прозвища не опираются на реальные свойства носителей, а извлекаются из содержательного смысла имени и фамилии, а также их созвучия с именем нарицательным. Такие наиболее нейтральные прозвища образуются путем усечения фамилии или имени. Но некоторые ученые все-таки считают, что «и такие прозвища свидетельствуют об известных отношениях между именуемым и именуемым, а, следовательно, и в них отражены определённые эмоции».

Лексико-семантическое ядро этой группы прозвищных именований – антропонимы, в центр ядра включаются такие единицы, как «отфамильные прозвища» и «прозвища от личных имен». Например, англ. *Abe – Abraham*, *Dave – David*, *Ed – Edward*, *Math – Mathew*, *Jim – Jimmy*, *Sam – Samuel*, *Arch – Archibald*, *Ben – Benjamin*; русск. *Колян -Николай*, *Василек -Василиса*, *Галка – Галина*, *Митяй – Дмитрий*, *Евгеша – Евгения*, *Макс – Максим*, *Арчи – Артур*, *Ден – Денис*, *Алка – Алла*, *Андрей-воробей – Андрей*, *Валюха – Валентина*; башк. *Сәсәк -Гөлсәсәк*, *Гөл – Гөлкәй*, *Ҡылыу – Ҡылыубикә*, *Әмүк – Рәмилә*, *Рамбай – Рәмил*, *Бикә – Гөлбикә*, *Салау – Салауат*, *Хөрнөй – Хөрмәт*, *Шома – Шамил*.

Среди отфамильных прозвищ можно вычленить те именования, которые совпадают с разного рода апеллятивами. «В основе их появления лежат многие принципы номинации» [Н.Н. Ушаков]. Например, англ. *Charlie- Chuck- Charlie*, *Derek -Dekker*, *Michael -Spike*; русск. *Воронов- Ворон*, *Щукин -Щука*, *Соколов- Сокол*, *Киселев -Кисель*, *Булкин- Булка*; башк. *Шәрипов- Шәрик*.

Как в русском, так и в башкирском языках часто фамилии обычно искажаются и упрощаются: «*Саныч*», «*Михалыч*», «*Касимыч*», «*Абдулыч*». Такие прозвища функционируют преимущественно в устной речи [2, с.119].

Прозвища, образованные по мотивировочному признаку «особенности поведения», «черты характера», «умственные способности», эмоционально насыщены, так как носят обидный характер или подчеркивают негативные или смешные черты именуемого: англ. *Harry-go-lucky- безразличный*, *Slow Joe-ленивый*, *Speedy- проворный, быстрый*, *Gabby- болтливый*, *Tom O'Dream – рассеянный*; русск. *Бука – мрачный*, *Дроботенко от Петросян- человек с юмором*, *Гром-Баба -женщина с твердым характером*; башк. *Алдарбай – лгун*, *Мәскәй әбей -грозная женщина*.

Можно вычленить и прозвища, отражающие деятельность и увлечения: русск. «*Гастарбайтер*» (нем. «*gastarbeiter*»), «*Журналиста*», «*Шумахер*» о том, кто любит скорость и риск, водитель мотоцикла, «*Валуев*» (человек, интересующийся боксом), *Джокер* –

любитель играть в азартные игры, “Ди-Джей”; башк. “Эртис”-артист.

Семантический анализ выявил национальные характеристики прозвищ. Например, бывший консервативный премьер-министр Великобритании *Edward Heath* был известен как “*Captain*”: прозвище содержит намек на то, что он любит яхты. На русском языке «Рэмбо» дается мальчику, который пытается казаться супергероем. Этот фильм был очень популярен в России в конце XX века. Людей, принадлежащих к различным башкирским кланам, прозвали, например: «*Кыпса Ктар*», «*түңгәүер Зәр*», «*юрматылар*» и т. д. [3, с.113].

В прозвищах заложена социокультурная информация, и они способны передавать социально значимую характеристику людей и их принадлежность к тому или иному корпоративному кругу [6, 1148].

Список литературы

1. Ласынова Н.А. Нургалина Х.Б. Особенности славянского (русского) пласта в башкирской оронимии. Казань:Казанская наука. 2017. №11.–С. 99-101.
2. Нургалина Х.Б. Эмоциональная насыщенность фразеологизмов с распространяемыми компонентами. Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 3-2 (57). С.118-120.
3. Нургалина Х.Б. Алдырханова-Каримова А.Р. Магическая сила слова. Казань:Казанская наука. 2015. №6. С.112-114.
4. Нургалина Х.Б. Стилистическая окрашенность фразеологических единиц в художественном тексте (на материале английского, немецкого, башкирского языков). Уфа, 2016. 89 с.
5. Юсупова Л.Г. Нургалина Х.Б. Эмоциональный концепт «страх» / «куркыу» в английской и башкирской языковых культурах. Уфа: Вестник Башкирского государственного университета.2017. С.1147-1150.

10.02.00

¹И.М. Солодкова канд. педагог. наук, ²Л.Р. Исмагилова канд. социол. наук,
³А.Р. Нурутдинова канд. педагог. наук, ⁴Е.В. Дмитриева канд. педагог. наук

^{1,2}Казанский (Приволжский) федеральный университет,
кафедра иностранных языков и профессиональной коммуникации,

³Университет Управления «ТИСБИ», кафедра филологии,

⁴Казанский Государственный Энергетический Университет,
кафедра иностранных языков,

Казань, IMSolodkova@kpfu.ru, nurutdinova@my.com, elenadmitrieva75@yandex.ru

СЛОЖНОСТЬ ПЕРЕВОДА СЕМАНТИЧЕСКИХ СТРУКТУР ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ОНОМАСТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Английская фразеология разнообразная и представляет большой интерес по своей форме и семантике. Как известно, словарный запас языка подвержен изменениям, именно поэтому Р. Кверк назвал его «открытыми воротами языка», через которые в язык проникают новые слова и фразеологические единицы. Фразеологический фонд изменяется, пополняется и обновляется, и, естественно, в него входят и новые фразеологизмы с именами собственными. В статье рассматривается фразеология в неразрывном единстве с историей, культурой, традициями и литературой нации, говорящей на данном языке, данное единство четко прослеживается во фразеологических единицах с ономастическим компонентом.

Ключевые слова: трудности английского языка, фразеологические единицы, ассоциативные связи, ономастический компонент, закономерности перевода семантических структур.

Introduction

Phraseological units consist of words, so the basis of semantic structure goes back to their lexical components interaction. The main feature of phraseological units is their wholly or partially rethought value. The smaller part is identified by individual lexemes; the most part can be defined only with the help of a phrase or a detailed description. The whole semantic system can be represented as “a microsystem, all elements of which are in close connection and interdependence among themselves” [3]. The semantic identity is in the specificity of the components combination. Thus, they act as part of the main semantic elements of the phraseological unit, and as links between them. These components are the semantics minimum units of the phraseological units and perform sense-determining or sense-forming functions.

On this issue, linguists hold opposing views: some linguists consider the element of a phraseological unit as “an external word formation that has lost its lexical meaning, dissolved in the phraseological unit” [10], while others recognise the verbal nature of these components. “The components of phraseological units can and should be considered as specifically used words” [1]. A phraseological unit cannot consist of components that are used in its literal meaning, even with the stability of the phrase. Thus, “phraseological units are formations with a close semantic connection of components, and the degree of this connection varies depending on the type of phraseological unit” [9]. One of the most common ways to isolate individual values of a phraseological unit is to analyse a phraseological unit based on dictionary definitions of phraseological and explanatory dictionaries.

Within the framework of this article, we consider the difficulty of translating associative links in phraseological units with an onomastic component. It is of specific interest is the analysis of the etymology of a proper name as a component of a phraseological unit, which allows us to limit the range of proper names that are most often found in phraseology.

The purpose of the article is to identify patterns of translation of semantic structures of English phraseological units.

Literature Review. The semantics of phraseological units has attracted the attention of phraseology researchers, who, noting the semantics specifics using the variety of names: generalising metaphorical meaning (S.A. Abakumov); semantic solidity (P.P. Kalinin); single integral value (V.V. Vinogradov); semantic idiomaticity (A.I. Smirnytsky), etc. Such abundance in names for designating the semantic specificity of phraseological units reflects the undoubted complexity of this phenomenon.

A turning point in the study of the phraseology of different languages was the work of V.V. Vinogradov [3], in which he distinguishes three types of phraseological units: Phraseological unions (i.e. idioms) are unmotivated units acting as word equivalents; Phraseological unity - motivated groups with a single holistic meaning, arising from the merging of the values of lexical components; Phraseological combinations are turns in which one of the components has a phraseologically related meaning, which manifests itself only in connection with a strictly defined range of concepts and their verbal designations.

A.I. Smirnytsky distinguishes two groups of phraseological expressions: phraseological units and idioms.

A.N. Kunin proposes to consider phraseology as a combination of three main types: idiomatic, idiophrasematics, and phrasematics [7]. This division is based on different types of the phraseological units: from more complicated to less complicated, where the lower limit of the phraseological unit is a double-word formation. In this case, one of the components can be a service word. The upper bound is a compound sentence. According to Kunin [4-7], "only proverbs can be phraseologisms with the structure of a complex sentence. Formations that go beyond a complex sentence are not units of the language and therefore cannot be phraseologisms" [9], which helps to distinguish phraseologisms from small genres of folklore like riddles, tales, counts, etc. Consideration of each phraseological unit as an element of the system, that is, in its relation to other phraseological units, is essential for understanding the phraseological meaning, or semantics.

Results and Discussion. Phraseology is closely connected with the history, culture, traditions and literature which is clearly seen in the phraseological units that include the proper name. Many fixed phrases of this type are associated with the facts of long-forgotten days, the motivation of a proper name (and the entire phraseological unit) has long since been erased and can only be established by etymological analysis. In synchronous terms, such phraseological units have long lost their motivation. For example: when the British use the expression "*Hobson's choice*", which implies the meaning "*the absence of any choice*", they often don't know that *Hobson* is the name of the real owner of a stable who did not give his clients the right to choose a horse. [5]

Being a component of a phraseological unit, a proper name follows the same laws as a collective noun in the common phraseological units. Often, a proper noun in a phraseological unit becomes a "potential word", "devastated" lexically, the meanings of a common gender is often observed, which in itself is proof of the abstract nature of a proper name in units of this type.

1. *Phraseological units, which include Biblical expressions.*

For centuries, the Bible has been the most widely read and quoted book in England. The result is the deep penetration into the language and frequent use of biblical expressions. Biblical expressions are found in the following idioms: A doubting Thomas – Фома неверующий; The apple of Sodom – красивый, но гнилой плод; Balm in Gilead – утешение; Job's comforter – горе-утешитель; To be at ease in Zion – блаженствовать в обетованной земле; He flesh-pots of Egypt – утраченное материальное благополучие

2. *Phraseological units, which include proper names from ancient mythology.*

Many among them and containing proper names [5]: Between Scylla and Charybdis – в безвыходном положении; A labour of Sisyphus – тяжелая, бесполезная работа; Achilles's heel – уязвимое место; To cross the Rubicon – сделать решающий шаг; To give a sop to Cerberus – умиротворить взяткой

3. *Phraseological units where the proper name is associated with the life, literature, English folklore.*

a. *Phraseological units with traditional male and female names.* Widespread English names became components of phraseological units and gave them a pronounced expressive-emotional colouring. So, the name *Jack* is associated with a cheerful guy, agile and cunning, sometimes corrupt. For example, the etymology of colloquial phraseology by the name of *Jack Robinson*, who made very short, visits to his acquaintances and left before they had time to report on him.

An echo of the old custom to call all people belonging to a particular profession, by anyone name, sounds phraseological unit of *Tom Tailor*, denoting a person or people engaged in the tailoring craft. In a generalised meaning, very close to the definition of pronouns, personal names are used in expressions [2]: to astonish the Browns – бросить вызов общественному мнению; More know Tom Fool than Tom Fool knows – дурак, болван; To sham Abraham – притворяться больным, симулировать; Johnny-come-lately – человек, пришедший в последнюю минуту.

b. *Phraseological units were containing real anthroponomy, which is associated with the names of prominent people:* monarchs, political figures, scientists and inventors, people famous for good or bad deeds [3]. *Bloody Mary* – was called Queen Mary Tudor. She was nicknamed by the Protestants, whom she cruelly persecuted. In everyday speech, this idiom is used in a completely different sense: a cocktail of vodka and tomato juice with ice; the drink received such an expressive name, which was the result of a metaphorical rethinking of a phraseological unit.

c. *Phraseological units with proper names, taken from literary sources.*

English literature and folklore greatly enriched the English language, bringing into it vivid, expressive images that are included in the everyday speech. Often, the names of the characters in novels, plays, poems, or fairy tales in their use are close to typical, denoting certain traits of a person's character or behaviour [3].

Shakespeare's plays were a rich source of English phraseology. We find proper names in idioms and in quotations created by Shakespeare, for example [6]: A Daniel come to judgement – честный проницательный судья; Hamlet with Hamlet left out – что-либо, лишённое самой сути.

4. *Phraseological units containing toponyms are allocated in a separate group, quite interesting from name-study, and from a regional historical point of view.* Toponyms, the cultural component is inherent due to the specifics of their correlation with the object and their activity in the implementation of the accumulative function. Most of them store real information about past eras, changes, migrations, etc., though at the same time, they are the sources not only of speech, language but also comprehensive information, understood as a complex of knowledge about an object, accessible to every member of a scientific team, who uses the given name. The realities denoted by the phraseological units are intimately connected with the geography and history of the country, the traditions existing or originated in the given locality, or the characteristic features of the inhabitants of specific regions, etc. All phraseological units denoting toponyms can be divided into *four subgroups*:

The first group includes the names of streets, districts, sights of London. These expressions brought us the old names that now exist in the city, which are reminiscent that had happened once in the squares and streets of London [8]: Tyburn blossom – молодой вор, юный правонарушитель; Dance the Tyburn Jig – быть повешенным, окончить жизнь на виселице; Fleet Street – английская пресса (здесь находились редакции крупнейших газет); Downing Street – правительство Великобритании; To talk Billingsgate – ругаться, как торговка на базаре; Smithfield bargain – нечестная сделка; Wardour Street English – речь, полная архаизмов

The second subgroup can be separate phraseological units with the names of English counties, regions, districts, cities, rivers, which reflect the history or traditions of the town, settlement: *to fight like Kilkeny cats* means “to fight until the mutual extermination, not for life, but for death”. Phraseological units are reflecting the place of a district, city, and village in social production or associated with crafts that are widely distributed in some regions of the country: *the expression to grin like a Cheshire cat*. Although this idiom appeared a long time ago, it became especially popular after the publication of the book by L. Carroll “Alice in Wonderland”.

Phraseologisms with geographical names have arisen according to different associations, among which it is possible to single out the production trait associated with a given locality [1]: To carry coals to Newcastle – *везти что-нибудь, где этого и так достаточно*; Donnybrook Fair – *шумное сборище, базар*; Shipshape and Bristol fashion – *в полном порядке*; Colchester natives – *устрицы*; A wise man of Gotham – *недалекий человек, простака*.

Often in the phraseological units appears the word *Dutch* with a negative value. This use of the word goes back to the Anglo-Dutch competition in the seas and wars in the XVII century. Everything connected with Holland was considered erroneous, and vice versa, the epithet “Dutch” could be assigned to any negative phenomenon: “*A Dutch reckoning*” is a bill that the innkeeper increases in case of a visitor’s protest were expressing dissatisfaction with too much money (the more the visitor protests, the higher the bill becomes). The remaining units of this subgroup include the names of countries in the United Kingdom: *the curse of Scotland, the Prince of Wales, Irish bull*. By analogy with the names of the English counties had a joking proper name to “*go to Bedfordshire*”. Some linguists refer to such phraseological units as ethnonyms [5].

Phraseological units with a proper name, originating on American soil, are virtually indistinguishable from the original British. They include proper names associated with American reality, history, literature, everyday life, etc. As a rule, these are phraseological units with toponyms: Arkansas lizard – *вошь*; Broadway boy – *картежник, крикливо одетый человек, дамский угодник*; California blanket – *газета, в которую заворачиваются бездомные, устраиваясь на ночлег*; Chicago overcoat – *гроб*; Coney Island – *передвижной киоск, где можно быстро перекусить*; Michigan roll – *пачка бумаги, прикрытая купюрами, «кукла»*; Milwaukee goiter – *пивной живот*.

The considered slangs with proper names have emotional and expressive colouring, expressing the speaker's attitude towards him. Based on the preceding, we can conclude that the proper name, become part of a phraseological unit, acquires meaning and, being its component, obeys the same laws as the common name.

Conclusion. Phraseological unit is a bright figurative expression (idiom, proverb, and saying) with rethought semantics of its components, the originality of which is based on various grammatical, lexical, semantic dependencies between them, and the specificity of phraseological meaning is determined by the properties of words - lexical components of a phraseological unit, and internal phraseological connections.

In the phraseological unit, the proper name has a specific meaning and gives the entire utterance a strongly pronounced emotional colouring and semantic expressiveness. The primary function of homonym in speech is the function of isolation and identification. We classified homonym in connection with the named objects and made the following conclusions:

1. Every nation in each epoch has a name-study, including proper names of different spheres of homonym space. In English, unlike Russian, such a category as ethnonyms stands out as a particular category of homonym vocabulary, the components of which are always written with a capital letter.
2. With all its diversity, proper names are distinguished by the individual application and certainty of the named object, with which they are connected in the act of nomination.
3. Proper names impart certainty and concreteness to the statement and serve to individualise individuals, as well as geographic and other objects, which are considered separately.
4. Proper names are diverse. Their separate types are a little similar to each other. As a result, it is difficult to single out their standard features, except that these are proper names.
5. Proper names have no common semantics. They call named objects by their sound, and not by the lexical meaning of the basics.
6. Proper names become like reference points in interlingual communication and, thus, in the study of foreign languages.

We believe that little attention is paid to the proper name in linguistics. As we said earlier, the proper name is an essential link in interlanguage communication. This valuable property has given rise to the common illusion that proper names do not require special attention when learning English and when translating from it. Almost nothing is said about them in language textbooks. But

such an approach is based on deep delusion. Proper names help to overcome the language barrier and serve for a unique, individual designation of the subject irrespective of the situation described.

Список литературы

1. Grigorieva E.V., Solodkova I.M. The concept of a phraseological unit and paremia: language image. Казанская наука. 2018. №6. С. 61-65.
2. Nurutdinova A.R., Zakieva Z.R., Astafeva A.E., Galiullina E.I., Dmitrieva E.V. Awareness in acquisitive understanding of second language oral aspect: intercultural, socio-cultural and cross-cultural reflections. XLinguae. 2017. Т. 10. № 4. С. 69-83.
3. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – С. 140-161.
4. Кунин А.В. Асимметрия в сфере фразеологии // Вопросы языкознания. – М., 1988. – No 3. – С. 98-107.
5. Кунин А.В. Вопросы английской фразеологии (коммуникативный и фразеологический аспекты). - М., Высш. шк., 1987.-148с.
6. Кунин А.В. Имплицитность – один из системообразующих факторов фразеологической семантики: Об имплицитном компоненте фразеологического значения // Сб. науч. тр. / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза. – М., 1986. – Вып. 262. – С. 20-28.
7. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – 2-е изд., перераб. – Москва: Высшая школа, Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996.
8. Нурутдинова А.Р., Дмитриева Е.В. Проблема изучения второго языка при разработке курса "академический английский для магистров и аспирантов" (на примере обучения по естественным и техническим направлениям подготовки). Вестник вятского государственного университета. 2017. № 11. С. 178-184.
9. Федуленкова Т.Н. Универсальные способы семантической зашифровки денотата соматических фразеологических единиц (на материале английского, немецкого и шведского языков) // Актуальные проблемы сопоставительного языкознания и межкультурные коммуникации: Материалы науч. конф. – Уфа: Башкир. гос. ун-т, 1999. – С. 205-207.
10. Шайдуллина А.Р., Нурутдинова А.Р. Система иноязычной межкультурной коммуникации: анализ методических направлений в обучении речевой деятельности: неязыковые вузы. Общественные науки. - 2016. - №6-1. – С. 6-12.

10.02.00

Ц.Ц. Огдонова канд. филол. наук

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский государственный университет»,
Педагогический институт,
кафедра филологии и методики,
Иркутск, irk-tsytena@mail.ru

К ВОПРОСУ О КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОМ МОДЕЛИРОВАНИИ НАУЧНОГО КОНЦЕПТА «ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ»

Статья посвящена изучению проблемы лингвокогнитивного описания и интерпретации научного концепта «языковая ситуация» как конструкта концептуальной рефлексивности в рамках научного дискурса. Представлена когнитивно-дискурсивная модель данного концепта, репрезентирующая полипарадигмальный подход к изучению языковой ситуации.

Ключевые слова: *научный концепт, научный дискурс, языковая ситуация, когнитивно-дискурсивная модель, полипарадигмальный подход.*

В настоящее время вопросы описания и интерпретации научных концептов как лингвокогнитивных образований довольно часто встречаются в лингвистических исследованиях, осуществляемых, как правило, на основе концептуальной рефлексивности ученых в контексте общей проблемы формирования научной картины мира.

Являясь единицами научной картины мира, научные концепты имеют фреймовую организацию представления научного знания и вербально маркируются посредством терминов в рамках соответствующего научного дискурса. В нашем понимании научный дискурс функционирует, с одной стороны, как результат – система научных текстов, в которых актуализируется научная картина мира, существующая в многомерном временном пространстве, определяемом стратегиями реализации цели и задач конкретного исследования; с другой стороны, – как процесс создания, трансляции и использования знания в сфере научной деятельности и коммуникации.

В целом научные концепты как «лингвокогнитивные образования и конструкты научно-исследовательской рефлексии могут выступать в качестве источника смыслопорождения научного текста и научного дискурса» [3]. Подобные концепты В. И. Карасик называет ключевыми, отмечая их большую генеративную силу в том плане, что «вокруг них концентрируется обширная смысловая область» [2]. В этом же ключе, вслед за Т. А. ван Дейком, рассуждает и В. З. Демьянков: «Дискурс – «произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения. Часто, но не всегда, концентрируется вокруг некоторого опорного концепта: создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т.п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который «строится» по ходу развертывания дискурса...» [1].

Таким образом, становление дискурса и формирование принадлежащих ему концептов выступают как сопутствующие друг другу и взаимосвязанные процессы, т.е. отношения концепта и дискурса носят *двунаправленный характер*: не только тот или иной тип дискурса объединяет в себе определенные концепты, но и концепты, неся на себе отпечаток того дискурса, к которому они по преимуществу принадлежат, обладают способностью некоторым образом направлять коммуникацию, порождая вокруг себя определенный дискурс. В связи с этим научный концепт представляет собой когнитивно-дискурсивную единицу особого рода, сферой бытования которой является научный текст, вернее, совокупность научных текстов, содержащих информацию об основных формально-содержательных характеристиках и интерпретационном поле данного концепта в научном дискурсе.

В качестве одного из ключевых в современной лингвистической концептосфере выступает концепт «языковая ситуация» – конструкт, являющийся сегментом лингвистической картины мира, имеющий широкий интенциональный потенциал и опирающийся на понятие языковой ситуации (далее ЯС).

Мы исходим из того, что в результате концептуализации феномена ЯС формируется соответствующий научный дискурс, который, во-первых, составляет содержание интегративной концепции ЯС, в соответствии с которой изучение ЯС предполагает сопряжение нескольких научных парадигм, в частности социолингвистической и лингвокультурологической [4]; во-вторых, инкорпорирует репрезентативный корпус дискурсивных событий, пропозиционально связанных с *топиком* дискурса, в роли которого выступает анализируемый концепт. Топик в данном случае как *тема* дискурса формально представлен в виде имени анализируемого концепта – *языковая ситуация*. В научном дискурсе рассматриваемый концепт приобретает статус глобальной (тематической) стратегии, определяющей интенциональность вербализации и интерпретации данного концепта, обеспечивая тем самым когерентность дискурсивной реализации его содержания.

Мы полагаем, что в соответствии с полипарадигмальным подходом научный дискурс о ЯС дифференцируется на два вида: социолингвистический и лингвокультурологический. В каждом из них представлена определенная фреймовая модель (структурированная совокупность субконцептов) рассматриваемого концепта (см. рис. 1).

Данная модель отражает иерархичное устройство научного дискурса о языковой ситуации. Поскольку ЯС выступает одним из главных объектов социолингвистики, базовой частью научного дискурса о ЯС является социолингвистический дискурс – совокупность дискурсивных событий, репрезентирующих социолингвистическую парадигму исследований ЯС. Лингвокультурологический дискурс о ЯС, по нашему мнению, занимает периферийное положение в силу недостаточной разработанности проблемы ЯС как лингвокультурного феномена и слабой рекуррентности исследований подобного характера в лингвистическом пространстве.

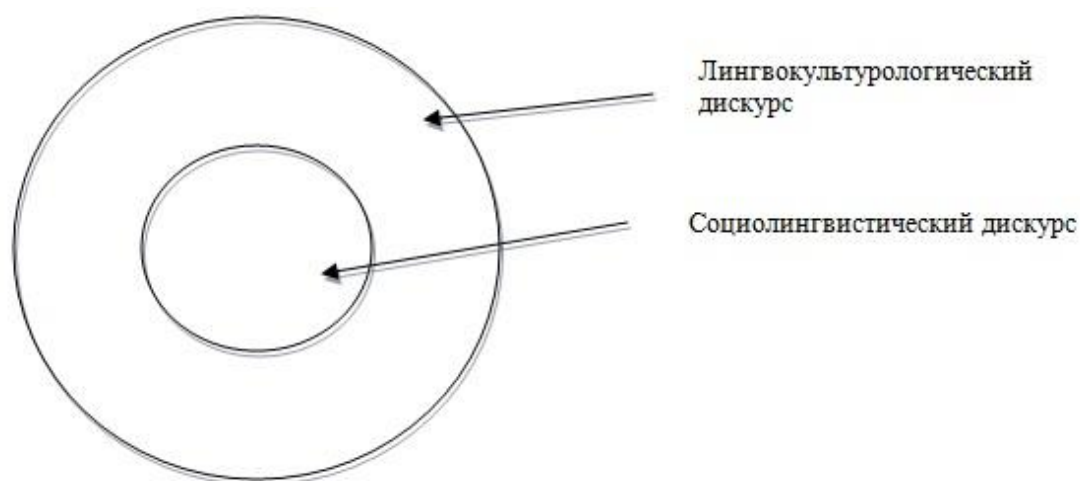

Рис. 1. Научный дискурс о языковой ситуации

На основе вышеуказанной модели строится когнитивно-дискурсивная модель концепта «ЯС», которая интерпретируется посредством выделения парадигмальных дискурсивных слоев. Основание данной модели составляет базовый социолингвистический дискурсивный слой, наполняемый совокупностью субконцептов, репрезентирующих социолингвистический концепт «языковая ситуация» как целостное образование (см. рис. 2).

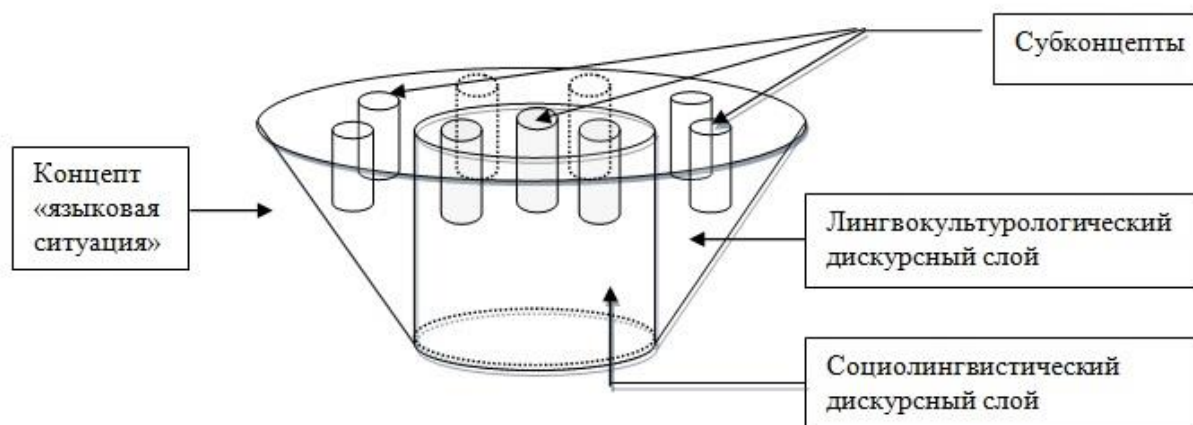

Рис. 2. Когнитивно-дискурсивная модель концепта «ЯС»

В данной схеме представлена общая модель когнитивно-дискурсивной интерпретации концепта «ЯС», более конкретное воплощение она получает в виде фреймовой модели анализируемого концепта в каждом из дискурсных слоев. Фреймирование, в свою очередь, учитывает ядерно-периферийный тип организации дискурса: ядерная, инвариантная часть характеристик ЯС имеет пропозициональный характер, периферийная часть репрезентирует региональное своеобразие существования культурно-языковых систем.

Таким образом, содержание концепта «ЯС» интенционально обусловлено и параметризуется парадигмально, т.е. в зависимости от парадигмы/парадигм исследования. Комментируя данное положение, отметим, что при полипарадигмальном подходе необходимо отдельное рассмотрение парадигм интерпретации концепта, т.к. каждой из них соответствует своя аксиоматика и методология изучения. Однако следует учитывать то, что данные парадигмы не изолированы, они составляют содержание интегративной концепции и в своей совокупности служат основанием для позиционирования ЯС как научно значимого концепта.

Список литературы

1. Демьянков В. З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Вып. 2. Методы анализа текста // Всесоюзный центр переводов. Тетради новых терминов, 39. Вып. 2. – М., 1982. – 90с.
2. Карасик В. И. Характеристики педагогического дискурса // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики. – Волгоград: Перемена, 1999. – С. 11.
3. Огдонова Ц. Ц. Лингвокогнитивный аспект интерпретации научного концепта // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – Челябинск: ЧелГУ, 2010. – № 34 (215). – Выпуск 49. – С. 85.
4. Огдонова Ц. Ц. Методологические установки интегративной концепции языковой ситуации // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». – Волгоград: «Перемена», 2010. – № 2 (46). – С. 15-19.

10.02.00

¹О.В. Праченко канд. филол. наук, ²Е.С. Хованская канд. филол. наук,
²Л.Н. Юзмухаметова канд. филол. наук

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт международных отношений,
¹кафедра теории и практики перевода,
²кафедра иностранных языков для социально-гуманитарного направления,
Казань, oksana.oksana@mail.ru, katja.khovanskaya@gmail.com, LNJuzmuhametova@kpfu.ru

ПЕРЕВОД ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ИНДУСТРИИ МОДЫ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Работа посвящена англицизмам дискурса моды в русском языке. На основе тщательного анализа теоретических работ и терминов индустрии моды в периодических изданиях, глянцевых журналах и электронных ресурсах, исследователи выявляют терминологические единицы индустрии моды и раскрывают основные способы их перевода с английского на русский язык. Авторы указывают на отсутствие специализированных словарей индустрии моды и необходимость их разработки.

Ключевые слова: перевод, терминологические единицы, дискурс моды.

Язык и мода неразрывно связаны. Ни один язык не может существовать отдельно от общества, любая культура порождает моду. Мода всегда была объектом многих научных исследований, поскольку она интересовала специалистов различных областей – философов, историков, дизайнеров, кутюрье, искусствоведов, психологов. Лингвистика изучает моду со стороны ее реализации в текстах.

В рамках нашей статьи мы рассмотрим язык индустрии моды как профессиональный подязык, который являясь одним из «вариантов реализации общенародного языка, используемый ограниченной группой его носителей в условиях как официального, так и неофициального общения» [1, С. 4], обеспечивает коммуникацию людей занятых в сфере моды, а также выступает способом выражения оппозиции «свое»/«чужое».

Важную роль в формировании русской терминологии индустрии моды играет английский язык. Развитие международных связей и средств массовой информации, формирование международного рынка создали основу для интернационализации моды.

Заемствованные термины активно входят в русскую терминологическую систему в настоящее время. В этой связи, в нашем исследовании можно согласиться с утверждением М. В. Избицкой, что «лексический состав языка динамичен и меняется исторически в соответствии с новыми задачами коммуникации и практическим использованием языка, поэтому именно в лексике быстро отражаются все изменения, происходящие в общественной жизни, культуре, политике. Это неизбежно влечет за собой создание новых наименований, изменение значений у ранее известных лексических единиц» [3, С. 302]. При этом можно выделить характерные особенности употребления новой лексики, а именно «1. вхождение в язык большого количества иноязычных элементов для номинации новых явлений, предметов, понятий; 2. включение иноязычных элементов в грамматическую систему русского языка; 3. включение в русский текст слов в оригинальном написании или произношении (ноу-хау, haute couture, e-mail); 4. заимствование английских слов даже в том случае, если в русском языке существует полный синоним к заимствованному слову (застой - стагнация); 5. замена «обрусевших» заимствований на их американские аналоги (экран - дисплей); 6. уменьшение тенденции калькирования; 7. сохранение структуры иноязычных слов при их заимствовании; 8. более частое употребление иноязычных слов в устной речи, чем в письменной» [2, С. 11].

При переводе терминов индустрии моды с английского языка на русский язык, можно выделить следующие тенденции:

1) полностью ассимилированные в русском языке английские слова (обычно это давние заимствования): *тренч, джинсы, бренд* – отвечающие морфологическим, фонетическим и орфографическим стандартам русского языка;

2) частично ассимилированные слова (например, могут быть не ассимилированы фонетически, орфографически или грамматически: *угги, дерби, look*);

3) слова, не ассимилированные ни в каком отношении (*must-have, casual, fashion*);

4) слова, часть которых передается на русский язык и латиницей и кириллицей, например, *fashion-команда, fashion-показ, beauty-салон, fashion индустрия*.

Рассмотрим английские и американские термины из индустрии моды, которые были заимствованы русским языком, и особенности их перевода, указанными в порядке убывания по количеству в исследованном материале.

1. Транскрипция: *fashionista* – *фэшиониста* (поклонники модной индустрии, которые следят за всеми новинками); *guid line* – *гайд-лайн* (ключевые образы коллекции или ее лейтмотив); *lookbook* – *лукбук* (коллаж образов, который создается дизайнерами, маркетологами, стилистами, fashion-редакторами); *must-have* – *маст-хэв* («необходимо иметь»). Это вещь, которую можно назвать ‘культовой’, ‘знаковой’, ‘правильной’ и ‘актуальной’ в данный момент времени); *outfit* – *аутфит* (полный комплект одежды); *body* – *боди* (обтягивающий предмет одежды, закрывающий туловище и напоминающий слитный купальник); *cape* – *кейп* (пальто-накидка с прорезью для рук); *windproof* – *виндпруф* (одежда, защищающая от ветра).

2. Транслитерация: *TFP (time for prints)* – ТФП (соглашение между фотографом и моделью, когда модель позирует фотографу, получая вместо оплаты несколько самых лучших фотографий из фотосессии); *temdera* – *темдера* (легкие сапоги на лето); *plum* – *плюм* (небольшая сумочка на петле); *parka* – *парка* (теплая куртка с капюшоном, длиной до верхней части бедра, застегивается на молнию, а талия затягивается шнуром на кулиске); *norfolck jacket* – *норфолк* (аристократический охотничий пиджак, однобортный, имеет накладные карманы и пояс на талии); *covercoat* – *коверкот* (легкое мужское пальто, представляющее собой удлиненный пиджак); *baggy jeans* – *багги* (свободные, мешковатого вида, спущенные на ягодицах джинсы).

3. Калькирование: *Mary Jane Shoes* – *туфли «мэри джейн»* (модель была создана изначально для детей, на плоской подошве, с круглым носом и ремешками на подъеме); *little black dress* – *маленькое черное платье*; *vintage style* – *винтажный стиль*.

4. Экспликация – *vintage dress* – *платье в винтажном стиле*; *bell-bottomed trousers* – *брюки клеш*, *one shoulder dress* – *платье с лямкой на одном плече*; *long-slung jeans* – *джинсы с заниженной талией*; *smoking jacket* – *пиджак, в котором курят* (данный тип пиджака раньше был домашней одеждой. Когда мужчина собирался покурить, он надевал данный пиджак. Он защищал его от запаха дыма и падающего пепла); *aviator sunglasses* – *авиаторы* (солнцезащитные очки каплевидной формы, выпущенные в 1937 году фармацевтической компанией Bausch&Lomb под новой торговой маркой Ray-Ban); *ivy style* – *стиль американских студентов Лиги плюща* (стиль золотой молодежи 80-х. Лига плюща – ассоциация восьми знаменитых частных американских университетов, Брауновский, Гарвардский, Йельский, Колумбийский, Корнелльский, Пенсильванский, Принстонский университеты и Дартмутский колледж).

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что проблемы, возникающие при переводе терминов индустрии моды с английского на русский язык, имеют универсальный характер. Такими проблемами, в частности, являются перевод терминов, не имеющих аналогов в языке перевода, адекватная передача сокращений, неполнота и недостаточное количество (редкость) тематических словарей. Наиболее частотным способом перевода иноязычных терминов индустрии моды на русский язык является транскрибирование. Это можно объяснить расширением живых контактов, когда иностранные слова воспринимаются на

слух и потом произносятся и пишутся в соответствии с их звучанием. Отсюда возникают различные варианты произношения и написания терминов в результате перевода, что в свою очередь говорит том, что одним из актуальных вопросов, подлежащих разработке, в настоящее время выступает лексикография терминов индустрии моды, их фиксация в словарях – либо в первоначальном графическом виде, либо в калькированном, транскрибированном или транслитерированном виде.

Список литературы

1. Баранникова Л. Н., Массина С. И. Виды специальной лексики и их экстралингвистическая особенность // Язык и общество. Межвуз. сб. науч. трудов – Вып. 9. Саратов: Изд-во СГУ, 1993. – С 3-15.
2. Дуплийчук, В.А. Новейшие англоязычные заимствования в русском языке в свете теории перевода: автореф. дис. ...канд. фил. наук: 10.02.04, 10.02.20 / Дуплийчук Валентина Анатольевна. – СПб., 2010. – 21 с.
3. Избицкая М. В. Словообразовательные особенности новой английской лексики из сферы «культура» (по материалам электронного словаря «Word Spy») // Известия высших учебных заведений. Сер. «Гуманитарные науки». – 2013. – №4. – С. 302-307.

10.02.00

Г.С. Сатаева д-р филол. наук, Н.А. Сидорова д-р филол. наук, И.Н. Тупицына

Военный университет Министерства обороны РФ,
факультет иностранных языков,
кафедра английского языка,
Москва, natuzz@rambler.ru

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛИЧНОСТНОГО ВЫБОРА

Авторы статьи исследуют личностный выбор коммуникантов по поводу их представлений о личных отношениях в речевой коммуникации и отношениях к окружающей действительности. Анализируются причины такого рода представлений и их языковая реализация. Личностные мотивы коммуникантов изучаются на основе деятельностного, интерактивного подхода к пониманию сущности речевой коммуникации.

Ключевые слова: *личностный выбор, коммуникант, речевая коммуникация, языковая реализация.*

Проблемами личностного выбора, личностного становления озадачивались еще древние философы: древнеиндийские мудрецы рассматривали зависимость качества человеческой жизни от развития и совершенствования личности, Демокрит, Сократ и Эпикур ставили во главу угла человеческой жизни личностное развитие, Плутарх, Сенека первостепенное значение придавали нравственному выбору. Философы и гуманисты 18-19 веков в качестве выбора личности обосновывали веру в духовное развитие; Г.Гегель, И.Кант, И.Фихте, Ф.Шеллинг особое внимание сосредоточивали на исследовании проблем нравственности и общечеловеческих ценностей.

В 20 - 21 веках в центре внимания не только философов, но и лингвистов, психологов и педагогов оказался сам человек, его ценности, его отношения с другими людьми в социуме. В лингвистике такого рода парадигма имеет название антропоцентрическая, а лингвистика - антропоцентрическая лингвистика. Истоки обозначенного направления коренятся в концепциях двух главных научных традиций: картезианской, видными представителями которой считаются Ф. Соссюр, Л. Блумфилд, Н. Хомский, Ш. Балли, А. Мейе, и гердерианской, представленной такими учеными, как В. Гумбольдт, Ф. Боас, Э. Сепир, К. Фосслер, А.А. Потебня и др. Согласно первой традиции, язык рассматривался как система тождественных себе форм, а все индивидуальные речевые акты считались лишь «неуловимыми и ненужными обертонами неизменного тона языковых форм»; согласно второй традиции, язык представлялся как деятельность, как неповторимый индивидуально-творческий акт, а система языковых форм при этом воспринималась как «...омертвелое отложение действительности языкового становления» [1].

В отечественной лингвистике настоящего времени закрепилось отношение к пользованию языком как к деятельности, т.е. человек рассматривается в его речевой деятельности, которая оказывается возможной лишь в социальном окружении и, соответственно, социальном взаимодействии. Известные ученые внесли неоспоримый вклад в становление деятельностной парадигмы в языковедческой науке: Л.С.Выготский, А.Н.Леонтьев, А.А.Леонтьев, Н.И. Жинкин, Е.Ф.Тарасов, Е.В. Сидоров и др. Как отмечал проф. Е.В.Сидоров, «поскольку социальное взаимодействие осуществляется через акт речевой коммуникации, постольку природа последнего самым существенным и значительным образом определяется социальным взаимодействием» [6].

Как указывает А.А.Бодалев, личность соткана из отношений, а отношение ее к чему-то или к кому-то представляет собой психическое образование, в котором аккумулируются и интегрируются результаты познания ею окружающего мира и отношений в нём [2]. В основе

отношений личности к событиям, к другим людям лежат общечеловеческие ценности, на базе которых строится личностный выбор речевого поведения, выбор единиц языка, выбор моделей речи. На основе ценностей личности формируются и оценки ситуации, поступков других людей.

Личность, включенная в речевую коммуникацию, становится коммуникативной личностью. Коммуникативная личность в своей языковой форме становится языковой личностью. В структуре языковой личности существенное место занимают личностные представления об окружающей действительности, о личных отношениях партнеров по коммуникации, которые наряду с мотивом, ценностями, концептами побуждают коммуникантов к определенному употреблению языковых средств. Например:

- *Я давно о вас слышал. Раздражаете вы меня. Мучаете. Невысокий вы рангом, да и незаконный родом, а позволяете себе такое...*

В данном примере явно демонстрируется личностный выбор коммуниканта - обозначить своё личное отношение к адресату и его действиям: *давно о вас слышал, невысокий вы рангом, да и незаконный родом, а позволяете себе такое*. Другими словами, говорящий использует словесные формы, актуализирующие его личностные предпочтения, связанные с представлениями о происхождении и социальном статусе партнера. Предъявляя адресату такой текст, он, возможно, желает не только показать свое личное отношение, но и каким-то образом воздействовать на партнера, в данном контексте, побудить его не совершать подобных поступков.

Что же касается индивидуальных мотивов, ценностей и нравственного потенциала говорящего, то вполне понятно, что идеальным речевым выбором говорящего будет следующий речевой ход: «позволить себе определенное речевое и неречевое поведение может человек соответствующего ранга и рода». Именно данные основания коммуникативной личности, скорее всего, и побуждают говорящего к употреблению именно тех, а не иных языковых средств.

Исследовать функционирование языка в речевом общении стало возможным с возникновением прагматических исследований и с поворотом лингвистики к человеку, его мотивам и потребностям. Дж. Личем было отмечено, что семантическая репрезентация предложения отлична от его прагматической интерпретации, что принципы прагматики мотивированы целями коммуникации, что прагматические объяснения функциональны и что прагматика имеет дело с межличностными отношениями и текстом [10].

Исследуя личностный выбор коммуникантов по поводу личных отношений в речевой коммуникации, мы считаем необходимым выделить следующие существенные аспекты диалога: знания или представления говорящего о личной картине мира, о личностных предпочтениях, об эмоциональном состоянии адресата и о возможных способах вербального манифестирования (связанных с обозначением личных отношений, действий, ситуации, мнений, установок, интенций, эмоций и оценки относительно самого себя и относительно партнера); учет знаний адресата о себе, мнений о себе и т.д.; ориентировку на социальные роли и статус адресата в соотношении с собственными ролями и статусом. Диалог строится как сложное речевое произведение, в нем отражается коммуникативное событие устного контактного, непосредственного, по преимуществу, общения (мы исследуем общение на естественном языке).

Для функционирования речевой коммуникации важно, какие личные, персональные ценности коммуниканты актуализируют в диалоге: какие личностные предпочтения определяют личные отношения между партнерами по коммуникации. Такой выбор имеет определенный характер, он демонстрирует, как связаны представления индивидов о личных отношениях с внешним миром. Е.Ф. Тарасов полагает, что абстрактные понятия являются способом овнешнения сознания. Развивая мысль профессора, отметим, что представления о личных отношениях и выбор личностных предпочтений является частью абстрактных понятий. Мы поддерживаем позицию ряда современных исследователей, которые считают, что в настоящий момент анализ понятийного аспекта семантики является наиболее значимым, т.к.

именно слово служит неременным условием социализации личности. В последнее время появляется весьма значительное количество понятий, культурный смысл которых становится все более размытым. Феномен семантической опустошенности - это не просто явление, представляющее интерес для лингвистов. Утеря смысла экзистенциальных, а следовательно, и ценностных феноменов, свидетельствует и о разрушении самосознания как личности, и о потере личностной самоидентичности, что наиболее ярко проявляется в определенной интерпретации индивидом личных отношений, отражающих их общечеловеческие ценности.

Люди обладают различными личностными мотивами, ценностными установками, обуславливающими их жизнедеятельность и речевую деятельность, в частности. В основу функционирования личностных мотивов входит общая деятельность людей, выраженная обычаями, традициями, законами. «То, что необходимая структура человеческого бытия состоит из понимания бытия – это не теоретический постулат, а факт», - замечает швейцарский психолог М.Босс [3]. Поскольку понимание бытия индивидом включает в себя личностное к нему отношение, то необходимая структура человеческого бытия приобретает личностную составляющую. Сторонники герменевтической методологии исследуют духовную жизнь, исходя из онтологически априорного определения человеческого бытия как воли к смыслу [9], и это позволяет существенно продвинуться в психолингвистической интерпретации выбора личностью определенного типа коммуникативного поведения, личных отношений, в раскрытии базовых компонентов мотивации и движущих сил личностного становления.

- *It's sweet of you to say so.*

- *Flattering, aren't you?*

- *Why, you're only in the suburbs of it, so to speak.*

- *Lily, don't you think you're making too much of this?*

- *Don't get smart.*

(- *Как мило, что ты это сказал.*

- *Ты ведь хотела мне польстить, да?*

- *Э, да ты имеешь лишь смутное представление о вопросе, если так говоришь.*

- *Ты придаёшь этому слишком большое значение.*

- *Не умничай.) (Maugham W.)*

Приведенный пример со всей очевидностью показывает нежелание партнеров по общению выбрать кооперативный способ ведения диалога, в результате чего, в коммуникативной ситуации партнеры демонстрируют шкалу поведения: от негативного до агрессивного. Под влиянием эмоционально оценочной речи адресанта (*-It's sweet of you to say so; - Why, you're only in the suburbs of it, so to speak; - Don't get smart*) эмоциональное состояние реципиента формируется и развивается таким образом, что вызывает его ответные, деструктивные, агрессивно-оценочные реплики (*-Flattering, aren't you?; - Lily, don't you think you're making too much of this?*). Очевидно, что автор первой реплики, пытаясь установить контакт, начинает разговор с ободряющего речевого шага (*-Как мило, что ты это сказал*), но т.к. его партнер не разделяет предъявленного заявления и, очевидно, не верит говорящему, ответная реплика (*- Ты ведь хотела мне польстить, да?*) оказывает определенное иллокутивное действие на адресата, и в результате этого эмоциональное состояние коммуниканта 1 меняется. Этот шаг влечет за собой вербальное разрушение коммуникации, т.к. коммуниканты демонстрируют личную неприязнь друг к другу (*- Э, да ты имеешь лишь смутное представление о вопросе, если так говоришь; - Не умничай*). Совершенно очевидно, что личностная интерпретация событий, личные отношения и представления о них у коммуникантов имеют перлокутивный эффект на коммуникативную деятельность друг друга, перестраивая ее тем или иным, но всегда определенным образом, по воле говорящего. Соглашаясь с Е.М. Вольф, мы полагаем, что такого рода «высказывания могут рассматриваться как особый вид иллокутивных актов, где действуют специфические именно для них иллокутивные силы, целью которых является вызвать у собеседника перлокутивный эффект – эмоциональную реакцию» [4].

Исследовать личностные мотивы, смыслы, из которых кристаллизуется мысль, будет правильно и уместно на фоне дискурса, широко изучаемого в современной лингвистической науке. Прагматические исследования речевой коммуникации, диалогического дискурса объясняют разнообразие личностных смыслов в том, что они могут иметь разный субстрат. Они могут быть связаны, в частности, и с обычными языковыми знаками, но в любом случае их наполнение психично, в любом смысле в них содержится то или иное личностное отношение, предпочтение, та или иная ценность. Если «материальные носители языковых знаков, актуализирующих ассоциированные ценностные значения ментальных программ» участников общения имеют возможность способствовать инвариантности восприятия одного текста разными реципиентами, тогда «вариативность – это также следствие неидентичности ценностей реципиента, привносимых в акт восприятия. Данная вариативность позволяет говорить о том, что в каждом акте производства и в каждом акте восприятия текста в диалоге мы имеем уникальный по своим характеристикам текст. Эта уникальность создается миром идеальных образов, которые принадлежат автору как производителю текста и реципиенту как читателю/слушателю текста» [8].

Следует принять как данность тот факт, что диалог представляет собой дискурс, целостный по коммуникативному смыслу, коммуникативно-синтаксическому оформлению и по структуре, но различный по личностному видению коммуникантами, по их представлениям о личных отношениях в коммуникации. Коммуникативно-смысловая целостность основана на единстве темы (топики), коммуникативно-синтаксическая целостность основана на тема-рематической связанности последовательных речевых ходов, структурная – на лексико-грамматическом устройстве локутивных актов и языковых сигналов и их сочленений, а представления коммуникантов о личных отношениях в речевой деятельности – на выполняемых функциях в достижении смысловой, коммуникативно-синтаксической и структурной целостности диалогического дискурса.

Рассматривая словесное выражение позиций субъектов в диалогической речи, великий отечественный классик М.М. Бахтин указывал, что «диалогические отношения не сводимы к отношениям логическим и предметно-смысловым, которые сами по себе лишены диалогического момента. Они должны облечься в слово, стать высказываниями, стать выраженными в слове позициями разных субъектов, чтобы между ними могли возникнуть диалогические отношения» [1]. Следовательно, именно личные позиции, личные отношения участников диалога являются функциональной доминантой диалогического образования и реализуются не иначе, как в диалоговых шагах, репликах, и проявляются, в частности, в различных вербальных образованиях.

Придерживаясь деятельностного, интеракционистского подхода к исследованиям дискурса, мы рассматриваем в вербальной реализации элементов личных представлений, личностных предпочтений, ценностного мира адресата интерактивную мотивировку: интерактивная мотивированность коммуникативных деятельностей общающихся отличается бинарным, двойственным характером. Данное утверждение приближает нас к мысли о постижении личных мотивов адресата как деятельностной реализации позиции говорящего относительно деятельностной позиции партнера по речевому взаимодействию.

Деятельностно-амбивалентная, интерактивная природа диалога начинает выявляться тогда, когда учитываются прагматические обстоятельства речевой деятельности его участников [7]. Исследование одной из разновидностей диалога, а именно, вопросно-ответного диалога показало, что обмен репликами в нем представляет собой сложную форму социального взаимодействия. Определенные формы вопросов имеют целью заставить отвечающего занять оборонительную позицию. Ответ может быть опознанием стратегии, выраженной в вопросе и реакцией на нее более сильной стратегией. В таких диалогах нередко происходит идентификация социального статуса участников. Если отвечающий имеет более низкий социальный статус, то диалог следует воспринимать как вызов. Если оба участника диалога имеют одинаковый статус, диалог интерпретируется как шутка. А если отвечающий имеет бесспорно более высокий социальный статус, то обмен репликами нужно

интерпретировать как демонстрацию власти, показ силы или превосходства одного участника над другим [5]. Исследование, проведенное У. Ленертом, с очевидностью демонстрирует интерактивную природу диалога.

Если принимать речевую коммуникацию в целом как знаковую (вербальную) интеракцию, то отдельные образующие ее аспекты суть целесообразно употребляемые средства построения, организации вербальной интеракции. Более того, существенным определяющим фактором коммуникативной деятельности участников общения рассматриваются личные предпочтения и личностный выбор способа отношений с партнером, поведения вообще и речевого в частности, а также построения самой речевой коммуникации. Поскольку природа диалога по своей сути интерактивна, представления о личных отношениях являются **интерактивно значимыми** элементами диалога. Их значимость включает фактор адресата, то есть речевое поведение говорящего детерминировано его личными предпочтениями и представлениями о личных отношениях в коммуникации; кроме того оно также определяется ожидаемыми личными предпочтениями и представлениями о личных отношениях в коммуникации, предполагаемыми у собеседника. Учет факторов личностного выбора представляет собой действенный механизм управления поведением собеседника как участника речевой интеракции.

В заключение следует отметить, что диалогический, в особенности, дискурс обладает многомерным смысловым содержанием, формируемым и переформируемым в его коммуникативно-прагматическом измерении. Кроме личностных смыслов и значений высказываний коммуникантов, предъявленных в репликах, в них же содержится объемный коммуникативный смысл, состоящий из интенционального, модального, эмоционального, социального аспектов данных, личностно организованных говорящим и личностно интерпретируемых партнером. Эти информативные пласты разнородны, организованы разнообразными языковыми средствами, однако их совокупность образует тот смысловой объем, которым обмениваются коммуниканты для согласования своей речевой и других видов деятельности.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 2001. – С. 69, 367.
2. Бодалев А.А. Психология общения. – М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж НПО «Модэк», 1996.
3. Босс М. Недавние размышления о даэзин-анализе // Консультативная психология и психотерапия. – М., 2009. №2. – С. 151.
4. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: КомКнига, 2006. – С. 166.
5. Ленерт У. Проблемы вопросно-ответного диалога // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. – Когнитивные аспекты языка. – Сост., ред. и вступ. Статья В.В. Петрова и В.И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1988. – С. 264.
6. Сидоров Е.В. Онтология дискурса. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – С.12.
7. Сидоров Е.В. Общая теория речевой коммуникации. – М.: Издательство РГСУ, 2010.
8. Сидорова Н.А. Три аспекта восприятия диалогического дискурса // Мировое культурно-языковое и политическое пространство: инновации в коммуникации. – М.: Изд-во РУДН, 2015. – С.730.
9. Франкл В. Основы логотерапии. Психотерапия и религия. – СПб.: Речь, 2000.
10. Leech, G.N. Principles of Pragmatics. - London: Longman, 1983. – P. 234 - 241.

10.02.04

М.А. Солошенко

Санкт-Петербургский Политехнический Университет Петра Великого,
гуманитарный институт,
высшая школа инженерной педагогики, психологии и прикладной лингвистики,
Санкт-Петербург, monikari@yandex.ru

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВАРИИРОВАНИЕ: УРОВЕНЬ СЕМАНТИКИ И
УРОВЕНЬ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ СТРУКТУР
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

Настоящая статья посвящена вопросам лексико-семантического варьирования семантики слова, проблемам значения и способам представления значения слова. На основе исследований, проведенных в русле традиционной и когнитивной лингвистики, автором предпринимается попытка уточнить закономерности лексико-семантического варьирования и их отражение в лексикографической трактовке.

Ключевые слова: лексико-семантическое варьирование, значение, концепт, концептуальная структура, концептуальная схема.

Фундаментальные проблемы языкознания порождают множество подходов к их решению, но некоторые вопросы настолько обширны и многосторонни, что однозначно ответить на них не представляется возможным даже на современном этапе развития науки, когда лингвистика прошла уже долгий путь и были разработаны многие теории и методики изучения языкового материала. Одним из основополагающих понятий, которое все еще не изучено досконально, является значение слова.

В рамках современной лингвистики вопрос «Что такое значение?» приобретает форму «Что понимается под значением?». Для английского языка, в частности, на этот вопрос дается ответ в книге американских философов Ч. Огдена и И.А. Ричардса «The Meaning of Meaning» [14]. Авторы выделили 16 типов употребления слов mean и meaning, причем некоторые из них можно членить и далее.

По мнению И.М. Кобозевой, значение – это «закрепленное за данной единицей языка относительно стабильное во времени инвариантное содержание, знание которого входит в знание данного языка» [6]. В отношении любого слова можно полагать, что все варианты его употребления в разнообразных контекстах уже заложены в картине мира носителей языка (в нашем случае – английского), и позволяют им употреблять это слово в тех его значениях, которые оно имеет в зависимости от коммуникативной ситуации. Таким образом, большинство исследователей признают существование явления, которое называют полисемией или многозначностью.

Исследование полисемии и смысловых вариантов слова предполагает выделение как исходного значения слова, так и его вторичных значений, так что семантика слова рассматривается как структура, включающая прямые и переносные значения. При этом необходимо учитывать, что «прямое номинативное знаковое значение связано с первообразной номинацией, с самим актом первоозначивания [12].

Согласно предположению Е.Г. Беляевской, «способность к вариативности заложена в самой природе семантики слова, а пределы вариативности определяются семантическими особенностями лексических единиц», таким образом, высокоэффективным может быть рассмотрение общих закономерностей модификации значения слова при его функционировании» [1]

Значения многозначного слова образуют структуру, так как они связаны определенными отношениями. Под семантической структурой слова обычно понимают «упорядоченное (обнаруживающее системную взаимосвязь своих элементов) множество ЛСВ одного и того же слова» [1]. Причем, исходя из данного определения видно, что семантическая структура

слова присуща только полисемантическим словам, поскольку «семантическая структура по сути своей является структурой ЛСВ» [1]. Как указывает Е.Г. Беляевская, «сложность структуры лексического значения обусловлена сложной структурой процесса номинации, а также сложным и многоаспектным характером языковой коммуникации. Таким образом, объемное комплексное строение лексической семантики связано, с одной стороны, с особенностями отражательной деятельности человека и, с другой – с функциональной ориентированностью единиц языка» [1].

Б.И. Осипов определяет лексико-семантическое варьирование как «изменение денотативных сем слова в процессе его речевого употребления при сохранении постоянного состава концептуальных и коннотативных сем». При этом автор сетует на, с его точки зрения, «неоправданно расширенное понимание лексико-семантического варьирования», когда в него включается «изменение концептуального значения слов, если при этом сохраняется часть общих сем» [9].

Сама идея лексико-семантического варьирования была выдвинута В.В. Виноградовым, утверждавшим, что существует возможность членения слова на минимальные двусторонние лексические единицы и о соотнесении данных единиц с определенными, «фразеологическими» контекстами, в которых они реализуются в речи» [4]. В дальнейшем эта теория разрабатывалась А.И. Смирницким, в понимании которого «лексико-семантический вариант (ЛСВ) является двусторонней единицей, формальную сторону которого составляет форматив, а содержательную – одно из значений многозначного слова; однозначные слова представлены одним ЛСВ, многозначные слова – числом ЛСВ, равным числу его значений» [11]. Именно А.И. Смирницкий ввел термин «лексико-семантический вариант». Причем, как утверждал сам А.И. Смирницкий, «...варианты слова, для того чтобы быть разными вариантами, должны как-то различаться; но чтобы вместе с этим не оказаться разными словами, а быть именно вариантами одного слова, они должны быть чем-то особенно тесно связанными друг с другом» [11].

С течением времени теория лексико-семантического варьирования стала рассматриваться учеными с разных точек зрения. Л.В. Малаховский утверждал, что «полисемантическое слово действительно обладает множеством разных значений, однако все эти значения представляют собой лишь разные реализации, разные проявления единого семантического целого, или, пользуясь термином А. И. Смирницкого, разные лексико-семантические варианты слова» [7]. Говоря о значении слова, В.А. Звегинцев определял его как «совокупность его лексико-семантических вариантов» [5]. В.В. Иоффе придерживался мнения, что «в качестве такой единицы выступает отдельное значение многозначного слова, которое называется его лексико-семантическим вариантом» [10].

А.Н. Яковлюк отмечает, что «лексико-семантическое варьирование предполагает наличие в слове нескольких (минимум двух) отличающихся друг от друга в логико-предметном плане значений, которые, не уничтожая единства слова, являются его отдельными вариантами» [13]. Существование лексико-семантического варианта одного слова подразумевает «некую семантическую общность, или, иначе говоря, некую семантическую устойчивость, стабильность» [1]. Существует несколько возможностей лексико-семантического варьирования: 1) варьирование в плане выражения при неизменности (инвариантности) плана содержания; 2) варьирование в плане содержания при неизменности (инвариантности) плана выражения; 3) одновременное варьирование в плане выражения и в плане содержания [1]. И.Г. Ольшанский указывает на три фактора слова, определяющих его инвариантность - форма, прямое номинативное значение и общие формальные признаки [8]. Е.Г. Беляевская предполагает, что объяснить тот факт что общающиеся на одном языке люди не только понимают друг друга, но и мгновенно улавливают суть нового авторского употребления какого-либо слова, можно, предположив, что «и разнообразие употреблений слова, и вариативность лексического значения основываются на неких общих характеристиках семантики слова, которое, с одной стороны, обеспечивают единство понимания слова всеми говорящими на данном языке, а с другой - определяют пределы варьирования лексического значения» [1].

В этой связи важно отметить высказывание академика В.В. Виноградова, призывавшего разграничивать значение и употребление слова (то есть ЛСВ и контекстуальный вариант). Он отмечал, что «от значений слова необходимо отличать их употребление. Значения устойчивы и общи всем, кто владеет системой языка. Употребление - это лишь возможное применение одного из значений слова, иногда очень индивидуальное, иногда более или менее распространенное» [4]. Е.Г. Беляевская делает заключение о том, что «различные значения полисемантического слова формируют его лексико-семантические варианты, которые в свою очередь, формируются множеством словоупотреблений» [1]. Автор также подчеркивает, что контекстуальное варьирование не является особым типом семантического варьирования. Отвечая на вопрос, что же обеспечивает единство всех ЛСВ слова, Е.Г. Беляевская выделяет несколько направлений, разграничивая их по принципу того что принимается за основной параметр: 1) семантический стержень; 2) семантический центр; 3) общее понятие; 4) общее значение лексемы; 5) определенным образом упорядоченная структура значений ЛСВ (соотношение ЛСВ и выделение основного значения; установление отношений семантической производности и определение базы семантической производности; попарная связь словозначений внутри семантической структуры лексемы); 6) формально-функциональная общность ЛСВ [1].

А.Н. Яковлюк, обобщая понятие лексико-семантического варианта, говорит о том, что «ЛСВ многозначного слова занимает промежуточное положение между словом в языке и словом в речи, он обеспечивает «плавный» переход от языковой системы к ее реализации в речи, делает возможным соединение абстрактного (система языка) и конкретного (речь). ЛСВ имеет двойной статус: он выступает как актуальный, семантически расчлененный знак по отношению к многозначному слову и как виртуальный знак по отношению к речевым реализациям слова, конкретным словоупотреблениям» [13].

Со становлением когнитивной лингвистики рассмотрение проблем лексико-семантического варьирования приобрело новое измерение. Опираясь на основной постулат о существовании двух уровней анализа семантики – собственно семантического и концептуального [2], [3] – исследователи пришли к выводу о том, что единство ЛСВ многозначной лексемы обеспечивают структуры концептуального уровня.

Проведенное нами исследование показало, что помимо концептуальной внутренней формы, общей для всей лексемы (по Е.Г. Беляевской), в семантической структуре слова присутствуют более частные концептуальные основания, (обычно) объединяющие группы ЛСВ. Так, в семантике глагола *feel* можно выделить концептуальную структуру, которая может быть представлена следующей концептуальной схемой:

Схема 1

Концептуальная структура, лежащая в основе ЛСВ английского глагола *feel*, была реконструирована посредством концептуального анализа: изучение дефиниций различных значений глагола, представленных в толковых словарях, и семантический анализ элементов дефиниций позволил выделить концепты (обобщенные представления), составляющие смысловое содержание значений глагола *feel*.

ЛСВ, имеющие в качестве своего концептуального основания эту наиболее общую КС, представлены во всех наиболее авторитетных толковых словарях английского языка, в частности, в Merriam-Webster online dictionary, Collins online dictionary, Oxford online dictionary, Macmillan dictionary for advanced learners, Longman dictionary of contemporary English, Longman dictionary of English language and culture.

Легко заметить, что данной концептуальной схеме имеется концептуальный центр «тактильное ощущение», что соотносится с изначальным значением глагола, отраженном в этимологическом словаре Chambers dictionary of etymology, который возводит данный глагол к протогерманскому *folijan*, который имеет родственные формы как в других германских языках (древнескандинавском и древненорвежском), так и греческом и латинском (соответственно *pallein* (трясти) и *psallein* (перебирать струны музыкального инструмента) и *palpare* (мягко прикасаться, толкать), *palpitare* (быстро двигаться, приводить в движение толчком)

Описанная выше концептуальная схема, характерная для глагола *feel*, точнее, для его лексико-семантического варианта, является наиболее общей схемой, при этом имеет ряд частных разновидностей, основные отличия между которыми связаны со смещением фокуса — это может быть акцент на ощупывании объекта с целью получения информации (*MWoD* – *try to handle or touch in order to examine*) или же фиксирование указания на изучение объекта (в таком случае тактильные ощущения выступают в качестве способа) – *MwoD* – *to perceive by a physical sensation coming from discreet and organs (as of the skin or muscles)*.

В ходе анализа семантической структуры английского глагола *feel* был выделен второй концептуальный центр, – «психофизическое восприятие», – который находит отражение в следующей концептуальной схеме:

Схема 2

Данный концептуальный фокус может быть описан как «регистрация человеком информации о своем эмоциональном и/или физическом состоянии». Распространенность и актуальность этой схемы подтверждается наличием ЛСВ с данным основанием во всех рассмотренных нами словарях. Примечательно, что и для этой концептуальной схемы можно выделить более частную разновидность, – а именно случай, когда глагол *feel* является двунаправленным – в его семантике объект может занимать позицию субъекта, и тогда фокус смыслового содержания высказывания смещается на объект, который становится источником информации об ощущениях человека (e.g. *the air felt warm*).

Основываясь на сделанных выводах, мы можем представить концептуальную внутреннюю форму английского глагола *feel* в виде следующей схемы:

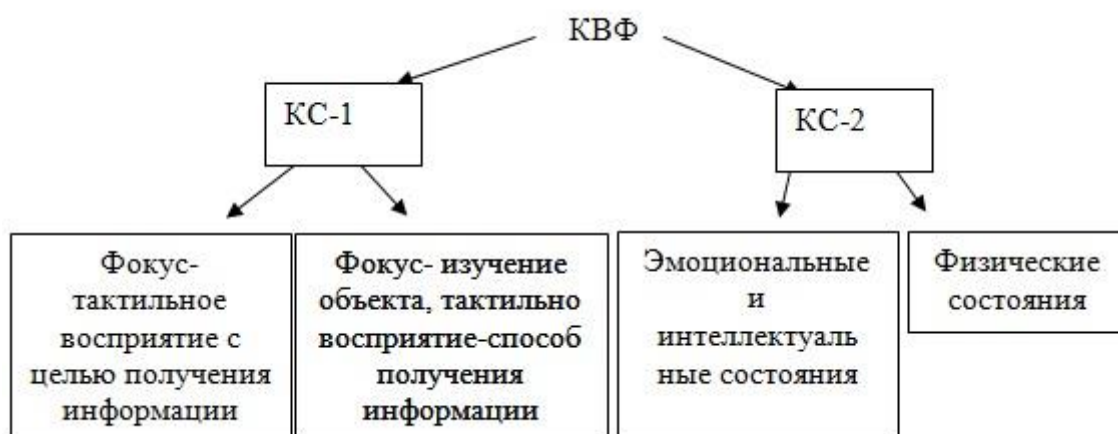

Схема 3

Как видно из рассмотренного материала, семантическая структура слова – в данном случае английского глагола *feel* – представляет собой сложное концептуальное и семантическое образование, где многослойный концептуальный уровень обуславливает формирование нескольких групп ЛСВ.

Каждый концептуальный центр представлен разным количеством значений. В первом случае, говоря о «тактильном ощущении» мы имеем дело со значением ощупывания объекта с целью получения информации и с тактильным изучением объекта, когда тактильные ощущения выступают в виде способа получения информации. В общей сложности реконструированная КС-1 задает четыре ЛСВ глагола *to feel*: 1) указание на получение информации через тактильное восприятие; 2) указание на тактильное восприятие как способ получения информации об объекте; 3) указание на получение информации о свойствах объекта; 4) указание на идентификацию объекта через получение тактильной информации о нем.

Анализируя концептуальную схему КС-2 мы пришли к выводу о наличии следующих ЛСВ: а) эмоциональные состояния (*love, anger, etc.*)

б) интеллектуальные состояния (*puzzled, confused, etc.*): б-1) рациональное восприятие (*puzzled*); б-2) нравственная оценка (*remorseful*) б-3) интуитивное восприятие; в) физические состояния: в-1) ощущение тепла, холода и т. д.; в-2) ощущение голода, усталости и т. д.; в-3) болезненные проявления (*pain, giddiness, etc.*).

В идеальном случае одна концептуальная структура должна была бы соответствовать одному значению, формируя один ЛСВ. Однако, изучая материалы словарных статей толковых англоязычных словарей, мы столкнулись с тем, что некоторые словари выделяют несколько значений, соответствующих одной концептуальной схеме. Отчетливо это видно на примере словарной статьи *Collins online dictionary*:

1. *to perceive (something) by touching* [KC-1]
2. *to have a physical or emotional sensation of (something) to feel heat, to feel anger* [KC-2]
3. *(transitive) to examine (something) by touch* [KC-1]
4. *(transitive) to find (one's way) by testing or cautious exploration* [KC-1]
5. *(copula) to seem or appear in respect of the sensation given I feel tired, it feels warm* [KC-2]
6. *to have an indistinct, esp emotional conviction; sense (esp in the phrase **feel in one's bones**)* [KC-2]
7. *(intransitive; foll by for) to show sympathy or compassion (towards) I feel for you in your sorrow* [KC-2]
8. *to believe, think, or be of the opinion (that) He feels he must resign* [KC-2]

Кроме того, возможно усложнение исходной концептуальной структуры, состоящей из бинарной конфигурации, за счет концептуального варьирования объекта, представленного в концептуальной внутренней форме. Например, концептуальная схема КС-1 имеет еще одну модификацию, связанную с возможной вариативностью указания на объект. В качестве объекта в лексикографических источниках фиксируется самое общее указание на некоторое абстрактное качество (*quality*) или более конкретное указание на некий материальный объект, например, на дорогу (*Collins online dictionary* - 4. *(transitive) to find (one's way) by testing or cautious exploration*). Словарь *Oxford online dictionary* выделяет указание на конкретное качество воспринимаемого (ощупываемого) предмета 1.4 *[no object, with complement]* Give a sensation of a particular physical quality when touched. *Macmillan dictionary for advanced learners* дает более конкретный пример свойства объекта: а. *[linking verb] [not usually progressive] if something feels soft, hard etc, that is what it is like when you touch it, предлагая в качестве наиболее частого объекта оценки мягкость или твердость.*

Рассмотренный материал показал, что двухуровневая модель семантической структуры лексической единицы (в нашем случае глагола *feel*) позволяет существенно уточнить закономерности лексико-семантического варьирования и их отражение в лексикографической трактовке, что не только предлагает альтернативное решение ряда вопросов семантики, но и позволяет применить полученные сведения на практике при составлении словарей, особенно учебных словарей английского языка.

Список литературы

1. *Беляевская Е.Г.* Семантика слова: Учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз./ Е.Г. Беляевская. – М., Высшая школа, 1987. – 128 с. С. 57, 44
2. *Беляевская Е.Г.* Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах (когнитивные основания формирования и функционирования семантической структуры слова): дисс. Доктора филолог. Наук, М.1992 – 401 с
3. *Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика. Курс лекций по английской филологии. — Изд. 2-е, стер. — Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. — 123 с.
4. *Виноградов В.В.* Избранные труды. М.: Наука, 1977. – 312 с. С.121
5. *Звегинцев В.А.* Семасиология. М., 1957. С.126
6. *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика [Текст]: учеб. пособие / И.М. Кобозева. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с. С.12
7. *Малаховский Л.В.* Теория лексической и грамматической омонимии. АН СССР, Ин-т языкознания. — Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1990. — 238 с. С.45
8. *Ольшанский И.Г., Скиба В.П.* Лексическая полисемия в системе языка и тексте / И.Г. Ольшанский, В.П. Скиба. Кишинев: Штиинца, 1987. - 128 с
9. *Осипов Б. И.* Краткий курс русского языка: Учебное пособие по курсу «Современный русский язык» (для студентов факультета иностранных языков). 3-е изд., испр. и доп. Омск: Омск. гос. ун-т, 2003. 374 с.
10. *Савченко А.Н., Иоффе В.В.* Общее языкознание / А.Н. Савченко, В.В. Иоффе. Издательство Ростовского университета, 1985. — 208 с. С.93
11. *Смирницкий А.И.* К вопросу о слове (проблема «тождества» слова)//Тр. Ин-та Языкознания АН СССР. М., 1954
12. *Уфимцева А.А.* Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики/ А.А. Уфимцева. – 4-е изд. – Издательство: Либроком, 2010. – 242 с. С.15
13. *Яковлюк А.Н.* Лексико-семантический вариант как связующее звено между многозначным словом в языке и его реализацией в речи, - Вестник Челябинского государственного университета № 43 (172),-2009, – с. 156-162
14. *Ogden C. K., Richards I. A.* The Meaning of Meaning. – New York, Harcourt, Brace & World, Inc., 1923 – 363 p.
15. Longman Dictionary of English Language and Culture/ Pearson ESL; 3rd edition (January 13, 2000), 1592 p.
16. Longman Dictionary of Contemporary English/ Chris Fox, Rosalind Combley/ Pearson Education, 2014. – 224 p.
17. MacMillan English Dictionary for Advanced Learners/ Macmillan Publishers, 2002. – 1744 p.
18. Oxford English Dictionary/ Oxford University Press, 1989 – 21728p.
19. Oxford online dictionary <https://en.oxforddictionaries.com>
20. Merriam-Webster online dictionary <https://www.merriam-webster.com>
21. Collins online Dictionary <https://www.collinsdictionary.com>

10.02.00

А.Ю. Трусова канд. филол. наук, С.В. Птушко канд. филол. наук

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова,
факультет английского языка,
кафедры английской филологии,
Нижний Новгород, hswhome@mail.ru, svetaptu@gmail.com

**К ВОПРОСУ О МАНИПУЛЯЦИИ КАК КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ В
СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ОСВЕЩЕНИЯ КОНФЛИКТА НА УКРАИНЕ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ
ПЕРИОДИКЕ)**

В работе представлены результаты изучения коммуникативной стратегии манипуляции – совокупности завуалированных языковых средств и речевых приёмов, используемых для достижения адресантом намеченной цели общения, скрытой от адресата.

В процессе манипуляции выделяется две стороны коммуникации – манипулятор и объект манипулятивного воздействия, в процесс которого может вовлекаться посредник (СМИ). Манипуляционное воздействие подразделяется на две группы – манипуляция общественным и индивидуальным сознанием. Зная сущность, отличительные признаки, механизм и средства манипуляционного воздействия, объект манипулятивного воздействия имеет возможность противостоять влиянию манипулятора.

Ключевые слова: манипуляция, коммуникативная стратегия, манипулятивное воздействие.

Язык является одним из мощных средств коммуникативного воздействия, позволяющим не только описать, но и интерпретировать объекты или ситуации внешнего мира, что позволяет адресанту задавать партнеру по коммуникации своё видение мира и навязывать ему ту или иную оценку ситуации.

В настоящее время СМИ приобретают манипуляционную функцию в связи с обострившейся политической обстановкой. Информация представляется в свете, удобном политике и идеологии той или иной страны, что, естественно, искажает реальное положение вещей. Для того, чтобы научиться противостоять манипуляциям СМИ на читателя и объективно воспринимать предоставляемую ими информацию, представляется весьма актуальным посвятить настоящую статью теме манипуляции как коммуникативной стратегии.

Несмотря на то, что проблематике манипулирования уделяется пристальное внимание исследователей в последнее время, это явление не было рассмотрено в рамках украинского кризиса. Исходя из вышесказанного, *актуальность* настоящей работы заключается в рассмотрении коммуникативной стратегии манипулирования, которая применяется в англоязычной периодике, посвящённой теме кризиса на Украине.

Актуальность настоящего исследования заключается также в том, что изучение коммуникативной стратегии манипулирования отвечает не только потребностям простого читателя или лингвиста, интересующегося этим феноменом, но и потребностям эффективного общения в целом (коммуникация среди юридических лиц, в сфере менеджмента, политики), так как достижение успеха в профессиональной деятельности любого специалиста во многом зависит от грамотной реализации понимания и управления своей речевой деятельностью.

В соответствии с выбранным направлением исследования, основная цель настоящей работы состоит в выявлении сущности и особенностей реализации манипулятивной коммуникативной стратегии в англоязычной периодике, освещающей события на Украине.

В психологическом аспекте тема манипуляции исследовалась Б.Н. Бессоновым, Л. Войтасиком, Д.А. Волконоговым, Р. Гудиным, Л. Прото, Дж. Рудиновым, Е.Л. Доценко, Г.Шиллером, Э.Шостромом и др.

Анализ определений понятия манипуляции, выполненный Е.Л. Доценко, позволяет выделить семь групп признаков исследуемого феномена, на основе которых предлагается определение понятия манипуляции, как «вида психологического воздействия, искусное исполнение которого ведёт к скрытому возбуждению у другого человека намерений, совпадающих с его актуально существующими желаниями» [2].

При рассмотрении манипуляции как вида психологического воздействия предполагается выделение двух сторон анализируемого процесса (манипулирующей и манипулируемой). Кроме того, в описываемый процесс может вовлекаться третий участник – посредник (например, СМИ), передающий обработанную манипулятором информацию.

Ситуативно манипуляционное воздействие делится на две группы: в первом случае индивид - это объект скрытого психологического воздействия на межличностном уровне в повседневной жизни; во втором - человек является объектом воздействия социальных институтов и структур, использующих определенного вида технологии скрытого психологического воздействия (как правило, с использованием СМИ).

В описываемом случае идёт речь о социальном характере манипуляции, заключающемся в использовании: 1) определенного типа средств отбора объектов и технологий психологического воздействия и 2) структур и специалистов по апплицированию методов воздействия на объект манипуляции.

В политологии исследуется феномен «политического манипулирования», под которым понимается «скрытое управление политическим сознанием и поведением людей с целью принудить их действовать (или бездействовать) вопреки собственным интересам, создавая при этом иллюзию свободного выбора» [4].

В рамках политического манипулирования выделяются методы: «1) внедрение в общественное сознание под видом объективной информации желательного для некоторой властной группы содержания; 2) воздействие на болевые точки общественного сознания, возбуждающие страх, тревогу, ненависть 3) реализацию декларируемых и скрывааемых замыслов, достижение которых манипулятор связывает с поддержкой общественным мнением своей позиции» [1].

На основе вышеизложенного представляется логичным сказать, что манипуляция – это случай скрыто транслируемой информации, так как адресат не распознает направленное на него манипулятивное воздействие со стороны адресанта, и цель последнего в этом случае достигнута. Следует добавить, что в процессе манипуляции блокируется способность реципиента к здравому мышлению, что позволяет адресанту управлять мыслями (убеждениями) адресата.

Рассмотрим следующий пример: «More importantly, such a referendum could only be held if Russia first manages to occupy these regions, kick out the Ukrainian security forces and install a separatist government that could push ahead with a Crimean-style plebiscite under the gun. That would mean a Russian land invasion and, most likely, the start of a full-scale war that would cost many lives on both sides, pitting the armies of two fraternal nations against each other, nations that share ties of culture, religion, language and oftentimes blood» [11].

Автор стремится внедрить в сознание читателя мысль, что Россия – это агрессор, который является инициатором братоубийственной войны ради расширения своей территории. Подрыв доверия к российской стороне достигается за счёт использования антитезы (plebiscite under the gun), говорящей о том, что население Крыма приняло решение войти в состав России под давлением оружия. Разжиганию ненависти к нашей стране также способствует градация (ties of culture, religion, language and oftentimes blood), при помощи которой автор ярко иллюстрирует, насколько безжалостна страна, развязывающая войну между двумя братскими народами, которые имеют много общего в истории и культуре. При помощи вышеперечисленных стилистических приёмов нарушается стабильное

эмоциональное состояние адресата, и читатель невольно убеждается, что Россия действительно является агрессором.

Поскольку в настоящей работе манипуляция рассматривается в качестве коммуникативной стратегии, следовательно, необходимо рассмотреть понятие стратегии. Согласно одной из дефиниций, представленной в толковом словаре Ефремовой, «стратегия - ... искусство планирования какой-л. деятельности, основанное на точных прогнозах» [3], описание аналогичных понятий в англоязычных источниках дается следующим образом: Strategy: 1) a planned series of actions for achieving something, 2) the skill of planning the movements of armies in a war, or an example of this, 3) skilful planning in general [7].

Strategy: 1) a plan that is intended to achieve a particular purpose, 2) the process of planning something or putting a plan into operation in a skilful way marketing strategy, 3) the skill of planning the movements of armies in a battle or war; an example of doing this [8].

Итак, из приведенных дефиниций, следует, что любая стратегия представляет собой план *организованных действий* и имеет конечную *цель*.

Исходя из приведённых выше дефиниций и результата изучения явления манипуляции, в настоящей работе постулируется определение манипуляции как коммуникативной стратегии.

Коммуникативная стратегия манипуляции – это совокупность завуалированных языковых средств и речевых приёмов, используемых для достижения адресантом намеченной цели общения, скрытой от адресата.

Рассмотрим несколько примеров анализируемой коммуникативной стратегии:

«I will say one thing to (Russian President Vladimir) Putin - forget about Odessa» [10].

Цель высказывания – сформировать у читателя убеждение в том, что В.В. Путин собирается захватить Одессу и включить её в состав РФ, так же как это было сделано с Крымом. Несмотря на то, что эта точка зрения лишена логического обоснования, реципиент воспринимает данную информацию как истинную. Достижение цели обусловлено использованием пресуппозиции, которая воспринимается как истинное, не подлежащее обсуждению, само собой разумеющееся.

«For instance, the ruble has lost about 50 percent of its value under the combined impact of foreign policy risks, sanctions and the decline of oil prices. There is no [other] oil exporting country that has seen its currency devalue by more than 20 percent. Further escalation of sanctions may cause much heavier losses, in particular if Russian banks are disconnected from the SWIFT system» [9].

В вышеуказанном отрывке целью адресанта является внедрение в сознание адресата мысли, что следует подчиниться воле Европы и США, т.к. санкции, введенные Европейскими странами и США после присоединения Крыма (в западной терминологии – «аннексии»), приводят к спаду экономики. Приведенный пример описывает устрашающие последствия для российской экономики. Ситуация нагнетается за счёт употребления негативно окрашенных слов (*lost, risks, sanctions, decline, currency devalue, heavier losses, disconnected*) и за счёт употребления сравнения.

«A 2008 study from a Pentagon think tank claims that Russian President Vladimir Putin has Asperger's syndrome, an autistic spectrum disorder. While the researchers can't prove their theory without a brain scan, Brenda Connors, an expert in movement pattern analysis at the U.S. Naval War College, says that Putin's "neurological development was significantly interrupted in infancy," according to *USA Today* [11].

Автор статьи ссылается на авторитетный источник – Пентагон, который пользуется доверием у населения. В статье утверждается, что В.В. Путин имеет синдром Аспергера – особой формы аутизма («Asperger's is a form of autism in which the person affected has limited but obsessive interests, and has difficulty relating to other people»). Таким образом, имплицитно подразумевается, что российский Президент идет к достижению своей цели до конца и реализует её любыми способами.

Несмотря на то, что такие выводы не имеют под собой прочного фундамента без сканирования мозга, автор находит выход из положения и ссылается на другой, не менее

авторитетный источник (Brenda Connors, an expert in movement pattern analysis at the U.S. Naval War College), согласно которому нейробиологическое развитие В.В. Путина было значительно нарушено ещё в младенчестве. Однако, для читателя остаётся загадкой, как учёные смогли определить, что случилось с президентом РФ в раннем детстве, но, благодаря доверию проверенным источникам информации, у адресата не возникают подобные вопросы.

Таким образом, американские власти ставят перед собой цель дискредитирования российского президента, научно обосновывая, что он – типичный деспот с психическим расстройством, не способный к адекватному общению и разрешению конфликтов.

Не подлежит сомнению тот факт, что главной целью рассматриваемого процесса манипуляции является управление ситуацией через управление процессом поведения манипулируемого. Для манипулятивной стратегии цель и способы такого управления скрыты от людей, чьим поведением управляют. Коммуникативное пространство текста определенным образом преподносится адресанту, имея под собой цель изменить его смысловое или ценностное восприятие получателем информации.

Вышеупомянутые стратегии манипулирования используются в идеологии, пропаганде и рекламе. Рассмотрим следующий пример «As always, there is no consensus about what will happen next. The population in the Crimea is mixed, with Tatars (Turkic ethnic groups), Ukrainians, and Russians all living together. It is unclear how Russia is going to handle Crimea, given the shifting demographics. There is concern that Russia will move into eastern Ukraine (where there still exist confrontations and provocations), though Putin has said he isn't interested. No one knows» [6] - является репрезентацией стратегии манипуляции, т.к. автор, выражая неуверенность по поводу того, что Россия сможет эффективно управлять Крымом, а также по поводу того, что Россия не заинтересована во вторжении на территорию восточной Украины, захватывает смысловое пространство коммуникации и навязывает свою точку зрения читателю. Однако цель представленного фрагмента состоит не в выражении неуверенности автора по отношению к политике России, а в её дискредитации, что скрывается от адресата.

Итак, манипуляция – это скрытое воздействие, цель которого состоит в навязывании своей точки зрения таким образом, что у адресата создается впечатление собственного принятия этой точки зрения.

Коммуникативная стратегия манипуляции представляется совокупностью завуалированных языковых средств и речевых приёмов, используемых для достижения адресантом намеченной цели общения, скрытой от адресата. Таким образом, зная сущность, отличительные признаки, механизм и средства манипуляционного воздействия, читатель имеет возможность противостоять влиянию манипулятора.

Список литературы

1. Амелин В.Н. Социология политики. М.: изд-во МГУ, 1992. С.5.
2. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо, 1997. С. 59.
3. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000. С. 240.
4. Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию: Учебник для студентов вузов. М.: Аспект-Пресс, 2004. С. 342.
5. Электронный ресурс: en.kremlin.ru/events/president/news/47250
6. Электронный ресурс: www.summer.harvard.edu/blog-news-events/conflict-ukraine-historical-perspective
7. Longman Dictionary of Contemporary English// Электронный ресурс www.ldoceonline.com/
8. Oxford Advanced Learner's Dictionary// Электронный ресурс www.oxfordlearnersdictionaries.com/
9. The Moscow Times//Электронный ресурс: www.themoscowtimes.com/
10. The New York Times//Электронный ресурс: www.nytimes.com/
11. Time// Электронный ресурс: www.time.com/

10.02.00

¹М.С. Харченко канд. филол. наук, ²Т.В. Горбунова канд. филол. наук¹Иркутский государственный университет,
педагогический институт,отделение гуманитарно-эстетического образования,
кафедра иностранных языков и лингводидактики,²Иркутский национальный исследовательский технический университет,
институт лингвистики и межкультурной коммуникации,
кафедра иностранных языков для технических специальностей №1,
г. Иркутск

ИСТОРИЯ ОДНОЙ КОНСТРУКЦИИ: К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ КОНСТРУКЦИИ *NEITHER/NOR/SO DO I*, ОБРАЗОВАННОЙ ПО ПРИНЦИПУ ЗЕРКАЛЬНОЙ СИММЕТРИИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена изучению истории вопроса о функционировании конструкции, образованной по принципу зеркальной симметрии. Делается попытка объяснить статистическое изменение употребления указанной конструкции в ходе исторического развития языковой системы с позиции синтаксической симметрии.

Ключевые слова: симметрия, зеркальная симметрия, инверсия.

Симметрия (греч. *symmetria*) – «пропорциональность, соразмерность в расположении частей целого в пространстве, полное соответствие (по расположению, величине) одной половины целого другой половине» [2]. Явление симметрии связывают с именами таких выдающихся мыслителей и ученых, как Евклид (закон «Золотого сечения»), Пифагор (божественная числовая пропорция), Леонардо да Винчи (пропорции тела человека), Галилей и Ньютон (симметрия и законы сохранения), Эйнштейн (симметрия пространства и теория относительности), Мишель Фуко (четыре принципа подобия) и многие другие. Чем же так примечательна идея симметрии, занимавшая умы таких выдающихся исследователей? В попытке поиска ответа на этот вопрос обратимся к словам немецкого математика Г. Вейля: «Симметрия <...> является той идеей, посредством которой человек на протяжении веков пытался постичь и создать порядок, красоту и совершенство» [1,17]. Таким образом, будучи способом познания гармонии и истины, симметрия в науке XXI века воспринимается как «... один из важнейших методологических принципов построения научной теории, он выступает как средство синтеза культуры, как способ выявления различных форм знания» [3, 541]. Универсальность принципа симметрии проявляется в применимости к любому объекту исследования. Применительно к науке о языке симметрия изучалась как принцип композиции фольклорной лирики (Русова Н.Ю., 1992, Жирмунский В.М., 1975), как средство связи в бессоюзном сложном предложении (Якобсон Р.О., 1987, Солганик Г.Я., 1977), как способ связи членов предложения (на материале русского языка, - Черемисина Н.В., 1986, Белокопытова Т.И., 1975), как стилистическое средство оформления текста (Арнольд И.В., 1981, К.Э. Штайн, Д.И. Петренко, 2015). Однако в ходе работы нам не встретились исследования, посвященные анализу симметрии в расположении главных членов в английском предложении. Этот факт и определил актуальность настоящей работы. Мы полагаем, что рассмотрение порядка слов в английском предложении сквозь призму симметрии позволит по-новому взглянуть на некоторые вопросы синтаксиса, в т.ч. исторического.

В качестве отправной точки мы взяли предложенную К.Э. Штайн и Д.И. Петренко классификацию видов симметрии (при описании текста) на:

1) *переносную симметрию* (АВ – АВ): «осуществляемая через «заданное повторение значимой для данного текста языковой единицы, обозначенной в начале высказывания»;

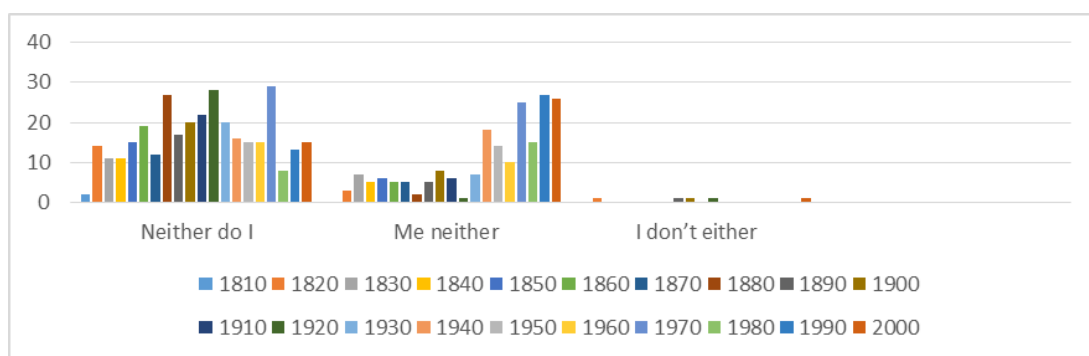
2) *зеркальную симметрию* (AB – BA): «сопровождается трансляционным переносом и поворотом в обратном по отношению к оси направлении» [3, 84]. Эту классификацию мы применили на уровне синтаксической симметрии, под которой понимаем полное тождество строения синтаксических конструкций и, как следствие, подразделили структурные типы английских предложений на конструкции, построенные по принципу переносной симметрии NV (прямой порядок слов) и зеркальной VN (инверсивный порядок слов).

Аналитический строй предписывает английскому предложению быть двусоставным с фиксированным (прямым!) порядком слов. Однако в любом правиле есть исключения и современные практические грамматики фиксируют употребление конструкции с зеркальной структурой, вводимой наречиями *neither*, *nor*, *so* [Cambridge Grammar of English, Practical English Usage by M.Swan]. Речь идет о так называемых «ответных фразах», при помощи которых говорящий соглашается с высказыванием собеседника, причем соглашаться можно как с утверждением, так и с отрицанием. Наречия *neither* и *nor* участвуют в вербализации отрицательной семантики высказывания и являются исторически синонимичными (поскольку *nor*, является сокращением от *neither* (*ME nother*), появившееся в среднем английском). При помощи наречия *so* вербализуется положительная семантика.

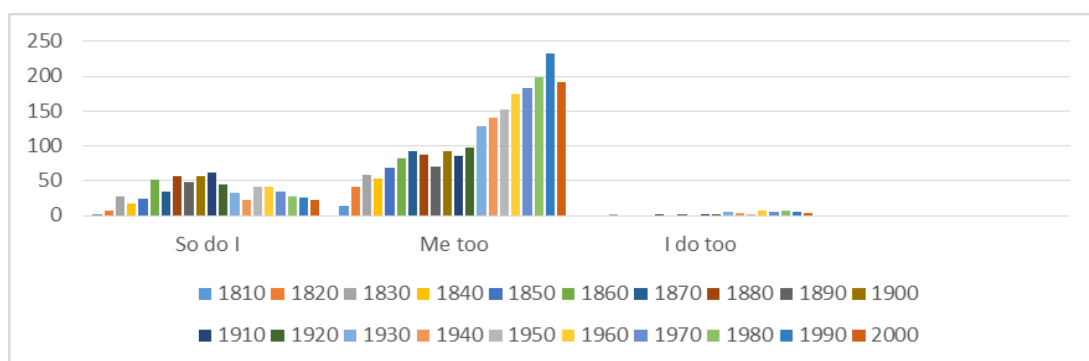
Отличительной особенностью зеркальных конструкций является наличие синонимических конструкций с прямым порядком слов. Обратите внимание на таблицу.

Фраза-утверждение	Ответная фраза		
	Переносная сим-я (прямой порядок слов)	Зеркальная сим-я (инверсивный порядок слов)	Краткая форма
I like coffee. (NV)	<u>I do</u> too. (NV)	<u>So do I.</u> (VN)	Me too.
I don't like coffee. (NV)	<u>I don't</u> either. (NV)	<i>Neither do I.</i> / <i>Nor do I.</i> (VN)	Me neither.
I don't like coffee. (NV)	<u>I don't</u> either. (NV)	<i>Neither do I.</i> / <i>Nor do I.</i> (VN)	Me neither.

За объяснением представленного синтаксического разнообразия конструкций в современном английском языке обратимся к истории. Исторический словарь датирует появление лексемы *neither* 13 веком, однако отследить количественные изменения в употреблении этой единицы в составе инверсивных предложений представляется возможным только с начала 19 в. Согласно языковому корпусу BNC в 1810 году было зарегистрировано всего 2 случая употребления, которые к 1820 увеличились до 14 и каждые 10 лет их численность увеличивалась в среднем на три слова и достигла 28 случаев в 1940 году. За период с 1810 по 2000 год зарегистрировано всего 329 случаев употребления. Далее употребление конструкции пошло на спад и составило 15 случаев к 2000 году. Эти данные позволяют нам говорить о том, что конструкция не развивается и не расширяет свое употребление. В то время как ее синоним, краткая форма, используемая в неформальном общении, начинает возрастать в количественном плане. Общее число употреблений с 1820 (в 1810 году случаи употребления не были зафиксированы) по 2000 год составляет 195 случаев. С 1820 по 1930 год конструкция употреблялась довольно редко от 3 до 7 раз в десятилетие, но в 1940 году зафиксирован резкий рост (18 случаев употребления), который в 2000 году увеличился до 26. Конструкция с прямым порядком слов в совокупности насчитывает всего 5 случаев употребления (по 1 случаю в 1820, 1890, 1900, 1920 и 2000).

Похожее положение дел мы можем проследить и в развитии зеркальной конструкции с наречием *so*. Появление лексемы *so* в значении таким же образом (*in the same way*) датируется древнеанглийским периодом. Далее ее развитие шло в различных направлениях, но нет упоминания о том, когда эта конструкция начала употребляться в зеркальных конструкциях со значением «также как и».

Из диаграммы видно, что употребление зеркальной конструкции с *so* достигнув своего пика в 1960 году (с 2х случаев в 1810 до 62 случаев употребления в 1960) пошло на спад, в то время как краткая форма, употребляющаяся в неформальной речи, начав отсчет в корпусе BNC с 14 случаев в 1810 году к 2000 году достигла 192 случаев употребления. Более сложная конструкция с прямым порядком слов насчитывает в общей сложности 46 случаев употребления, в то время как зеркальная конструкция 682, а краткая форма – 2247.

Проведенный исторический анализ лексем *neither* и *so* позволяет нам говорить об их появлении в языке в период с древнеанглийского до раннего среднеанглийского. Отметим, что английский язык того времени относился к флективному строю, и благодаря большому числу флексий, обеспечивающих связь между членами предложения, не предъявлял жестких требований к синтаксической структуре предложения. В ходе своего исторического развития английский язык претерпел значительные изменения, связанные с общей тенденцией перехода от флективного строя к аналитическому (Виноградов 1947; Ярцева, 1990 и др.). Современный английский язык принадлежит к группе аналитических языков, для которых ввиду отсутствия (полного или частичного) флексий порядок слов - чуть ли не единственный способ обеспечения связи слов в составе предложения. Возможно поэтому исследуемая конструкция с инверсивным порядком слов сейчас становится все менее употребительной, тогда как современный язык находит альтернативные синтаксические формы выражения этих значений при помощи конструкций с прямым порядком слов. Как отмечает В.Н. Ярцева, «... при историческом развитии строя любого языка есть элементы нарождающиеся и элементы отмирающие; при этом появление новых черт в языке чаще всего происходит за счет переоформления старого, иного количественного распределения в языке тех элементов, которые существовали раньше» [4, 491].

Язык, как любая другая система, развивается по законам симметрии и гармонии (об этом свидетельствуют описанные в работе исследования феномена симметрии учеными и мыслителями разных веков). Однако, материал исследования дает нам основание полагать, что гармоничное развитие языковой системы обеспечивается разными формами синтаксической симметрии на разных этапах ее (языковой системы) эволюции. Как правило, эволюционные сдвиги приводят к смене языкового строя и, как следствие, в языке происходит перераспределение синтаксических форм выражения значений.

Список литературы

1. Вейль Г. Симметрия. – М.: Наука, 1968. – 192 с.
2. ТСУ – Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. – URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/%D1%81%D0%B8%D0%BC%D0%BC%D0%B5%D1%82%D1%80%D0%B8%D1%8F> (дата обращения – 14.10.2018).
3. Штайн К.Э., Петренко Д.И. Гармония и симметрия: Учебное пособие. – Ростов-на-Дону: ЗАО «Книга», 2015. – 704 с.
4. В. Н. Ярцева. Типологические универсалии и креолизация языка // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. - т. 49. № 6. - М., 1990. - с. 483-493)
5. BNC – British National Corpus. – URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения - 16.10.2018).
6. OED – The Oxford English Dictionary. A New English Dictionary of Historical Principles: in 12 vol.– Oxford: Clarendon Press, 1933. Vol. VII, IX.

10.02.20

Н.Ф. Хасанова канд. филол. наук

Казанский государственный архитектурно-строительный университет,
кафедра иностранных языков,
Казань, discovery81@mail.ru

ПРОБЛЕМА АНТИЦЕННОСТЕЙ В АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

В данной статье рассматривается внутренний мир языкового общества наркоманов с точки зрения аксиологической лингвистики. Изучается содержание внутреннего мира языковой личности, ценностные ориентации личности и общества по данным языка. Так же как и ценности, антиценности могут отражаться в языке говорящего.

Ключевые слова: *Аксиология, ценности, антиценности, язык, человек, сознание, идеалы, парадигмы*

В данной статье анализируется антиценность через ее опосредованное выражение в языке. А именно антиценность наркомании через жаргон наркоманов. Еще в 1984 году известный английский философ, основоположник новейшей английской этики Дж.Э. Мур, предложил новый подход к анализу морали через ее выражение в языке [4].

Категории, термины, связанные с аксиологией, во все большей степени присутствуют в новейших исследованиях по лингвистике, позволяя выйти на прояснение глубинных аспектов «человека в языке». Язык – это и пространство энергетического пересечения множества модусов переживания бытия человеком в его воздействующем диалоге с открывающимся познанию и освоению миром и самим собой в процессах жизни – выживания, вовлеченности, самовыражения, самоидентификации, попытках гармонизации, единения с этим миром и другими, подобными себе [6].

Оценочное измерение картины мира и дискурса определяется жизненным миром человека и общества, находящихся в процессе освоения / присвоения мира и, как следствие, непрерывном поиске своей идентичности, первооснов и смыслов бытия в потоке жизни в направлении от пережитого (актуального) к ожидаемому (потенциальному) и в экзистенциальной совмещенности данных векторов. В этом плане более высокое по своей человеческой духовной устремленности ценностное измерение отражает субъективацию человека в явлениях, как должное и желаемое, что основано на его потребностях как сущностном свойстве живого, интенциях и убеждениях, степени его личной пристрастности. В результате, регулируется эмоционально-интеллектуально-речевая деятельность человека и его целостная система существования.

Аксиологический подход, рассматривающий язык как зеркало базовой системы ценностей и антиценностей социума и важнейший источник информации о ней, успешно применяется для изучения современной, общенародной, древнейшей, крестьянской ментальности и культуры. Аксиологическая лингвистика способна дать исследователю ключи к объяснению основ мировоззрения и глубинных мотивов поведения, как отдельного человека, так и целых народов, существующих и действующих в определенных социокультурных условиях.

Г.Г. Слышкин отмечает, что языковые единицы ценностно маркированы и нуждаются в лингвистическом анализе. Он различает, во-первых, аксиологию языка, включающую ценностное отношение к языку как к системе (аксиология мотивированных языковых единиц; аксиология синтагматики и парадигматики и др.) и как к средству групповой идентификации (аксиология перевода, аксиология языкового заимствования и др.). Во-вторых, аксиологию речи, включающую ценностное отношение к речевой креативности и речевой клишированности, аксиологию стиля и аксиологию речевых табу. И, в-третьих, аксиологию дискурса [7].

«Живой язык существует лишь в сознании говорящих на нем людей, законы языка объясняются законами человеческого разума и общества. Таким образом, язык тесно связан с социологией (он является продуктом общественной жизни) и психологией. В языке объединяются две функции – биологическая и социальная. В процессе общения собеседники взаимодействуют и оказывают влияние друг на друга. Все существенно переживаемое субъективно, все мысли направлены к действию. Соприкасаясь с жизнью, язык пропитывается аффективностью, каждое слово может получить оценочное значение» [2].

При социологической направленности в фокусе исследования оказываются не только отношения между языком и объективными социальными факторами, такими, как различные элементы социальной структуры, но и отражение в языке и речевой деятельности субъективных социальных факторов, социальный аспект межличностной коммуникации, взаимодействие языка и сфер социальной жизни.

На первый план в социально и аксиологически ориентированной лингвистике выходит операциональный аспект языкового анализа. Лингвистическая аксиология рассматривает язык как важнейший источник информации о ценностях и антиценностях. Язык как ценность, это больше, чем средство общения, это – символ связи со своим народом, своей историей, своей верой.

Ценности и антиценности выражают человеческое измерение культуры, воплощают в себе отношение к формам человеческого существования, характеризуют человеческое измерение общественного сознания, поскольку пропущена через личность, через ее внутренний мир.

Ценности существуют и функционируют объективно в практике реальных социальных отношений и субъективно осознаются и переживаются как ценностные категории, нормы, цели и идеалы, которые, в свою очередь, через сознание и духовно-эмоциональное состояние людей и социальных общностей оказывают обратное воздействие на все сферы человеческой жизни. «Существование, которое приближает нас к абсолютной полноте жизни, есть положительная ценность, а то, что отвлекает от нее, – отрицательная ценность» [3].

В наших исследованиях отрицательную ценность мы называем «антиценность». К антиценностям относят, в самом общем виде, жадность, паразитизм, враждебность и агрессивность, насилие и его крайние формы – убийство, войну, геноцид. Особый тип антиценностей возникает в системе «человек – окружающая среда». Это осквернение и разрушение среды обитания, бицид и экоцид. К антиценностям, первой жертвой которых является сама живущая ими личность, принадлежат наркомания, алкоголизм и порнография. Наконец, это круг антиценностей, общим названием которых может служить выражение «вредные привычки» – такие как лень, неорганизованность, обжорство, а также масса мелких недостатков, связанных с неумением или нежеланием соблюдать разумный этикет, гигиену, опрятность и т. д.

Мир антиценностей, порождаемый античеловечностью как таковой или ее синтезом с некоторыми нейтральными свойствами или потребностями человека, так же разнообразен и безбрежен, как и его ценностный мир. Большая часть антиценностей обращена во вне, связана с областью межличностных, социальных или социоприродных отношений.

Следует отметить, что не только ценности, но и антиценности отражаются в языке говорящего. В аспекте аксиологии интерес представляет и анализ того, какие антиценности могут выражаться языковыми единицами.

В «Аксиологическом фразеологическом словаре русского языка» наркомания представлена в виде антиценности. Где наркомания относится к слотам фразеологической парадигмы витальной антиценности БОЛЕЗНЬ. БОЛЬНОЙ: *винтовое бдение, высохли трубы, джефое бдение, сесть в систему, сесть на иглу, сесть на препарат* [1]. Так же в «Аксиологическом фразеологическом словаре английского языка» наркомания относится к слотам фразеологической парадигмы витальной антиценности ILNESS. TO ACHE. ILL: *artificial Paradise* [букв. искусственный Рай], *chemical Door in the Wall into the world of transcendental experience* [букв. химическая дверь в стене в мир трансцендентного опыта], *chemical opening of door's into Other World* [букв. химическое отворение двери в Иной Мир], *cocaine blues* [букв. кокаиновый блюз], *cotton fever, crack attack, drug fiend etc.* [1].

Заметим, что с точки зрения стилистики жаргон, сленг или арготизмы – это не вредное явление в системе языка, которое вульгаризирует устную речь говорящего, а органическая и в какой-то мере необходимая часть этой системы. Но жаргон наркоманов, который объединяет в себя и наркоманов и торговцев наркотиками и всех тех, кто так или иначе связан с наркоманией, является отражением антиценностной субкультуры.

«Родной язык может быть, а может и не быть ценностью» [5]. Если на родном языке говорят на жаргоне наркоманов – это, конечно, антиценность. Поэтому исследуемый нами жаргон наркоманов русского и английского языков носит не только лингвистический, но и социально-аксиологический характер.

Список литературы

1. БХ – Байрамова Л.К. Словарь русского и английского жаргона наркоманов; словарь антиценностей / Л.К. Байрамова, Н.Ф. Халиуллова. – Казань: Центр информационных технологий, 2009. – 196 с.
2. Гак В.Г. Предисловие / Ш. Балли // Язык и жизнь. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – С. 8.
3. Лосский Н.О. Ценность и бытие / Н.О. Лосский. – М.: АСТФ, 2001. – 864 с.
4. Мур Дж.Э. Принципы этики / Дж.Э. Мур, пер с англ. Л.В. Коноваловой. – М.: Прогресс, 1984. – 327 с.
5. Найдорф М. Язык как ценность / М. Найдорф, 2006. Режим доступа: <http://froddian.livejournal.com>
6. Серебренникова Е.Ф. Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов / кол. монография под рук. Е.Ф. Серебренниковой. – М.: ТЕЗАУРУС, 2011. – 352 с.
7. Слышкин Г.Г. Аксиология языковой личности и сфера наивной лингвистики / Г.Г. Слышкин // Социальная власть языка: сб. науч. тр. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – С. 87-90.

10.02.00

И.В. Шерстяных канд. филол. наук

Иркутский государственный университет,
педагогический институт,
отделение гуманитарно-эстетического образования,
кафедра филологии и методики,
Иркутск, irkinna@yandex.ru

**СТЕРЕОТИПНЫЙ ОБРАЗ ЛЕКСЕМЫ «ЖАНР»
В РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА
(НА МАТЕРИАЛЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)**

Статья посвящена описанию синтагматики слова «жанр» как инструменту анализа его значений. В сознании носителей русского языка существует стереотипный образ лексемы «жанр», наделенный рядом специфических черт. Лексема «жанр» выступает вербализатором не только художественных произведений, но и нехудожественных, не только речевых феноменов, но и поведенческих. Валентностный анализ, способствующий выявлению сочетательных возможностей лексемы «жанр» и определению его валентностного набора, позволяет увидеть трансформацию в области парадигматики полисеманта «жанр».

Ключевые слова: жанр, литературный жанр, речевой жанр, стереотипный образ, вербализация, валентность.

Как известно, самые важные для человека реалии внешнего и внутреннего мира вербализуются. Нами предпринята попытка выявить случаи вербализации понятия «жанр» в устной речи. Для этого подробно рассматриваются лексико-семантические варианты (ЛСВ) исследуемого слова и определяются его валентностные возможности.

Материалом исследования послужили языковые единицы, представленные на портале «Национальный корпус русского языка» (НКРЯ). Предметом анализа стали контексты употребления слова «жанр» и его словоформ, представленные в устном корпусе НКРЯ. Объем устного корпуса НКРЯ составляет 3 913 документов, лексема «жанр» встречается в 55 документах (90 вхождений).

По мнению В.В. Дементьева, для проверки места понятия «жанр» в коммуникативной компетенции носителя языка бесполезна проверка места лексемы «жанр» в языковой (или скорее метаязыковой) компетенции. Систематическое рассмотрение контекстов, с одной стороны, показывает, в каких сферах жизни / культуры / коммуникации носители языка наиболее естественно «видят» явления, именуемые словом «жанр», с другой – выявляет явную экспансию понятия «жанровости» [3].

Современные толковые словари определяют «жанр» как многозначное слово, бытующее в речи в двух ЛСВ: 1) «исторически сложившийся род искусства или литературы, характеризующийся определёнными сюжетными, композиционными, стилистическими и др. признаками; отдельные разновидности этого рода»; 2) «живопись на бытовые сюжеты; отдельная картина на такой сюжет» [2]. Третий ЛСВ слова «жанр» сопровождается в толковых словарях пометой *устар.*: «манера, стиль» [4].

Согласно данным «Русского ассоциативного словаря», самые частотные реакции на стимул «жанр» отражают системные (родо-видовые) отношения и связаны с первым ЛСВ слова «жанр»: *театр* (8 реакций); *кино* (6 реакций); *комедия, литература, литературный* (по 5 реакций); *поэзия* (4 реакции); *литературы, проза, сатира* (по 3 реакции) [5].

Согласно данным 2-го тома «Русского ассоциативного словаря», 12 стимулов вызвали ассоциат *жанр*, причем большинство из них – лексемы, характеризующие качество, свойство

жанра: популярный, интересный, классический, малый, музыкальный, определенный, оригинальный, подлинный, превосходный [6].

Как видим, лексема «жанр» входит в ядро языкового сознания русских, в ассоциативное поле слова «жанр» включается отраженный в толковых словарях и вербализированный носителями русского языка стереотипный образ.

Перейдем к описанию синтагматики слова «жанр» как инструменту анализа его значений.

Валентностные возможности лексемы прямо или косвенно фокусируют лингвистические параметры слова, отражают многообразие его семантических, тематико-ситуативных и оценочно-прагматических связей. Поскольку в синтагматических связях отражены коммуникативные свойства слов, имеющие информативно-смысловую и прагматическую направленность, то валентность лексемы может быть рассмотрена как модель, представляющая значимость конкретного слова для данного языка.

Анализ валентности полисеманта «жанр» позволяет выделить следующие семантические группы.

1. Лексема «жанр» употребляется по отношению к разновидностям литературно-художественных произведений: абсурд, «альтернативная фантастика», анекдот, баллада, воспоминания, драма, драматургия, исторические романы, комедия, легенда, легендарный случай, народные легенды, нота бене к воспоминаниям, ода, буколическая повесть на исторической канве, роман, сатира, современная философская повесть, трагедия, трилогия, фантастика, фантастический жанр, фельетон, фэнтези.

2. Лексемой «жанр» именуют жанры театра, кино, музыкальные жанры, а также жанры живописи: боевик, детектив, жанр спектакля, жанр фильма, комедия, мелодрама, мыльные оперы, романтическая история; куплеты, песня, песня-репортаж, жанр психологического танца (о танго), электронная музыка, металл (о музыке), хоровое пение, «шансон»; жанр миниатюр, жанр эмблемы, жанровая живопись.

3. Слово «жанр» используется для обозначения типов текстов, используемых в разных сферах общественной жизни: беседа, библиографическая заметка, газетный жанр, жанр журналистики, жанр текста, жанр фонограмм, журналистика, комментированная цитата, литературное объяснение, научная записка, постскриптум, справка, эпистолярный жанр.

4. Лексема «жанр» употребляется обобщенно, обозначая жанр в определенном искусстве: жанр в литературе, жанр в живописи, фольклорный жанр.

5. Жанр оценивается с точки зрения формы: мини-жанр, малый жанр, малый речевой жанр.

6. Жанр характеризуется с точки зрения времени его создания и характера употребления: быстро меняющийся, важный, главный, достаточно почтенный и утвердившийся, древний, любимый, модный, «нового сложения», новый, основной, особый, редкий, самый актуальный.

7. Жанр оценивается с точки зрения присущего ему характерного качества: академический, интересный, легкий, нелегкий, легкий (о жанре песни), «облегченный», обычный, повествовательный, пропагандистский, синтетический, сложный, техничный, филигранный, чистый.

8. Жанр соотносится с принадлежностью субъекту-создателю: его, не мой, не наш, свой.

9. «Жанр» предполагает следующие процессы: возникает, исчез, может стать [прекрасной иллюстрацией к картине советского общества], нравится, существует, расплылся, получил развитие.

10. С «жанром» возможны следующие действия: определить, проанализировать, понимать, брать, терпеть, должны пройти по [всем жанрам], говорить [«жанр»], предпочитать, придумать, снизить, защищать, носит характер, предложит вашему вниманию.

Большинство контекстов, размещенных в устном корпусе НКРЯ, демонстрирует первый ЛСВ слова «жанр». Сочетания со словом «жанр», представленные в семантических группах 1-2, 4, 6-7, 9, 10, демонстрируют употребление исследуемого слова, как правило, в терминологическом значении по отношению к определенной разновидности искусства и литературы.

В сознании носителей русского языка присутствует стереотипный образ понятия «жанр». При этом эксплицируются его отдельные характеристики, чаще всего те, с помощью которых выражается отношение к тому или иному жанру: ... абсурд – это оди... / это наш любимый жанр в литературе. Редкий / надо сказать / в-в-в современной в... [Елена Лихачева, жен] Потому что сложный очень (Ш. Мартынова, Е. Лихачева. Интервью в передаче «Они сделали это»); А воспоминаний не пишу. Терпеть не могу этот жанр. Сплетни о великих. Причём / со всякими подробностями обязательно. Кто с кем спал... (К. Худяков, Д. Рубина. На Верхней Масловке, к/ф).

Говоря о том или ином жанре, субъект речи оценивает этот жанр с точки зрения формы и / или содержания: Вот прошло уже половина фильма у нас на канале / и я / честно говоря / не могу жанр определить / то ли это драма / то ли это боевик / то ли это романтическая история. Что же это такое? [Кубаев, муж] Это драма и романтическая история и боевик. Это все / что уместается в нашу жизнь (Интервью с кинорежиссером на телеканале НТВ); [Александр Гордон, муж] Как вы определяете жанр «Мастера и Маргариты»? [Владимир Немцев, муж] Жанр – это трагедия / безусловно / это трагедия / «Свободная Мениппея» в жанре трагедии написана. И Вы знаете / Мастер всё-таки постиг... постигнул истину / и среди прочего роман «Мастер и Маргарита» – это ещё роман об истине / которую увидел и Булгаков / и его герои (М. Булгаков. Программа «Гордон»).

В языковом сознании носителей русского языка существует четкое представление о модификации жанров, упразднении жанровых перегородок, размытости жанровых форм: Драматургия – это очень быстро меняющийся жанр / быстро меняющийся мир (М. Арбатова в программе «Школа злословия»); Ну совсем чистых жанров / наверное / нет. И опять же / как правило / жанр понимаешь до конца только / когда вещь закончена. То есть нельзя начать писать книгу в твердой уверенности / что это будет там такая-то / такая-то (Интервью с Сергеем Лукьяненко на радиостанции «Маяк»); Ни в коем случае. Это штампы. Это не алфавит / не формат. У каждого произведения свой жанр. Они не повторяются. Понятие жанр настолько расплылось (Урок актерского мастерства).

Контексты устного корпуса НКРЯ демонстрируют применение понятия «жанр» не только к художественным произведениям, но и к нехудожественным, не только к речевым феноменам, но и к поведенческим, к единицам ментальных и реальных действий: Жанр / это как я отношусь к событиям в пьесе (Урок актерского мастерства); ...он не так уж молод / чтобы ухаживать / но не настолько стар / чтобы волочиться. Его жанр / цыпочки / вроде Виржинии (А. Сурикова и др. Ищите женщину, к/ф).

Валентностный анализ, способствующий выявлению сочетательных возможностей лексемы «жанр» и определению его валентностного набора, позволяет увидеть трансформацию в области парадигматики полисеманта «жанр». Третья и пятая семантические группы демонстрируют развитие у слова «жанр» еще одного ЛСВ, не отмеченного в современных толковых словарях: жанр можно определить как 'форму организации речевого материала'. Это лингвистический подход к определению понятия «жанр». Каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы высказываний, которые М.М. Бахтин назвал речевыми жанрами [1].

Жанры речи соответствуют типичным ситуациям речевого общения, типичным темам, т.е. представляют собой отражение в речи многократно встречающихся в жизни определенных видов социального взаимодействия людей [7]. На основе этих признаков определяется диапазон речевого жанра: ...то шо мы сегодня вытащили его выступить перед публикой / в общем / это / я подозреваю / не совсем его жанр / но тем интереснее (А. Оноприенко. Эволюционные тупики социосистемы); Это совершенно другой жанр / и здесь вы имеете полное право высказывать свою точку зрения / ошибаться вместе с радиослушателем или со своим собеседником. Вот это главный жанр журналистики / внутри этого принципа можно практически все / что соответствует закону и интересам вашей аудитории (Беседа И. Яковенко со слушателями радио «Эхо Москвы»).

Имея представление о том, что такое жанр, носители языка дают свои обозначения, вписывая их в общую таксономию жанров речи: ... мы взяли два жанра / международный обзор ну не что очень определенное и существовал на протяжении всех этих лет / сейчас его фактически ну я не знаю в каких-то журналах может и есть из газет он практически исчез / и жанр который мы называли раздумье о судьбах молодежи... (Беседы с О.Б. Сиротининой); ...средством экспрессивизации в газете / стала не только табуированная / в прошлом лексика и фразеология / но и такие малые речевые жанры / мини-жанры / как анекдот/ и новый жанр которого раньше не знала наша публицистика / он не имеет ещё названия я его называю комментированная цитата (А.П. Сковородников. Доклад на Шмелевских чтениях в ИРЯ РАН); А... вот в первом номере журнала «Кругозор» я опубликовал а... значит / пластинку э... такой новый жанр / как мы считали / кото-который мы называли песня-репортаж / где / значит э... в песне / песня / как явление какого-никакого / но искусства / была соединена / значит / с э... настоящими / живыми голосами реально живущих людей (Ю. Визбор. Выступление в Новосибирске).

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что в сознании носителей русского языка существует стереотипный образ лексемы «жанр», наделенный рядом специфических черт, которые актуализируются в дискурсе. Опыт практического освоения и совокупность знаний об этом понятии отражается в языке и речи. Анализ контекстов употребления позволяет предположить, что слово «жанр» выполняет в речи метатекстовую функцию. В большинстве контекстов слово «жанр» служит для обозначения определенного рода речевых произведений. Лексема «жанр» употребляется по отношению не к одним лишь письменным произведениям, но и к устным, не только к текстам, но и к образованиям, не имеющим строгой текстовой организации. Лексема «жанр» может быть определена как вербализатор стереотипа речевого поведения.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 237.
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2008. – С. 299.
3. Дементьев В. В. О месте понятия «жанр» в языковой компетенции: на материале выражения «в жанре...» в НКРЯ // Жанры речи. – Саратов, 2017. – № 2 (16). – С. 200.
4. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2001. – Т. 1: А – О. – С. 453.
5. Русский ассоциативный словарь: В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: Астрель: АСТ, 2002. – Т. 1: От стимула к реакции. – С. 192.
6. Русский ассоциативный словарь: В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: Астрель: АСТ, 2002. – Т. 2: От реакции к стимулу. – С. 234.
7. Шерстяных И. В. Теория речевых жанров: лекционно-практический курс для магистрантов. – М.: Флинта: Наука, 2013. – С. 18.

10.02.00

М.В. Шурупова канд. филол. наук

Государственный гуманитарно-технологический университет,
кафедра английской филологии и переводоведения,
Орехово-Зуево МО, mar4878@yandex.ru

ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОРРЕКТНОСТИ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматривается явление политической корректности с позиций его лингвистического воплощения в особых средствах языка. Выбор русского языка в качестве материала для исследования объясняется недостаточной степенью освещения особенностей явления политкорректности в условиях российской действительности.

Ключевые слова: *политическая корректность, языковая политика, идеология, стереотип.*

Язык является мощным средством регуляции деятельности людей в различных сферах жизни, поэтому изучение речевого поведения современной личности, осмысление того, в какой степени носитель языка владеет его богатством, насколько эффективно им пользуется, – очень важная и актуальная задача. Не последнюю роль в процессе успешной и эффективной коммуникации играет соблюдение общепринятых речевых норм поведения, одной из которых является речевой этикет.

Помимо общих требований, следование которым обеспечит успешность межличностного диалога при решении разных коммуникативных задач, в последнее время особую актуальность и значимость приобрели правила речевого такта и политической корректности в языке. Впервые феномен политической корректности зародился в США во второй половине XX века. Его возникновение было вызвано тем, что население США африканского происхождения стало демонстрировать негативное отношение к «расизму английского языка», а затем требовать изменений в его лексике. После этого в американском варианте английского языка начали появляться новые нейтральные понятия для называния представителей различных национальностей. Основным лингвистическим средством при этом выступил такой стилистический прием, как эвфемизм [7, с. 514].

Термин «политическая корректность» по-разному трактуется в зарубежных и отечественных источниках. Так, в “Encyclopaedia Britannica” приводится следующая трактовка данного термина: political correctness (PC) – term used to refer to language that seems intended to give the least amount of offense, especially when describing groups identified by external markers such as race, gender, culture, or sexual orientation [3]. В “Collins English Dictionary” находим следующее определение: political correctness is the attitude or policy of being extremely careful not to offend or upset any group of people in society who have a disadvantage, or who have been treated differently because of their sex, race, or disability [2].

Пузаков А.В. и Слугина А.Ю. определяют политическую корректность как социально-политическое, культурное и языковое явление, нацеленное на преодоление любых проявлений ущемления чьих-либо прав из-за расовой принадлежности, пола, сексуальной ориентации, религии, возраста, материального достатка, состояния здоровья, внешности и прочих факторов, которые могут стать причинами дискриминации; это явление предполагает использование в речи специфических лексических средств, исключающих любые потенциально дискриминационные коннотации [6]. В.И. Карасик понимает под политической корректностью своеобразную идеологию, которая является одной из специфических характеристик англоязычного политического дискурса и затрагивает расовую, половую, социальную принадлежность людей, их физические и умственные

недостатки, а также возраст [5, с. 345]. Основной «задачей политической корректности является устранение стереотипов, укоренившихся в человеческом сознании (прежде всего, стереотипы в отношении людей другой национальности или расы, пола, физического или умственного состояния, закрепленных в языке в виде слов, которые могут быть интерпретированы как оскорбляющие достоинство представителей этих категорий людей» [8, с. 24–26].

Следует отметить, что поскольку английский язык является международным языком общения, а также языком политики, экономики и бизнеса, вполне закономерно, что феномен политкорректности стал частью общественной жизни во многих странах. Изучение феномена политической корректности в русском языке представляется актуальной задачей современной лингвистики, поскольку по сравнению с западными странами данное явление не получило такого широкого освещения и детального описания (хотя некоторые слова и выражения уже прочно вошли в употребление). Это может быть связано с тем, что большинство публикаций на тему политической корректности в русском языке носит критический характер. А. Белояр рассматривает политкорректность как «разновидность неофициальной необъявленной цензуры, нашедшей свое наибольшее применение в США, а также в остальных странах Запада, и в последнее время в Российской Федерации. Политкорректность в своей практике официально направлена на то, чтобы не оскорблять и не унижать чьи-либо чувства. Вместе с тем основным назначением политкорректности автор считает структурирование и регламентирование информационного пространства и подачи информации: отсечение от распространения политически неблагонадежных темы и формирование общественного мнения в «правильном направлении» [4, с. 184]. М. Bohm считает, что само название «политическая корректность» неизменно вызывает негативную реакцию у носителей русского языка, которые утверждают, что явление «не впишется в российские реалии, где люди привыкли называть вещи своими именами» [1].

Однако нельзя отрицать возросший интерес российских СМИ к проблемам национального характера, равноправия полов, дифференциации граждан по социальному принципу и др., т.е. проблемам, которые находятся в фокусе внимания политкорректности. Большинство политически корректных слов, существующих в русском языке, были заимствованы, например: «афроамериканец», «сотрудник клининговой службы», «гастарбайтер» и др. Однако некоторые политкорректные единицы всегда были частью нашей культуры. Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что с течением времени слова и выражения, которые первоначально воспринимались как политически корректные, приобрели отрицательную коннотацию и в современных языковых условиях могут восприниматься как оскорбительные. Приведем несколько примеров: бомж (лицо без определенного места жительства) – данный акроним стал использоваться в России в 90-е годы прошлого века с целью смягчения и вытеснения более грубого слова «бродяга» («бич») (первоначально слово «бомж» являлось милицейским термином, затем приобрело помету «сленг»). Выражение «простые смертные», которое призвано заменить слово «бедные», считающееся оскорбительным, также обладает уничижительной коннотацией и, возможно, задает чувства финансово неуспешных людей в гораздо большей степени, чем первоначальное слово «бедный». То же относится и к выражению «лица кавказской национальности», которое с негативной стороны характеризует одновременно любого жителя Кавказа и не относится ни к одной национальности – в частности. Данное выражение появилось в милицеских протоколах также в 90-е годы XX века и является характерным показателем стереотипности мышления.

Тем не менее, следует сказать и о положительном влиянии явления политической корректности на словарный состав русского языка последних десятилетий. Например, на страницах печатных СМИ и на телевидении сегодня общепринятым стало выражение «прерывание беременности», которое заменило непolitкорретное слово «аборт». То же касается и таких выражений, как: «проститутка» – «женщина с низкой социальной ответственностью», «бедные» – «малообеспеченные слои населения», «инвалид» – «человек

с особыми потребностями». Последний пример, однако, нуждается в некотором комментарии. В российском обществе само слово «инвалид» до недавнего времени не воспринималось как нечто, оскорбляющее чувство собственного достоинства человека, имеющего определенные проблемы со здоровьем. Именно поэтому до сих пор в различных источниках можно встретить наряду с политекорректным выражением «человек с особыми потребностями» такие, как «недееспособный», «нетрудоспособный», «с ограниченными возможностями». Все это свидетельствует о необходимости совершенствования языковой культуры и такта.

В заключение скажем, что политкорректность действительно является мощным средством регуляции речевого поведения людей и предотвращения межнациональных, межкультурных и межличностных конфликтов. Данное утверждение основано на том, что основополагающей для политкорректности является склонность к достижению компромисса, распространение идей мультикультурализма, недопустимость небрежного отношения к ценностям различных наций и народностей, признание прав каждого человека.

Список литературы

1. *Bohm M.* Russia Can Benefit from Political Correctness [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://themoscowtimes.com/articles/russia-can-benefit-from-political-correctness-15444/> (дата обращения: 25.08.2018).
2. *Collins English Dictionary* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/political-correctness> (дата обращения: 25.08.2018).
3. *Encyclopaedia Britannica* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.britannica.com/topic/political-correctness> (дата обращения: 24.08.2018).
4. *Белояр А.* Толковый словарь демократического новояза и эвфемизмов. – М.: Редакция 2, 2007. – 321 с.
5. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
6. *Пузаков А.В., Слугина А.Ю.* Специфика заимствования политкорректной лексики из английского языка в русский язык: лингвистические и социокультурные аспекты // *Инновационная наука.* – 2016. – №10-3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/spetsifika-zaimstvovaniya-politkorrektnoy-leksiki-iz-angliyskogo-yazyka-v-russkiy-yazyk-lingvisticheskie-i-sotsiokulturnye-aspekty> (дата обращения: 24.08.2018).
7. *Хижкина Л.А., Шурупова М.В.* Политическая корректность: English vs. Russian // *Электронное научно-практическое периодическое издание «Современные научные исследования и разработки»: материалы международного конкурса «Лучшая научная статья – 2016».* – №6 (6). – С. 514–516.
8. *Шейгал Е.И.* Культурные концепты политического дискурса / Е.И. Шейгал / *Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах.* – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2002. – С. 24–26.

10.02.20

М.А. Яхин, Г.Р. Еремеева канд. педагог. наук, А.Ю. Ермоленко

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
институт международных отношений,
кафедра иностранных языков для физико–математического направления и
информационных технологий,
Казань, Yakhinmarat94@gmail.com

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АВТОРСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ПРОЗЫ

Статья посвящена понятию «авторский неологизм». В статье рассмотрены и проанализированы переводы двух англоязычных романов: «Гарри Поттер» Дж. Роулинг, «Властелин колец» Дж. Толкина, выполненных переводчиками М. Спивак и И. Оранским, А. Кистяковским и В. Муравьевым; изучена частотность способов перевода авторских неологизмов переводчиками в текстах. Исследованы основные методы формирования неологизма: аффиксальный способ (префиксальный и суффиксальный способы); словосложение; конверсия; сокращение; обратная деривация; сращение; заимствование из других языков; аббревиация. Также выделена функциональная замена, калькирование, транскрипция, транслитерация, калькирование, описательный перевод (экспликация), переводческий окказионализм.

Ключевые слова: Язык, английский, русский, перевод, неологизм, функция, метод, формирование.

Каждый язык изменяется и формируется индивидуально. Так в речи человека появляются новые слова, язык обогащается, или эти новые слова устаревают, словарный запас теряет свою уникальность [5]. Взаимная заинтересованность общения между людьми приводит к тому, что новые слова постепенно или полностью проникают в повседневную речь человека. Неологизмы могут существовать долгое время в языке или могут полностью исчезнуть. В мире много изменений технического, экономического, государственно-правового и общественного характера. Именно благодаря этим изменениям в языковой системе формируются слова и заменяются устаревшие взгляды [1]. Лексикология и стилистика изучают новообразования, тем не менее, каждая из этих наук исследует новые слова со своей точки зрения. Лексикология исследует новообразования, их основы возникновения в лексике языка, особенности создания и способы появления новых слов в другом языке. Стилистика – новообразования с точки их стилистической расцветки. При наличии наглядного образца нового слова в конкретном стиле языка образуются неологизмы. Термин «неологизм» не имеет единого определения. В «Большом энциклопедическом словаре» в разделе «Лингвистика» дается следующее определение: «Неологизмы – это слова, смысл слов или словосочетания, которые появились в каком-нибудь языке в указанный период или применялись однажды («окказиональные» слова) в каком-нибудь документе или речи» [2]. Лингвист Т.Л. Канделаки объясняет этот термин так: «новейшая часть сравнительно какого-нибудь предыдущего этапа времени (слово или словосочетание слов), последняя или по конфигурации, или по структуре (либо по структуре и по конфигурации) и обладающая отдельным употреблением в разговорной речи» [3]. Ученый Я.И. Ретскер утверждает, что неологизмы обычно делятся на лексические и семантические новообразования, аналогично тому, появилось ли это новое слово или слово, уже существующее на языке, обозначающее последнее явление [4]. В.Д. Бояркина добавляет, что «термин «неологизм» объединяет множество типов новых слов, введений и перенимания. Это могут быть не только выдуманные слова литературного языка, но и слова, перешедшие из других языков,

восстановленные слова, к тому же индивидуальные писательские формирования» [5]. Авторский неологизм можно разделить на номинативные и стилистические новообразования в зависимости от целей его формирования и функции в речи. Первые выполняют номинативную функцию в языке, вторые – придают выразительную характеристику предметам, у которых уже есть наименования. В результате изучения термина «неологизм» выделяются следующие основные методы его формирования: аффиксальный способ (префиксальный и суффиксальный способы); словосложение; конверсия; сокращение; обратная деривация; сращение; заимствование из других языков; аббревиация. Выделяются следующие основные методы перевода неологизмов: функциональная замена, калькирование, транскрипция, транслитерация, калькирование, описательный перевод (экспликация), переводческий окказионализм.

Нами рассмотрено и проанализировано два произведения англоязычных авторов, изучена частотность способов перевода авторских неологизмов переводчиками в текстах. При анализе неологизмов исследовано 64 примера: в романе «Гарри Поттер» Дж. Роулинг – 32 примера перевода авторских неологизмов переводчиками М. Спивак и И. Оранским, в романе «Властелин колец» Дж. Толкина – 32 примера переводчиками А. Кистяковским и В. Муравьевым.

Исследование переводов авторских неологизмов Джона Рональда Руэла Толкина позволило обнаружить переводческие стратегии, которыми пользовались переводчики, а именно:

1) в переводе произведения «Властелин колец» на русский язык переводчика А. Кистяковского, главным образом, преобладает прием функциональной замены, так как для авторских новообразований достаточно сложно найти аналогии в переводящем языке. На втором месте по важности является транслитерация, затем – переводческий окказионализм;

2) в переводе произведения «Властелин колец» на русский язык переводчика В. Муравьева, главным образом, преобладает прием функциональной замены. А также необходимый прием для передачи неологизмов – калькирование. Преимуществами способа калькирования являются краткость и незамысловатость придуманного с его помощью эквивалента и его абсолютная соотнесенность с определенным словом. На третьем месте стоит транскрипция.

Исследование переводов авторских неологизмов Джоан К. Роулинг позволило обнаружить следующие переводческие стратегии:

1) в переводе произведения «Гарри Поттер» на русский язык переводчика И. Оранского, главным образом, преобладает прием функциональной замены. Затем транскрипция и транслитерация. У транскрибированных наименований нет смысловой нагрузки, так как исчезают намеки, аллюзии и ассоциации, которые значительны для детей, на которых и рассчитано это художественное произведение;

2) в переводе произведения «Гарри Поттер» на русский язык переводчика М. Спивак, главным образом, преобладает калькирование. На втором месте стоит транскрипция, затем описательный перевод (экспликация).

В исследовании авторских неологизмов мы пришли к выводу, что при переводе романа Джона Рональда Руэла Толкина «Властелин колец» переводчики чаще использовали функциональную замену. На втором месте стоит калькирование, на третьем месте – транслитерация и транскрипция. Переводческий окказионализм занимает последнюю позицию. Для переводчика А. Кистяковского наиболее употребительным способом передачи неологизмов на русский язык является функциональная замена, затем транслитерация и переводческий окказионализм. Для переводчика В. Муравьева – функциональная замена, затем калькирование и транскрипция. При переводе романа Джоан К. Роулинг «Гарри Поттер» переводчики чаще использовали такой способ перевода, как функциональная замена. Данный способ перевода занимает лидирующую позицию. На втором месте – калькирование. Третье место по праву делят транслитерация и транскрипция, затем описательный перевод (экспликация). Для переводчика И. Оранского наиболее

употребительным способом передачи неологизмов на русский язык является функциональная замена, затем транскрипция и транслитерация. Для переводчицы М. Спивак – калькирование, затем транскрипция и описательный перевод (экспликация).

Таким образом, определяя важную цель в работе переводчика, мы обозначаем ее в ознакомлении читателей, не владеющих иностранным языком, с текстом, при этом сохраняя традиционную красочность, авторские неологизмы, структуру и стиль написания автора. Однако переводчик не всегда способен полностью обойти языковые противоречия, но знать и учитывать их при переводе.

Список литературы

1. Бояркина В.Д., О некоторых особенностях нового вербального лексикона, Москва: Наука, 1983.
2. Даниленко В.П., Лингвистический аспект терминологической стандартизации, Москва: Наука, 1993.
3. Канделаки Т.Л., Семантика и мотивация терминов, Москва: Наука, 1977.
4. Ретскер Я.И., Пособие по переводу с английского языка на русский, Москва: Образование, 1982.
5. Сакаева Л.Р. Сопоставительный анализ фразеологических единиц антропоцентрической направленности (на материале русского, английского, таджикского и татарского языков). Диссертация на соискание уч. степени д-ра филол. наук. Уфа: 2009.
6. Ярцева В.Н., Лингвистический энциклопедический словарь, Москва: Наука, 1990.

10.02.00

¹М.А. Яхин, ²Г.К. Исмагилова канд. филол. наук, ³Н.А. Сигачева канд. педагог. наук.

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт международных отношений,
кафедра иностранных языков для физико-математического направления и
информационных технологий,
Казань, ismagilowagulyusa @yandex.ru

РУССКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ТАТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Данная статья посвящена русским заимствованиям в произведениях татарских писателей. Необходимо обратить особое внимание на то, что заимствования имели одно или несколько значений. Некоторые слова не сохранили своего первоначального значения. Слова рассматривались исходя из однозначности, многозначности. После проведения тщательного анализа слов, можно сказать, что татарский литературный язык вобрал в себя огромное количество русских слов. Причиной этому является специфика исторического развития Татарстана.

Ключевые слова: лингвистика, заимствования, писатель, татарский язык, русский, двуязычие.

Взаимодействие русского и татарского языков имеет свою богатую историю. Двуязычие существовало уже в глубокой древности. Объем вклада одного языка в другой обычно не бывал одинаковым. Язык с широкими общественными функциями оказывал большее влияние на язык, имеющий более узкую сферу функционального использования. Укрепление связей с русским народом служило дальнейшему расширению татарско-русского двуязычия, интенсивному процессу проникновения русских слов в лексику татарского языка. Пополнение татарского языка за счет русских слов повлияло на процесс совершенствования литературного языка. Постоянное развитие экономики, науки и культуры обусловило стилистическое усвоение многих терминов. Потребность общения вынуждала людей, говорящих на одном языке, вступать в непосредственный контакт с людьми общающимися на других языках [1, с. 154].

Так или иначе, заимствования отражают все исторические события, которые сопровождают развитие какого-нибудь конкретного народа. В лексике находят отражение все события жизни общества. Лексические заимствования позволяют восстановить историю разных народов, также форму этих отношений. Роль и значение отдельных слов в жизни каждого народа приводит к значительной дифференциации их обозначения. Исходя из этого лексико-семантическая система языка пополняется не только путем создания новых слов, но и путем освоения слов других языков.

Лингвистов всегда привлекала проблема соотношения языков и культур и их взаимодействие в современном обществе. Каждая нация отличается своеобразием культуры, менталитетом и особенностями языка. В современном обществе носитель определенного языка живет в тесном контакте с другими народами. Люди проживают в одном политическом, экономическом пространстве и вынуждены изучать, воспринимать языки друг у друга. В связи с этим заимствования наглядно показывают связь народов и степень их культурного взаимодействия.

Языки не существуют изолированно, каждый из них в какой-то степени подвергается внешним влияниям. Язык постоянно обновляется новыми словами. Общеизвестно, что русский язык имел заметное влияние на татарский язык. Разностороннее влияние русского и через него вошедших западноевропейских заимствований происходит и на сегодняшний день. Заимствования происходят из-за влияния одной культуры на другую и отсутствия эквивалента или понятия на родном языке.

В начале 20 века, когда были написаны большинство произведений Г. Исаки, Ш. Камала, М. Гафури, словарный состав татарского языка интенсивно пополнялся новыми словами, выражающими новые понятия и явления общественной жизни, порожденные в процессе исторического преобразования России. Заимствования прежде всего были связаны с повышением грамотности населения, огромной ролью школы, радио, периодической печатью [2, с. 73].

В творчестве татарских писателей можно найти большое количество русских и западноевропейских слов. При этом следует заметить, что в некоторых произведениях заимствования употреблены больше. С точки зрения современного литературного языка наличие некоторых заимствований из русского языка может показаться странным, но это объяснимо – в то время национальный литературный язык только создавался. По некоторым примерам можно сделать предположение, что в народном языке впервые начали употребляться те или иные заимствования из разных областей науки, общественной жизни, быта.

Заметное место в творчестве татарских писателей занимают лексические диалектизмы, то есть слова употребляющиеся в татарских диалектах при наличии собственно татарских слов, бытующих в литературном языке, например, *‘нуталак’* (русс. потолок, тат. түшәм), *‘прашение’* (русс. прошение, тат. гариза), *‘грэблэ’* (русс. грабли, тат. тырма или кул тырмасы), *‘калпания’* (русс. компания, тат. төркем или ширкәт) [4, с. 68]. Прежде всего необходимо отметить, что такие слова не могут служить полезным дополнением словарного состава литературного языка, потому что не несут никакой особой смысловой нагрузки и ничем не отличаются от соответствующих им по значению собственно татарских слов. Они являются лишь незначительными дублетами всем известных татарских слов.

Отсюда можно сделать вывод, что нерегулируемый поток русских слов, перешедших в татарские диалекты порождает заимствование той лексики, которой нет в своем языке. Все это говорит о том, что важно различать результаты взаимодействия татарских диалектов с русским языком, образовавшиеся в дооктябрьский период и в советское время. В этом отношении не могло не иметь значения и то, что в дооктябрьский период русская лексика проникла в татарский народный язык в процессе устного общения из русских диалектов. И она ограничивалась по преимуществу бытовой и административно-хозяйственной терминологией. Неудивительно, что послеоктябрьский период отличается насыщенным пополнением словарного состава татарской деревни новыми словами, обозначающими новые понятия и явления общественной жизни. Конечно, в это время в татарских диалектах произошли существенные изменения под влиянием, во-первых, татарского литературного языка, во-вторых — русского. Язык татарского народа, в ходе исторических преобразований, очищался от устаревших слов, означающих старую технику ведения хозяйства [3, с. 26].

Целесообразно отметить что, заимствования употребляются лишь в тех случаях, когда в родном языке нет конкретного слова для обозначения какого-то понятия. Например, слово *‘книга’*, которое так часто встречается в романах «Нищенка», «Мулла бабай», использовано лишь в результате стихийного подражания. Это характерно для местности, где население двуязычное. Двуязычие создает условия для смешения лексических единиц, что в свою очередь приводит к нерегулируемому притоку иноязычных слов в разговорную речь, диалекты и произведения художественной литературы. Кроме слова *‘книга’* в романах есть такие слова из русского языка, как *‘школа’*, *‘учитель’*, *‘танса (танец)’*, *‘сорочка’*, *‘господин’*, *‘мальчишка’*, *‘начальница’*, *‘постоялый двор’*, *‘записка’*, *‘парадный’*, *‘маршевать’* которые усиливают экспрессивность, иногда комичность, сарказм, в разных ситуациях, изображенных в романах [4, с. 69].

Приведенный обзор слов наглядно показывает, что русские заимствования проникли в татарский язык не книжным путем, а из народного языка. Следовательно, словарное заимствование не просто является механическим наклеиванием одних ярлыков на место других, а подразумевает собой сложное лексическое явление. Очень часто приходится сталкиваться с тем фактом, что лексика калькируется даже тогда, когда имеются для

определения похожие слова в своем языке. В конечном итоге, взаимоотношения между заимствованиями и словами родного языка принимают сложные и своеобразные черты. Такие заимствованные слова могут вытеснить уже имеющиеся слова, или сосуществовать вместе с ними, применяясь как синонимы к ним, по мере необходимости.

Г. Исхаки, Ш. Камал будучи просвещёнными татарскими интеллигентами, любили произведения русских писателей М. Горького, Н. Гоголя, Л. Толстого, И. Тургенева, А. Чехова, в чем они неоднократно признавались в своих творчествах. В романе «Нищенка», где использовано большинство русских, западноевропейских лексических единиц, прототипом Мансура является сам Г. Исхаки. Он хорошо владел русским языком, даже преподавал его сыновьям богатых татар. Автор с иронией пишет, что дети богатых семей не упускали ни одного случая, чтобы использовать русские слова в своей речи. Разговаривать вставляя иноязычные слова в речь, считалось очень актуальным в начале XX века.

Как уже было сказано, освоение лексических элементов русского языка ведет к увеличению новых понятий в татарском языке. Приведенные факты говорят о том, что в творчестве татарских писателей встречается много лексических элементов русского языка. Необходимо заметить, что не все русские заимствования одинаково служат обогащению и развитию языка. Несмотря на то, что некоторые слова, особенно в речи персонажей, могли быть заменены словами татарского языка, а вместо этого у них употреблены русские слова. Тогда еще не было единого морфологического оформления заимствованных слов и твердо установленных правил. В его произведениях имеется много немотивированных дублетных форм. Все русские заимствования еще раз подтверждают, что прогресс цивилизации приводит к различным изменениям языка [5, с. 300].

Родной язык всегда остается главной формой выражения национальной культуры. Более прочные позиции занимает национальный язык в быту, где дополнительными средствами общения являются диалекты и говоры. За последние годы сильно изменилось соотношение сфер употребления русского и родного языка у татар. В настоящее время издается очень мало фундаментальных исследований по изучению русского языка среди татарского народа России. Все это говорит о том, что правописание русских заимствований необходимо привести в соответствие с правилами современного татарского произношения, учитывая все специфические особенности разноструктурных лексических единиц.

Список литературы

1. *Ахунзянов Э. М.* Русские заимствования в татарском языке. Казань: издательство Казанского университета, 1968, С.154-175.
2. *Ахунзянов Э.М.* Двухязычие и лексико-семантическая интерференция. Казань: 1978, С.72-89.
3. *Бабенко Л. Г.* Лингвистический анализ художественного текста. Москва: изд. Флинта: Наука, 2005, 496 с.
4. *Исмагилова Г. К.* Лексика романов Г. Исхаки «Нищенка», «Мулла бабай»: дис. канд. фил. н. – Казань, 2008. – С. 67-69.
5. *Исхакий Г. Г.* Әсәрләр: 15 томда. – 3 том – Казан: Тат. кит. нәшр., 2001. – 448 б.

АННОТАЦИИ
ABSTRACTSА.М. Саяпова
«ГАМЛЕТ» ШЕКСПИРА В ПЕРЕВОДЕ НА ТАТАРСКИЙ
ЯЗЫК Н. ИСАНБЕТОМ

Ключевые слова: «Гамлет» Шекспира, перевод Исанбета, сопоставительный анализ, синтагма.

В статье рассматриваются особенности перевода «Гамлета» Уильяма Шекспира Наки Исанбетом, татарским писателем, ученым-лингвистом, автором фундаментального труда в 3-х томах «Словарь татарских пословиц и поговорок» (на татарском языке). Особенности перевода Н. Исанбета в статье рассматриваются на текстуальном уровне в сравнительно-сопоставительном его анализе с текстами оригинала и перевода М. Лозинского, мастера переводческой школы высочайшего уровня, который стал учителем для переводчиков многих национальностей, в том числе татар. В качестве конкретного материала нами взят текст 2 сцены III акта, в которой актеры разыгрывают роли короля и королевы. В данной сцене – «мышеловке» – сфокусированы основные смысловые предложения произведения. Анализ трех прозаических текстов проводится на уровне синтагм – основных языковых единиц, с которыми работает переводчик как поэзии, так и прозы. При передаче интонации и ритма оригинала, как для М. Лозинского, так и для Н. Исанбета, характерна ориентация на общий контекст произведения, его смысл. Каждый из них в своем языке находит средства для воссоздания интонации и ритма, аналогичные ритму оригинала. Перевод поэтической части оригинала на татарский язык потребовал сопряженности перевода с интерпретацией.

В.Н. Бараков
ИЗДАНИЯ Ю.И. СЕЛЕЗНЁВА В УНИВЕРСИТЕТСКИХ
БИБЛИОТЕКАХ РОССИИ (АНАЛИЗ ЭЛЕКТРОННЫХ
КАТАЛОГОВ)

Ключевые слова: Ю.И. Селезнёв, университетские библиотеки, электронные каталоги.

В работе представлены результаты анализа электронных каталогов университетских библиотек России на предмет наличия в них книг Ю.И. Селезнёва в сравнении с изданиями двух других знаменитых критиков и литературоведов: В.В. Кожина и Ю.М. Лотмана. Наследие выдающегося русского критика Ю.И. Селезнёва (1939 – 1984) определяется значимостью его творчества. Актуальность его работ в условиях идеологического кризиса возрастает, поэтому так важна для молодёжи сама возможность познакомиться с книгами Ю.И. Селезнёва.

О.И. Бирюкова, И.В. Горобченко, Т.П. Малявина
АНГЛИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА РУБЕЖА ВЕКОВ В СИСТЕМЕ
ИНТЕРМЕДИАЛЬНОСТИ: К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ
МОДЕЛИРОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА

Ключевые слова: интермедальность, моделирование, интермедия, синтез искусств, постмодернизм, ассоциация, референция.

В настоящей статье интермедальность рассматривается как характерная особенность английской литературы рубежа веков. Согласно типологии интермедальных связей в исследуемом художественном материале присутствуют как интермедальные отсылки, так и собственно интермедальные связи. Особый акцент делается на анализе образов героев и композиционной структуре текстов. Доказывается, что представители английской литературы рубежа веков смело экспериментировали с формой и техниками художественного повествования, осваивали приемы интермедального взаимодействия, которые явились важнейшей составляющей их художественного метода.

Э.М. Галимзянова, Ф.Х. Миннуллина, Ф.Г. Файзуллина
ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ПЬЕСЫ Ф. ТУЙКИНА «ЖЕРТВЫ
ЖИЗНИ»А.М. Sayapova
SHAKESPEAR'S HAMLET IN ITS TRANSLATION INTO
THE TATAR LANGUAGE BY N. ISANBET

Keywords: Shakespeare's Hamlet, Isanbet's translation, comparative analysis, syntagm.

The article is devoted to the study of peculiarities of the translation of "Hamlet" by Naki Isanbet, a Tatar writer, linguistic scientist, the author of a fundamental work in three volumes "A Dictionary of Tatar proverbs and sayings" (in Tatar language). Peculiarities of N. Isanbet's translation are examined at the textual level in the article in its comparative analysis with the texts of the original and the translation by M. Lozinsky, a master of translation school of the highest level, who became a teacher for translators of many nationalities including Tatars. As a particular material we chose the text of Act 3, Scene 2, in which actors play the roles of the king and the queen. In this scene – "the Mousetrap Scene" the basic semantic maxims of the work are focused. The analysis of the three prosaic texts is carried out at the level of syntagms – basic language units with which both a translator of poetry and a translator of prose work. When conveying the intonation and the rhythm of the original for both M. Lozinsky and N. Isanbet orientation on the general context of the work, its meaning is common. Each of them finds in his native language means recreating intonation and rhythm analogous to the rhythm of the original. The translation of the poetic part of the original into the Tatar language required the conjugacy of translation and interpretation.

V.N. Barakov
THE YU.I. SELEZNYOV EDITIONS IN UNIVERSITY
LIBRARIES OF RUSSIA (THE ANALYSIS OF ELECTRONIC
CATALOGUES)

Keywords: Yu.I. Seleznyov, university libraries, electronic catalogs.

In work results of the analysis of electronic catalogs of university libraries of Russia regarding existence of books by Yu.I. Seleznyov in them in comparison with editions of two other famous critics and literary critics are presented: V.V. Kozhinova and Yu.M. Lotmana. The heritage of the outstanding Russian critic Yu.I. Seleznyov (1939 - 1984) is defined by the importance of his creativity. The relevance of his works in the conditions of ideological crisis increases therefore an opportunity to get acquainted with books by Yu.I. Seleznyov is so important for youth.

O.I. Biryukova, I.V. Gorobchenko, T.P. Malyavina
ENGLISH LITERATURE OF THE TURN OF THE CENTURY
IN THE SYSTEM OF INTERMEDIALITY: ON THE
PROBLEM OF MODELING ART SPACE

Keywords: intermediality, modeling, intermedia, synthesis of arts, postmodernism, association, reference.

In this chapter, the intermediality is considered as a characteristic feature of English literature of the turn of the century. According to the typology of intermedial relations in the study of art material present as intermedial references and intermedial communications. Special emphasis is placed on the analysis of the characters' images and the composition structure of the texts. It is proved that the representatives of the English literature of the turn of the century boldly experimented with the form and techniques of artistic narration, mastered the techniques of intermedial interaction, which were the most important component of their artistic method.

E.M. Galimzyanova, F.H. Minnullina, F.G. Faizullina
THE GENRE SPECIFICITY PLAYS F. TUIKINA «VICTIM
OF LIFE»

Ключевые слова: Ф.Туйкин, татарская литература, драма, равноправие женщин, трагедия, жанр.

Статья посвящена изучению пьесы Ф. Туйкина «Жертвы жизни» (1912). Исследуется жанровая специфика произведения и проблема противостояния героев драмы трагическим обстоятельствам. Анализ трагического конфликта раскрывает неразрывную связь судьбы героев и судьбу татарского народа в начале XX века.

М.А. Герайзаде

ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ ДЖОНА ФАУЛЗА

Ключевые слова: экзистенциализм, анализ, роман, философия. В данной статье анализируется проблема французского экзистенциализма в творчестве Джона Фаулза (на основе романа «Волхв»). Одна из ведущих тем романа - тема одиночества, имеющая экзистенциальный характер. В отличие от других Дж. Фаулз считает природу единственным средством преодоления одиночества.

Л.Х. Давлетшина, И.И. Хуснуллина

СИМВОЛИКА ПЕЧИ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ТАТАР

Ключевые слова: семиотика, мифология, традиция, обряд, печь, пространство, дом.

В данной работе предлагается опыт исследования одного из элементов внутреннего пространства традиционного татарского дома – печи как знакового объекта культуры. Анализ семантики и функциональной нагрузки печи сквозь призму хозяйственной деятельности, мифологических представлений, семейно-бытовой обрядности, заговорно-заклинательной традиции позволяет сделать вывод о том, что печь ассоциируется в традиции как центр дома и путь сообщения с иным миром.

Г.Н. Зайнеева, Г.А. Хуснутдинова

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Г. ИБРАГИМОВА (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ «НОВЫЕ ЛЮДИ», «КРАСНЫЕ ЦВЕТЫ», «ЛЮДИ»)

Ключевые слова: Г. Ибрагимов, произведения, революция, драма, история, голод.

В статье рассматриваются исторические аспекты в произведениях Г. Ибрагимова «Новые люди», «Красные цветы», «Люди». В них отражены события, факты, происходившие в истории нашей страны, и которые заслужили высокую оценку в истории татарской литературы. Также приводятся факты из архивных источников, критические оценки современников того периода.

Т.И. Зайцева, О.И. Налдеева, И.Ф. Павлова, Е.П. Прокаева ВОЕННАЯ ПУБЛИЦИСТИКА ПИСАТЕЛЕЙ УДМУРТИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВОВ)

Ключевые слова: военная публицистика, писатели-фронтовики, архивные материалы, публицистические жанры, поэтика.

В статье на основе изучения архивных материалов представлены основные тенденции развития удмуртской военной публицистики. В годы Великой Отечественной войны публицистика являлась основной формой творчества практически всех удмуртских мастеров художественного слова. В репортажах, очерках, заметках, статьях, письмах повествовалось о жизни людей на фронте, об их чувствах и духовных переживаниях, об их отношении к различным фактам войны. Многообразная по форме, индивидуальная по творческому воплощению удмуртская военная публицистика является примером мужества и преданности своей Родине.

Я.В. Иконникова, Н.Ю. Желтова

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО РОМАНА А.И. КУПРИНА «ЮНКЕРА» КАК МАРКЕР КОНЦЕПТА «СВОЕ-ЧУЖОЕ»

Ключевые слова и фразы: литература русского зарубежья; А. И. Куприн, художественное пространство, концепт «свое-чужое», оппозиция.

В статье исследуется художественное пространство романа А.И. Куприна «Юнкера» с точки зрения реализации в нем

Keywords: F.Tuikin, Tatar literature, drama, women's equal rights, tragedy, genre

The article is devoted to the study of The «Victims of life» (1912). The author investigates the genre specificity of the work and the problem of opposition of the drama heroes to tragic circumstances. Analysis of the tragic conflict reveals the inextricable link between the fate of the heroes and the fate of the Tatar people in the early XX century.

M.A. Gerayzade

EXISTENTIALISM IN THE WORK OF JOHN FOULZ

Keywords: existentialism, analysis, novel, philosophy, concept. This article analyzes the problem of French existentialism in the works of John Fowles (based on the novel «Magus»). One of the leading themes of the novel is the theme of loneliness, which has an existential character. Unlike others, J. Fowles considers nature the only way to overcome loneliness.

L.Kh. Davletshina, I.I. Khusnullina

SYMBOLISM OF THE FURNACE IN THE TRADITIONAL CULTURE OF THE TATARS

Keywords: semiotics, mythology, tradition, ceremony, furnace, space, house.

In this work experience of a research of one of elements of internal space of the traditional Tatar house – the furnace as a sign object of culture is offered. Analysis of the semantics and functional load of the furnace through the prism of economic activity, mythological ideas, family and household rites, spell tradition leads to the conclusion that the furnace is associated in the tradition as the center of the house and the way of communication with the other world.

G.N. Zayneeva, G.A. Husnutdinova

THE HISTORICAL REALITY IN THE WORKS OF G. IBRAGIMOV (ON THE EXAMPLE OF WORKS «NEW PEOPLE», «RED FLOWERS», «PEOPLE»)

Keywords: G. Ibragimov, works, revolution, drama, history, hunger.

The article deals with the historical aspects in the works of G. Ibragimov "New people", "Red flowers", "People". They reflect the events and facts that took place in the history of our country, and which have been highly appreciated in the history of Tatar literature. Also the facts from archival sources, critical assessments of contemporaries of that period are given.

Т.И. Зайцева, О.И. Налдеева, И.Ф. Павлова, Е.П. Прокаева MILITARY JOURNALISM OF WRITERS OF UDMURTIA (BASED ON ARCHIVES)

Keywords: military journalism, front-line writers, archival materials, journalistic genres, poetics.

The article analyzes the main tendencies of Udmurt military journalism development based on the analysis of archival materials. During the Great Patriotic War, journalism was the main form of creativity for almost all Udmurt masters of the artistic word. The reports, essays, notes, articles and letters was described about life of people at the front, their feelings and spiritual experiences, their attitude to various facts of war. The Udmurt military journalism, which is diverse in form and individual in its creative embodiment, is an example of bravery and devotion to its Homeland.

Ya.V. Ikonnikova, N.Yu. Zheltova

ARTISTIC SPACE OF THE NOVEL BY A. KUPRIN «CADETS» AS IDENTIFICATION MARK OF THE CONCEPT «OWN-OTHER»

Keywords: literature of russian abroad, A.I. Kuprin, artistic space, concept «own-other», opposition.

The article explores the artistic space of the novel by A. Kuprin «Cadets» from the point of view of realization of the most important concept for the writer «own-other». It is shown that the

важнейшего для творчества писателя концепта «свое-чужое». Показано, что концепт представлен на всех уровнях идейно-поэтической системы произведения: образной, структурно-композиционной, пространственно-временной. Свообразными маркерами «своего» и «чужого» в романе являются оппозиции «своего дома» (название целой главы в романе) и чужбины, военных и штатских, Москвы и Петербурга, традиций и современности, родного и эмигрантского и др. Доказывается, что в «Юнкерах» в концентрированной форме показаны характерные особенности дореволюционного устройства русской жизни, отражена эволюция взглядов писателя на проблемы национального, государственного.

Т. Ю. Климова

**СМЫСЛОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ ТЕКСТОВ В
МЕТАНАРРАТИВЕ В. МАКАНИНА «КЛЮЧАРЕВ-РОМАН»**
Статья вторая («Лаз», «Стол, покрытый сукном и с графином
посередине»)

Ключевые слова: В.С. Маканин, «Ключарев-роман», метанарративные конструкции, мотив копания, психоанализ, переоформление «я».

Во второй статье выявляются метанарративные конструкции в завершающих «Ключарев-роман» повестях «Лаз» и «Стол, покрытый сукном и с графином посередине». К умозрительным схемам мироустройства здесь добавляются современные антропологические теории и психоанализ. Метагерой Ключарев представлен в логике восхождения от безликой усредненности к уникальному «я», ответственному за Слово и духовное равновесие в мире. Это становится условием переоформления его личности и выхода на другой уровень метатекстовости: «художник-творец».

**Б.В. Кондаков, Ван Кэвэнь, А.А. Красноярская
«КИТАЙСКИЙ ТЕКСТ» РУССКОГО ЛИТЕРАТУРЫ XXI ВЕКА**

Ключевые слова: Китайский текст, образ Китая, русская литература, И.А. Алимов, В.М. Рыбаков, XXI век.

В статье раскрываются особенности «китайского текста» в произведениях русской литературы XXI начала века, созданных современными российскими востоковедами (И.А. Алимовым и В.М. Рыбаковым). В качестве основных его особенностей называются обращение к «альтернативной» (потенциальной) истории и «разомкнутому» художественному времени, использование фантастики, воспроизведение традиционных сюжетов и символических культурных реалий, идеологием китайской философии, «восточных» мифологием, мотивов и образов. «Китайский текст» позволяет, используя «экзотический» материал, поставить важные для современной России проблемы.

М.В. Мелихов

**ОГОНЬ ИЛИ ЛЕД: КАРТИНЫ АДА И СТРАШНОГО СУДА В
ВИДЕНИЯХ ПЕЧОРСКОГО СТАРООБРЯДЦА С.А. НОСОВА**

Ключевые слова: эсхатология, видения, старообрядческие писатели Печоры.

В статье рассматриваются особенности художественного мира видений последнего старообрядческого писателя на Печоре С.А. Носова. В результате соединения книжных эсхатологических мотивов и собственного жизненного опыта и фантазии автора получились оригинальные произведения, в которых соединились фантастические мотивы Апокалипсиса с бытовыми реалиями жизни северянина второй половины XX века.

А.М. Соян

**СВОЕОБРАЗИЕ ПОЭЗИИ А.БЕГЗИН-ООЛА: ФОЛЬКЛОРНЫЕ
ИСТОКИ**

Ключевые слова: поэзия, стихотворение, фольклор, народные песни, пословицы и поговорки.

В статье рассматривается своеобразие поэтических произведений тувинского писателя Алексея Бегзин-оола. В стихотворениях данного автора умело использованы композиционные, художественные, содержательные особенности фольклорных жанров. Устно-поэтическое творчество является основным источником произведений поэта.

concept is presented at all levels of the ideological and poetic system of the work: imaginative, structural and compositional, spatial and temporal. The peculiar marks of «own» and «other» in the novel include the opposition of own home (the name of the whole chapter in the work) and foreign land, military and civilian, Moscow and St. Petersburg, traditions and modernity, native and emigrant, etc. It is proved that in «Cadets» characteristic features of the pre-revolutionary device of Russian life are shown in the concentrated form, evolution of views of the writer on problems of national, state is reflected.

T.Yu. Klimova

**MEANING RELATIONS OF TEXTS IN THE V. MAKANIN'S
METANARRATIV "KLYUCHAREV-NOVEL"**

Article two ("Manhole", "The table covered with cloth and with a decanter in the middle")

Keywords: V.S. Makanin, "Klyucharev-novel", metanovel's structures, the motive of digging, psychoanalysis, the transformation of "I".

The second article reveals the meta-narrative constructions in the final "Klyucharev-Roman" novels "Manhole" and "The Table covered with cloth and with a decanter in the middle". Modern anthropological theories and psychoanalysis are added to the speculative schemes of the world order. Meta-hero Klyucharev presented in the logic of ascending from a faceless averaged to a unique "I," responsible for the Word and spiritual balance in the world. It becomes a condition of renewal of his person and exit to another level of metatextual: "artist-creator".

**B.V. Kondakov, Wang Kewen, A.A. Krasnoyarskaya (Popkova)
«CHINESE TEXT» OF RUSSIAN LITERATURE OF THE XXI
CENTURY**

Keywords: Chinese text, image of China, Russian literature, I.A. Alimov, V.M. Rybakov, 21st century.

The article examines the "Chinese text" constructed in Russian literature of the 21st century. These texts are written by contemporary Russian scholars-orientalists (I.A. Alimov and V.M. Rybakov). Among its particular features are "alternative" (or potential) history, "open-ended" time, fantastical elements, traditional Chinese plots and stories as well as symbolical cultural images, ideas of Chinese philosophy and "oriental" myths, motives and images. Based on the "exotic" material, at the same time "Chinese text" attracts attention of the scholars because it stimulates them to pose important questions concerned contemporary Russia.

M.V. MELIKHOV

**FIRE OR ICE: PICTURES OF HELL AND SCARY IN
VISIONS OF OLD BELIEVER FROM THE PECHORA S.A.
NOSOVA**

Keywords: eschatology, visions, Old Believers writers Pechora
The article considers the features of the artistic world of the visions of the last Old Believer writer on Pechora S.A. Nosov. As a result of combining book eschatological motifs and the author's own life experience and fantasy, original works came together in which the fantastic motifs of the Apocalypse were combined with the everyday realities of life of a northerner of the second half of the twentieth century.

A.M. Soyán

**THE ORIGINALITY OF THE POETRY OF A. BEGZIN-OOL:
FOLK ORIGINS**

Keywords: poetry, poem, folklore, folk songs, Proverbs and sayings.

The article discusses the originality of the poetic works of the Tuvian writer Alexei Begzin-oöl. In the poems of the author skillfully used compositional, artistic, meaningful features of folk genres. Oral poetry is the main source of the poet's works.

О.Ю. Юрева, Ван Ланьцзуй
ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО
«ВОЙНА И МИР» В СВЕТЕ ИДЕЙ КИТАЙСКОЙ
ФИЛОСОФИИ

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, «Война и мир», Конфуций, Лао-Цзы, женские образы.

В статье впервые рассматриваются женские образы романа «Война и мир» в свете идей китайских философов Конфуция и Лао-Цзы. Показывается близость воззрений Л.Н. Толстого на роль и предназначение женщины идеям китайской философии, рассматривающей предназначение женщины как деторождение, воспитание и служение мужу. Особое внимание в китайской философии и в романе Толстого уделяется нравственному и духовному воздействию женщины на мужчину, детей, а, следовательно, и на общество. Именно эти идеи определяют сущность «любимых» автором женских персонажей романа «Война и мир».

М.А. Битнер, И.В. Кудашов, Е.С. Мучкина
ОТРАЖЕНИЕ ОБРАЗА РОССИЙСКОГО ПРЕЗИДЕНТА В
СЕМАНТИКЕ АНГЛИЙСКИХ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ С
КОРНЕМ PUTIN

Ключевые слова: окказионализмы, информационный образ, мемы.

Язык средств массовой информации живо реагирует на экономические, политические и культурные изменения, что способствует образованию значительного числа окказионализмов. Изучение семантики таких лексических единиц свидетельствует не только о потребности в именовании новых явлений и событий, но так же позволяет определить отношение общества к именуемому объекту или событию. В настоящем исследовании предпринята попытка проанализировать семантику английских окказионализмов с корнем 'putin' и реконструировать масс-медийный образ президента Российской Федерации, сложившийся в англоязычном мире.

И.А. Борисенко, М.Г. Воднева
ПОВЫШЕНИЕ МОТИВАЦИИ И ПРЕОДОЛЕНИЕ
ТРУДНОСТЕЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ
СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Ключевые слова: мотивация, обучение, мотив, иностранный язык, медицинский университет.

Проблема мотивации при овладении иностранным языком становится все более актуальной. Расширение международных контактов делает знание немецкого языка необходимым в медицинской среде. В статье предложены пути повышения мотивации к изучению немецкого языка, рассматриваются наиболее характерные трудности при обучении и возможные меры их преодоления.

С.В. Буренкова, С.Е. Груенко
ЗАИМСТВОВАНИЯ С КОГНИТИВНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ
НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА МОДЫ)

Ключевые слова: заимствование, импорт концептов, концептуальное, параконцептуальное, бесконцептуальное заимствование, галлицизм, мода.

В статье рассматриваются заимствования с точки зрения объема и специфики их концептуального содержания, что позволяет авторам объяснить закрепление или исчезновение французских заимствований немецкой концептосферы «Мода». Функционирование заимствования в принимающей лингвокультуре напрямую зависит от того, насколько релевантными для её представителей оказываются знания, стоящие за заимствованным словом, поэтому французские заимствования концептуального и параконцептуального типов получают в немецком языке семантическую самостоятельность.

O.Yu. Yureva, Van Lasnzuji
THE FEMALE CHARACTERS IN THE NOVEL L. N.
TOLSTOY "WAR AND PEACE" IN LIGHT OF THE IDEAS
OF CHINESE PHILOSOPHY

Keywords: Leo Tolstoy, "War and peace", Confucius, Lao Tzu, female images.

The article for the first time examines female images of the novel "War and peace" in the light of the ideas of Chinese philosophers Confucius and Lao Tzu and shows the proximity of L. Tolstoy for the role and purpose of women to the ideas of Chinese philosophy, considering the purpose of women as childbirth, upbringing and service to her husband. Special attention in Chinese philosophy and Tolstoy's novel is paid to the moral and spiritual impact of women on men, children, and therefore on society. It is these ideas that define the essence of the "favorite" by the author of the female characters of the novel "War and peace".

M.A. Bitner, I.V. Kudashov, E.S. Muchkina
ENGLISH OCCASIONAL WORDS WITH THE ROOT
"PUTIN" AS THE MEANS OF CREATING THE
PRESIDENT'S MASS MEDIA IMAGE

Keywords: occasional words, mass media image, political image, memes.

Social media language reflects all the changes that take place in the area of culture, politics or economics, which leads to the formation of occasional words. This paper investigated the semantic peculiarities of occasional words with the root 'putin' in the English language. The analysis of such words helped to reconstruct the president's image that is being promoted in mass media discourse.

I.A. Borisenko, M.G. Vodneva
INCREASING OF MOTIVATION AND OVERCOMING
DIFFICULTIES IN TRAINING GERMAN LANGUAGE FOR
THE STUDENTS OF MEDICAL UNIVERSITIES

Keywords: motivation, training, motive, foreign language, medical university.

The problem of motivation in mastering a foreign language is becoming more and more important nowadays. The expansion of international contacts makes knowledge of German necessary in the medical field. The article suggests some ways to increase motivation in learning the German language as well as in discussing the most typical difficulties in its teaching and effective ways to overcome them.

S.V. Burenkova, S.Ev. Gruenko
BORROWING FROM COGNITIVE POINT OF VIEW
(BASED ON THE FRENCH LOAN-WORDS IN FASHION
GERMAN)

Keywords: borrowing, loan-words, concept borrowing, conceptual, paraconceptual and nonconceptual loan-word, Gallicism, fashion.

Based on the analysis of semantics and functional features of the Gallicisms, which correlate with German conceptsphere MODE, the authors conclude, that the French loan-words of the conceptual and paraconceptual types receive in the German language semantic independence and become full-fledged constituents of the German conceptsphere MODE and of the lexical-semantic system of the German language.

К.Н. Бурнакова, Т.Н. Боргоякова
ИССЛЕДОВАНИЕ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С
ЧАСТИЦАМИ: СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА

Ключевые слова: вопросительное предложение, частицы, структура, семантика, ритмомелодика.

В статье систематизированы малоизученные частицы, используемые в структуре вопросительного предложения в хакасском языке. Разные по своей природе – вопросительные, модальные, побудительные, а также частицы, выражающие эмоции и др., попадая в структуру предложения, существенно влияют на его вопросительную семантику, функцию и ритмомелодическое (интонационное) оформление. Это приводит к тому, что ритмомелодика в целом и его структурные компоненты в частности меняют конститутивные параметры своих единиц в зависимости от структуры и семантики вопросительного предложения с частицами при функционировании в языке и речи.

К.Н. Гафиуллина
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ
СТАНОВЛЕНИЯ, ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ
АНГЛИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ
СУДЕБНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Ключевые слова: английская юридическая терминология, лингвистический фактор, экстралингвистический фактор, судебная система, процессуальное право.

Данная статья посвящена одному из важнейших вопросов современной англистики - изучению юридической терминологии. В работе представлены результаты изучения влияния лингвистических и экстралингвистических факторов на процессы развития английской юридической терминологии судебного-процессуального права. В статье поднимается важный вопрос об отсутствии единой хронологии становления и формирования терминологии английского права, о значении этого вопроса для лингвистических исследований.

В.Е. Глызина, Н.Е. Горская, А.В. Федорюк
СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АНГЛИЙСКИХ ИМЕН,
ОБОЗНАЧАЮЩИХ ЕДИНИЦЫ ВРЕМЕНИ

Ключевые слова: семантика, имя, темпоральность, временные значения, семантический компонент времени, языковая картина мира.

В статье анализируются имена существительные, в значении которых, присутствует семантический признак «время». Показано, что именные группы временной семантики характеризуются достаточными возможностями в выражении временных значений. Доказано существование в английском языке группы имен существительных, которые представляют единую семантическую структуру лексемы time, поддающуюся классификации и определяющуюся через личное понимание. Расширены представления о наличии числа семантических признаков в периферийной сфере значения имени, а также о прототипической природе самих этих признаков.

С.А. Громыко, С.А. Ганичева
АНТИТЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ПОСТРОЕНИЯ
ВЫСКАЗЫВАНИЯ В РУССКОЙ ПАРЛАМЕНТСКОЙ РЕЧИ
НАЧАЛА XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ
ДЕПУТАТОВ-НАЦИОНАЛИСТОВ)

Ключевые слова: Политическая риторика, парламентская речь, дискуссия, дебаты, речевые структуры.

В статье рассматривается речь в российских парламентах начала XX века как объект лингвистического исследования. Описываются особенности речевых структур в русской парламентской дискуссии начала XX века. В качестве основной структуры, которая оказывает влияние на ход дискуссии, рассматривается антитетическая модель, ее разновидности и варианты.

К.Н. Burnakova, T.N. Borgoyakova
RESEARCH OF INTERROGATIVE SENTENCES WITH
PARTICLES: STRUCTURE AND SEMANTICS

Keywords: interrogative sentence, particles, structure, semantics, rhythm-melodics

The article deals with the insufficiently known particles used in the structure of the interrogative sentence in the Khakass language. They are different in nature - interrogative, modal, imperative, as well as particles expressing emotions, etc. Particles are directly involved in the structure of the interrogative sentence; affect its semantics, function and rhythm-melodics. This leads to the fact that rhythm-melody in general and its structural components in particular change the constitutive parameters of their units depending on the structure and semantics of the interrogative sentence with particles when functioning in language and speech.

K.N. Gafiullina
LINGUISTIC AND EXTRALINGUISTIC FACTORS OF
FORMATION AND DEVELOPMENT OF ENGLISH LEGAL
TERMINOLOGY OF JUDICIAL PROCEDURE LAW

Keywords: English legal terminology, linguistic factor, extralinguistic factor, judicial system, procedural law.

This article is devoted to one of the most important issues of modern English studies - the study of legal terminology. The paper presents the results of studying the influence of linguistic and extralinguistic factors on the development of English legal terminology of judicial procedure law. The article raises an important question about the lack of a single chronology of formation and formation of the terminology of English law, the importance of this issue for linguistic research.

V.Ye. Glyzina, N.Ye. Gorskaya, A.V. Fedoryuk
SEMANTIC INTERPRETATION OF ENGLISH NOUNS
REFERRING TO UNITS OF TIME

Keywords: semantics, name, temporality, tensed meanings, semantic time component, language worldview.

The paper deals with the nouns possessing the semantic feature of "time" in their meaning. Nominal groups of time semantics are shown to be characterized by sufficient amount of possibilities to express time meanings. A group of nouns in the English language has been proved to represent a single semantic structure of the lexical item of time. This lexical item is classifiable and can be identified from personal acquisition. The results, in particular, indicate that a considerably greater number of semantic features is available in the peripheral sphere of a noun meaning than it was used to be believed, the same being true of the prototypic nature of these very features.

S.A. Gromyko, S.A. Ganicheva
ANTITHETICAL MODEL CONSTRUCTION STATEMENT
IN THE RUSSIAN PARLIAMENTARY DEBATE IN THE
BEGINNING OF TWENTIETH CENTURY (ON THE
MATERIAL OF THE SPEECH OF NATIONALISE
DEPUTIES)

Keywords: the political rhetoric, parliamentary speech, discussion, debate, speech patterns.

The article considers the question of speech in the Russian parliament early twentieth century as an object of linguistic study. The distinctions speech patterns in the Russian parliamentary debate in the beginning of the twentieth century. As the basic structure, which influences the course of the discussion, we consider an antithetical model, its variations and options.

Р.А. Даминова

ФОНОСЕМАНТИКА: ОТ ИДЕИ ДО САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

Ключевые слова: *фонетический уровень языка, связь между звучанием и значением слова, звукоимовизм, фоносемантика. В работе представлен анализ литературы, который показывает важность фонетического уровня языка для исследования глубины семантики, что подтверждается историей развития фоносемантики и исследованиями последних лет.*

Л.М. Дзуганова, З.О. Доткулова, Ф.М. Ордокова, А.Г. Хамурзова
ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФЕНОМЕНА «РОДИНА» В АДЫГСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Ключевые слова: *лингвокультурология, концепт, структура концепта, семантика слова.*

В статье выявляются особенности отражения универсального лингвоконцепта «родина» в адыгском языковом сознании, являющегося сегментом языковой картины мира адыгов на примере лексемы хэку, входящей в синонимический ряд слов со значением «родина». Рассматривается лексико-семантическая организация лексемы и ее производных на основе оппозиции «свой-чужой», ее функционирование в прагмокоммуникативном аспекте.

Б.Н. Жантурина

ДЕВИАНТНОСТЬ В ТЕКСТОВЫХ ПАРАДИГМАХ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Ключевые слова: *девиантность, вариативность, логическая парадигма, перцептивно-оценочная парадигма*

В статье рассматривается свойство девиантности как инструмент вариативности при переводе и как маркер отклонения в семантическом поле фрагмента и целого текста. Девиантность показана в 4 русских переводах исходного четверостишия Э. Дикинсон на примере анализа текстовых парадигм (логических и перцептивно-оценочных) на ценностно-ориентированной и сенсорной лексике.

Г.Х. Зиннатуллина

АНТРОПОНИМЫ В СИСТЕМЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Ключевые слова: *художественный текст, поэтические антропонимы, текстообразующая функция.*

В данной статье антропонимы рассматриваются как одно из важнейших внутренних лингвистических средств текстообразования. Как показал анализ литературных текстов, художественный антропоним – важный функционально-семантический знак, который обладает смысло- и текстообразующими свойствами. Эти свойства ярко проявляются в индивидуализации и характеристике единичных объектов художественного пространства.

Е.Е. Ласкина, С.Е. Марченко, О.Б. Мойсова
АНАЛИЗ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АББРЕВИАТУР В ИНСТРУКЦИЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ БЫТОВЫХ ИНСТРУКЦИЙ ВЕКО)

Ключевые слова: *терминология, аббревиатуры, акронимы, словообразование.*

Данная статья посвящена особенностям перевода аббревиатур в инструкциях. Эта работа будет интересна, в первую очередь, преподавателям, работающим в системе профессионального образования. А также студентам, переводчикам, специалистам, имеющим дело с научно-технической литературой.

И.В. Марзоева, Г.Р. Муллахметова
СПОСОБЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СОБЕСЕДНИКА ПУТЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ: АНГЛИЙСКИЙ, ФРАНЦУЗСКИЙ, РУССКИЙ, ТАТАРСКИЙ)

R.A. Daminova

PHONOSEMANTICS: FROM THE IDEA TO THE INDEPENDENT DISCIPLINE

Keywords: *phonetic language level, connection between phonation and meaning of a word, sound symbolism, phonosemantics.*

This article presents the literature routys that shows the importance of the phonetic language level for semantic depth investigation. This was proved by phonosemantics evolution history and recent researches.

L.M. Dzuganova, Z.O. Dotkulova, F.M. Ordokova, A.G. Khamurzova

LINGUAL REPRESENTATION OF THE PHENOMENON "HOMELAND" IN THE ADYGHE LINGUOCULTURE

Keywords: *linguoculture, concept, structure of a concept, semantics of a word.*

The article reveals the peculiarities of the reflection of the universal linguoconcept "homeland" in the linguistic perception of the representatives of the Adyghe linguoculture which is a segment of the language picture of the world of the Circassian on the example of the lexical unit хэку, which enters the group of synonyms, denoting "homeland". The lexico-semantic structure of this lexical unit and its derivatives on the basis of the opposition "native-foreign", its functioning in the pragmocommunicative aspect are analyzed.

B.N. Zhanturnina

DEVIANCE IN TEXTUAL PARADIGMS UNDER TRANSLATION

Keywords: *deviance, variability, logical paradigm, perception-evaluation paradigm.*

The article focuses on deviance as an instrument of variability under translation, a marker of semantic shift in a text or fragment as well. Deviance is demonstrated on the example of 4 Russian translation variants for Emily Dickinson's poem; textual paradigms, logical and perception-evaluation ones, are analyzed with the help of perceptual and evaluation lexis.

G.H. Zinnatullina

THE ANTHROPONYMS IN THE SYSTEM OF THE ARTISTIC TEXT

Keywords: *literary text, poetic anthroponyms, text-forming function.*

In this article anthroponyms are considered as one of the most important internal linguistic means of text formation. As shown by the analysis of literary texts, artistic anthroponym is an important functional and semantic sign that has meaning and text-forming properties. These properties are clearly manifested in the individualization and characterization of individual objects of artistic space.

E.E. Laskina, S.E. Marchenko, O.B. Moysova
FUNCTIONING ANALYSIS OF ABBREVIATIONS IN INSTRUCTIONS (ON THE BASIS OF DOMESTIC INSTRUCTIONS BEKO)

Keywords: *terminology, abbreviations, acronyms, wordformation.*

The given article is devoted to the translation peculiarities of abbreviations in instructions. This work will be especially interesting for the teachers who teach in universities. Also this article may be interesting for the students who deal with scientific-technical literature.

I.V. Marzoeva, G.R. Mullahmetova
THE EMOTIONAL IMPACT METHODS BY USING PHRASEOLOGICAL UNITS IN ENGLISH, FRENCH, RUSSIAN AND TATAR LANGUAGES

Keywords: *phraseological unit, argument, aphorism, illocutionary, perlocutionary*

Ключевые слова: фразеологическая единица, аргументация, языковой афоризм, иллокутивный, перлокутивный.

В статье представлены результаты сравнительно-типологического анализа функционирования фразеологических единиц в языках, принадлежащих различным языковым группам. В отличие от традиционного подхода, в работе делается акцент не на системном употреблении вышеуказанных единиц, а на их коммуникативно-прагматическом потенциале.

Е.В. Меркель, А.Р. Петровская, Л.А. Яковлева
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОЙКОНИМОВ
ЮЖНОЙ ЯКУТИИ

Ключевые слова: топоним; ойконим; классификация; лексико-семантический; этимология; анализ.

В данной статье впервые представлено лексико-семантическое описание ойконимов Южной Якутии с учетом мотивации названий топообъектов. Дано описание семантических групп ойконимических единиц, в числе которых антропоойконимы, этноойконимы, гидроойконимы, отапеллятивные ойконимы и др. Отмечена зависимость тех или иных лексико-семантических групп ойконимов от языка происхождения топоединицы.

Основой данной коллективной работы послужили материалы, собранные в рамках научно-исследовательского проекта «Лексикографическое описание топонимии Южно-Якутского региона», выполненного при финансовой поддержке РГНФ.

В.И. Миколайчик
СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ СЕМАНТИЧЕСКИХ
ЭКВИВАЛЕНТОВ РУССКИХ МНОГОЗНАЧНЫХ ГЛАГОЛОВ
В ЗАПАДНОИРАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: семантическая дифференциация, деривативный аффикс, структурный тип, глагольная монолексема, семантический эквивалент.

Для глагольной лексики западноиранских языков характерна крайняя семантическая недифференцированность. Этим они кардинально отличаются от русского языка, где чрезвычайно развита деривативная аффиксация позволяет в одной глагольной монолексеме выразить несколько компонентов семантики денотативного и коннотативного уровней. В статье классифицируются средства западноиранских языков, позволяющие создать семантические эквиваленты русских многозначных глаголов.

Е.В. Мусина, Д.А. Тишкина
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АДЪЕКТИВНЫХ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ-
ЗООНИМОМ

Ключевые слова: адъективные фразеологические единицы, зооним, перевод фразеологических единиц.

В данной работе проводится сравнительное исследование адъективных фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в русском, английском и французском языках и рассматриваются различные способы их перевода.

З.А. Мухаева, Р.С. Барсукова, М.Р. Булатова
МУЖСКИЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА ПЕРМСКИХ ТАТАР НАЧАЛА
XIX в.

Ключевые слова: антропонимия, мужские личные имена пермских татар, «ревизская сказка», тюркские языки, татарский язык, структурно-семантический анализ, лексико-семантическая классификация.

Источником наших исследований послужили «Ревизские сказки 1816 года Пермской губернии Осинского уезда Гаининской волости». По материалам «ревизских сказок» нами была составлена картотека из 1530 личных имен и фамилий, в том числе мужских имен – 730, женских – 535, фамилий – 284. В рамках данной статьи приводим краткую лексико-семантическую классификацию мужских личных имен пермских татар и их структурно-грамматическое описание.

This paper presents the results of phraseological units functioning comparative-typological analysis in languages belonging to different groups. Unlike the traditional approach, the authors do not emphasize the system units use but reveal their communicative and pragmatic potential.

E.V. Merkel, A.R. Petrovskaya, L.A. Yakovleva
LEXICAL-SEMANTIC ANALYSIS OF OIKONYMS IN
SOUTHERN YAKUTIA

Keywords and phrases: toponym; oikonim; classification; lexico-semantic; etymology; analysis.

In this article for the first time presented the lexico-semantic description of the oikonyms (placenames) of South Yakutia with taking into account the motivation of topographic places' names. These is a description of the semantic groups of oikonymic units, including anthropoikonyms, ethnooikonyms, hydrocoikonyms, oapillatory oikonyms, etc. One can mention the dependence of certain lexico-semantic groups of oikonyms on the origin language of the topographic unit.

The basis of this team working was the information collected in the framework of the research project "Lexicographic description of the toponymy of the South Yakutia region" and which was financially supported by the RSHF (Russian Humanitarian Science Foundation).

V.I. Mikolaichik
STRUCTURAL SEMANTIC TYPES OF EQUIVALENTS OF
RUSSIAN POLYSEMOUS VERBS IN WESTERN IRANIAN
LANGUAGES

Keywords: semantic differentiation, derivative affix, structural type, verbal monolexemic, the semantic equivalent.

The verbal lexicon of Western Iranian languages characterized by extreme semantic undifferentiation. This makes them radically different from the Russian language, where the extremely developed derivative affixation allows expressing several components of the semantics of denotational and connotative levels in one verbal monolexem. The article classifies the means of Western Iranian languages, allowing to create semantic equivalents of Russian polysemous verbs.

E.V. Musina, D.A. Tishkina
COMPARATIVE ANALYSIS OF ADJECTIVE
PHRASEOLOGICAL UNITS WITH ZOONYM COMPONENT

Keywords: phraseological units, zoonym, translation of phraseological units.

In this paper comparative research of adjective phraseological units with zoonym component in Russian, English and French is done, and the ways of their translation are considered.

Z.A. Mukhaeva, R.S. Barsukova, M.R. Bulatova
MEN'S PERSONAL NAMES OF THE TATARS IN PERM
THE BEGINNING OF THE NINETEENTH CENTURY

Keywords: anthroponymy, male personal Perm Tatars, "revizskaya tale", Turkic languages, Tatar language, structural-semantic analysis, lexical-semantic classification.

The source of our study is the "Census tales 1816 Perm province. According to the materials of the "revizsky fairy tales" we produced card file from 1530 personal names, including male names – 730, female – 535, names – 284. For the purposes of this article, here is a brief of lexico-semantic classification of male personal names perm Tatars and their structural and grammatical description.

Х.Б. Нурғалина, Л.Г. Юсупова
ПРОЗВИЩА КАК ОСОБЫЙ ВИД АНТРОПОНИМОВ (НА
МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, РУССКОГО И
БАШКИРСКОГО ЯЗЫКОВ)

Ключевые слова: прозвища, антропоним, происхождение, топоним, значение, особенность.

В статье представлен анализ случаев прозвищ антропонимического происхождения, а также сфера употребления данных лексических единиц. Авторы рассматривают классификацию прозвищ и характерные особенности, определяющие национальную самобытность, условия жизни народа.

И.М. Солодкова, Л.Р. Исмагилова, А.Р. Нурутдинова,
Е.В. Дмитриева
СЛОЖНОСТЬ ПЕРЕВОДА СЕМАНТИЧЕСКИХ СТРУКТУР
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ОНОМАСТИЧЕСКИМ
КОМПОНЕНТОМ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Ключевые слова: трудности английского языка, фразеологические единицы, ассоциативные связи, ономастический компонент, закономерности перевода семантических структур

Английская фразеология разнообразна и представляет большой интерес по своей форме и семантике. Как известно, словарный запас языка подвержен изменениям, именно поэтому Р. Кверк назвал его «открытыми воротами языка», через которые в язык проникают новые слова и фразеологические единицы. Фразеологический фонд изменяется, пополняется и обновляется, и, естественно, в него входят и новые фразеологизмы с именами собственными. В статье рассматривается фразеология в неразрывном единстве с историей, культурой, традициями и литературой нации, говорящей на данном языке, данное единство четко прослеживается во фразеологических единицах с ономастическим компонентом.

Ц.Ц. Огдонова
К ВОПРОСУ О КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОМ
МОДЕЛИРОВАНИИ НАУЧНОГО КОНЦЕПТА «ЯЗЫКОВАЯ
СИТУАЦИЯ»

Ключевые слова: научный концепт, научный дискурс, языковая ситуация, когнитивно-дискурсивная модель, полипарадигмальный подход.

Статья посвящена изучению проблемы лингвокогнитивного описания и интерпретации научного концепта «языковая ситуация» как конструкта концептуальной рефлексивности в рамках научного дискурса. Представлена когнитивно-дискурсивная модель данного концепта, репрезентирующая полипарадигмальный подход к изучению языковой ситуации.

О.В. Праченко, Е.С. Хованская, Л.Н. Юзмухаметова
ПЕРЕВОД ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ИНДУСТРИИ
МОДЫ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Ключевые слова: перевод, терминологические единицы, дискурс моды.

Работа посвящена англицизмам дискурса моды в русском языке. На основе тщательного анализа теоретических работ и терминов индустрии моды в периодических изданиях, гляцевых журналах и электронных ресурсах, исследователи выявляют терминологические единицы индустрии моды и раскрывают основные способы их перевода с английского на русский язык. Авторы указывают на отсутствие специализированных словарей индустрии моды и необходимость их разработки.

Г.С. Сатаева, Н.А. Сидорова, И.Н. Тупицына
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛИЧНОСТНОГО
ВЫБОРА

Ключевые слова: личностный выбор, коммуникант, речевая коммуникация, языковая реализация.

Авторы статьи исследуют личностный выбор коммуникантов по поводу их представлений о личных отношениях в речевой

Kh.B. Nurgalina, L.G. Yusupova
THE NICKNAMES AS A SPECIAL KIND OF
ANTHROPONYMS (BASED ON THE ENGLISH, RUSSIAN
AND BASHKIR LANGUAGES)

Keywords: nicknames, anthroponym, origin, toponym, meaning, feature.

The article presents the analysis of cases of nicknames of anthroponymic origin. It deals with the sphere of these lexical units' usage. The authors consider the classification of nicknames and the characteristic features of them determining the national identity, the living conditions of the people.

I.M. Solodkova, L.R. Ismagilova, A.R. Nurutdinova,
E.V. Dmitrieva
THE TRANSLATION COMPLEXITY OF SEMANTIC
STRUCTURES IN PHRASEOLOGICAL UNITS WITH
ONOMASTIC COMPONENT (CASE STUDY: THE ENGLISH
LANGUAGE)

Keywords: difficulties of the English language, phraseological units, associative links, onomastic component, patterns of translation of semantic structures.

English phraseology is diverse in its form and semantics. As you know, the vocabulary is subject to change, which is why R. Kverk called it "the open gate of the language" through which new words and phraseological units penetrate the language. The phraseological fund changes are replenished and updated, and, naturally, it includes new phraseological units with proper names. The presented article deals with phraseology in inseparable unity with the history, culture, traditions, and literature of a nation speaking a given language; this unity can be seen in phraseological units that include a proper name.

Ts.Ts. Ogdonova
TO THE QUESTION OF COGNITIVE-DISCURSIVE
MODELING SCIENTIFIC CONCEPT «LANGUAGE
SITUATION»

Keywords: science concept, science discourse, language situation, cognitive-discursive model, poliparadigm approach. This paper is devoted to the study of the problem description and interpretation of lingvokognitiv description of the science concept «language situation» as construct conceptual reflexivity within scientific discourse. The cognitive-discursive model presented this concept, acting on poliparadigm approach to the study of the language situation.

O.V. Pratchenko, E.S. Khovanskaya, L.N. Uzmuhametova
TRANSLATION OF TERMINOLOGICAL UNITS OF
FASHION INDUSTRY FROM ENGLISH INTO RUSSIAN

Keywords: translation, terminological units, fashion discourse. The paper is devoted to the anglicisms of fashion discourse in the Russian language. Based on a thorough analysis of theoretical works and terms of the fashion industry in periodicals, glossy magazines and electronic resources, researchers identify the terminological units of the fashion industry and reveal the main ways of their translation from English into Russian. The authors point out the lack of specialized dictionaries of the fashion industry and the need for their development.

G.S. Satejeva, N.A. Sidorova, I.N. Tupitsyna
PSYCHOLINGUISTIC ASPECTS OF PERSONAL CHOICE

Keywords: personal choice, communicant, speech communication, language realization.

The authors examine the personal choice of communicants on their ideas about personal relationships in speech communication and about their attitude to the surrounding

коммуникации и отношения к окружающей действительности. Анализируются причины такого рода представлений и их языковая реализация. Личностные мотивы коммуникантов изучаются на основе деятельностного, интерактивного подхода к пониманию сущности речевой коммуникации.

М.А. Солошенко

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВАРИИРОВАНИЕ: УРОВЕНЬ СЕМАНТИКИ И УРОВЕНЬ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ СТРУКТУР (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Ключевые слова: лексико-семантическое варьирование, значение, концепт, концептуальная структура, концептуальная схема.

Настоящая статья посвящена вопросам лексико-семантического варьирования семантики слова, проблемам значения и способам представления значения слова. На основе исследований, проведенных в русле традиционной и когнитивной лингвистики, автором предпринимается попытка уточнить закономерности лексико-семантического варьирования и их отражение в лексикографической трактовке.

А.Ю. Трусова, С.В. Птушко

К ВОПРОСУ О МАНИПУЛЯЦИИ КАК КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ОСВЕЩЕНИЯ КОНФЛИКТА НА УКРАИНЕ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПЕРИОДИКЕ)

Ключевые слова: манипуляция, коммуникативная стратегия, манипулятивное воздействие.

В работе представлены результаты изучения коммуникативной стратегии манипуляции – совокупности завуалированных языковых средств и речевых приёмов, используемых для достижения адресантом намеченной цели общения, скрытой от адресата.

В процессе манипуляции выделяется две стороны коммуникации – манипулятор и объект манипулятивного воздействия, в процесс которого может вовлекаться посредник (СМИ). Манипуляционное воздействие подразделяется на две группы – манипуляция общественным и индивидуальным сознанием. Зная сущность, отличительные признаки, механизм и средства манипуляционного воздействия, объект манипулятивного воздействия имеет возможность противостоять влиянию манипулятора.

М.С. Харченко, Т.В. Горбунова

ИСТОРИЯ ОДНОЙ КОНСТРУКЦИИ: К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ КОНСТРУКЦИИ NEITHER/NOR/SO DO I, ОБРАЗОВАННОЙ ПО ПРИНЦИПУ ЗЕРКАЛЬНОЙ СИММЕТРИИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: симметрия, зеркальная симметрия, инверсия. Статья посвящена изучению истории вопроса о функционировании конструкции, образованной по принципу зеркальной симметрии. Делается попытка объяснить статистическое изменение употребления указанной конструкции в ходе исторического развития языковой системы с позиции синтаксической симметрии.

Н.Ф. Хасанова

ПРОБЛЕМА АНТИЦЕННОСТЕЙ В АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Ключевые слова: Аксиология, ценности, антиценности, язык, человек, сознание, идеалы, парадигмы

В данной статье рассматривается внутренний мир языкового общества наркоманов с точки зрения аксиологической лингвистики. Изучается содержание внутреннего мира языковой личности, ценностные ориентации личности и общества по данным языка. Так же как и ценности, антиценности могут отражаться в языке говорящего.

reality. The reasons of such representations and their language realization are analyzed. Communicants' personal motives and meanings are studied on the basis of activity, interactive approach to understanding the essence of speech communication.

M.A.Soloshenko

LEXICO-SEMANTIC VARIATION: LEVEL OF SEMANTICS AND LEVEL OF CONCEPTUAL STRUCTURES (BASED ON THE ENGLISH LANGUAGE MATERIAL)

Keywords: lexico-semantic variation, meaning, concept, conceptual structure, conceptual scheme

The article is devoted to the problems of lexico-semantic variation of the semantics of the word, problems of meaning and means of presenting the meaning of the word. Summing up the results of researches on cognitive and traditional linguistics, the author attempts to present her own approach to study of lexico-semantic variation and its representation in lexicography.

A.Yu. Trusova, S.V. Ptushko

TO THE QUESTION OF MANIPULATION AS A COMMUNICATIVE STRATEGY IN MODERN ENGLISH" (ON THE BASIS OF ENGLISH-SPEAKING PRESS)

Keywords: manipulation, communicative strategy, manipulative influence.

The present paper deals with the problem of manipulation as a communicative strategy in the English language. In the process of manipulation two communication sides are identified - the manipulator and the manipulation object. In the process of manipulative influence a third participant (the mass media), an intermediary, can be also involved. Manipulation impact is divided into two groups - manipulation of the public and manipulation of an individual. Knowing the essence, distinctive features, mechanism and the means of manipulative influence, the object of the manipulative influence is able to resist the manipulator's influence.

M.S. Kharchenko, T.V. Gorbunova

THE HISTORY OF ONE CONSTRUCTION: TO THE ISSUE OF FUNCTIONING OF THE CONSTRUCTION NEITHER/NOR/SO DO I, FORMED ON THE PRINCIPLE OF REFLECTIONAL SYMMETRY

Keywords: symmetry, reflectional symmetry, inversion.

The article is devoted to the analysis of the construction neither/nor/so do I, formed on the principle of reflectional symmetry. Authors try to explain statistical changing of the construction in the process of historical development of the language system from the perspective of syntactical symmetry.

N.F. Khasanova

A PROBLEM OF ANTIVALUES IN AXIOLOGICAL LINGUISTICS

Keywords: Axiology, value, antivalue, language, human, mind, ideals, paradigm.

This article discusses internal world of drug addicts society from the axiological point of view. The content of the inner world of the linguistic personality, value orientations of the individual and society according to the language is studied. Just like values, antivalues can be reflected in the language of the speaker.

И.В. Шерстяных

СТЕРЕОТИПНЫЙ ОБРАЗ ЛЕКСЕМЫ «ЖАНР» В РЕЧИ
НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ
НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)Ключевые слова: жанр, литературный жанр, речевой жанр,
стереотипный образ, вербализация, валентность.

Статья посвящена описанию синтагматики слова «жанр» как инструменту анализа его значений. В сознании носителей русского языка существует стереотипный образ лексемы «жанр», наделенный рядом специфических черт. Лексема «жанр» выступает вербализатором не только художественных произведений, но и нехудожественных, не только речевых феноменов, но и поведенческих. Валентностный анализ, способствующий выявлению сочетательных возможностей лексемы «жанр» и определению его валентностного набора, позволяет увидеть трансформацию в области парадигматики полисеманта «жанр».

М.В. Шурупова

ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОРРЕКТНОСТИ В
УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИКлючевые слова: политическая корректность, языковая
политика, идеология, стереотип.

В статье рассматривается явление политической корректности с позиций его лингвистического воплощения в особых средствах языка. Выбор русского языка в качестве материала для исследования объясняется недостаточной степенью освещения особенностей явления политкорректности в условиях российской действительности.

М.А. Яхин, Г.Р. Еремеева, А.Ю. Ермоленко
СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА
АВТОРСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ НА МАТЕРИАЛЕ
СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ПРОЗЫКлючевые слова: Язык, английский, русский, перевод, неологизм,
функция, метод, формирование.

Статья посвящена понятию «авторский неологизм». В статье рассмотрены и проанализированы переводы двух англоязычных романов: «Гарри Поттер» Дж. Роулинга, «Властелин колец» Дж. Толкина, выполненных переводчиками М. Спивак и И. Оранским, А. Кистьяковским и В. Муравьевым; изучена частотность способов перевода авторских неологизмов переводчиками в текстах. Исследованы основные методы формирования неологизма: аффиксальный способ (префиксальный и суффиксальный способы); словосложение; конверсия; сокращение; обратная деривация; сращение; заимствование из других языков; аббревиация. Также выделена функциональная замена, калькирование, транскрипция, транслитерация, калькирование, описательный перевод (экспликация), переводческий окказионализм.

М.А. Яхин, Г.К. Исмагилова, Н.А. Сигачева
РУССКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ТАТАРСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙКлючевые слова: лингвистика, заимствования, писатель,
татарский язык, русский, двуязычие.

Данная статья посвящена русским заимствованиям в произведениях татарских писателей. Необходимо обратить особое внимание на то, что заимствования имели одно или несколько значений. Некоторые слова не сохранили своего первоначального значения. Слова рассматривались исходя из однозначности, многозначности. После проведения тщательного анализа слов, можно сказать, что татарский литературный язык вобрал в себя огромное количество русских слов. Причиной этому является специфика исторического развития Татарстана.

I.V. Sherstyanykh

THE STEREOTYPICAL IMAGE OF THE TOKENS OF
"GENRE" IN THE SPEECH OF RUSSIAN NATIVE
SPEAKERS (ON BASIS OF THE RUSSIAN NATIONAL
CORPUS)Keywords: genre, literary genre, speech genre, stereotypical
image, verbalization, valence

The article is devoted to the description of the syntagmatics of the word "genre" as a tool for the analysis of its meanings. In the minds of Russian speakers there is a stereotypical image of the lexeme "genre", endowed with a number of specific features. The lexeme "genre" acts as a verbalizer of not only fictions, but also non-fiction, not only speech phenomena, but also behavioral. Valence analysis, which helps to identify the combined capabilities of the lexeme "genre" and the definition of its valence set, allows us to see the transformation in the field of paradigmatic of the polysemant "genre".

M.V. Shurupova

POLITICAL CORRECTNESS IN RUSSIAN REALITY

Keywords: political correctness, language policy, ideology,
stereotype.

The article deals with the notion of political correctness from the viewpoint of its linguistic embodiment in special language units. The choice of the Russian language as the basis for research is objectively explained by the lack of information about PC functioning in Russian reality.

M.A. Yakhin, G.R. Yermeeva, A.Yu. Ermolenko
SPECIFIC TRANSLATION FEATURES OF AUTHOR
NEOLOGISMS ON THE EXAMPLE OF MODERN ENGLISH
PROSEKeywords: Language, English, Russian, translation, neologism,
function, method, formation.

This article explores the notion of "author neologism." The article reviewed and analyzed the translations of two English-language novels: "Harry Potter" by J. Rowling, "The Lord of the Rings" by J. Tolkien, made by translators M. Spivak and I. Oransky, A. Kistyakovsky and V. Muravyov; The frequency of translation methods of copyright neologisms by translators in texts has been studied. The following main methods of its formation are distinguished: affixal method (prefix and suffixal methods), composite, conversion, reduction, inverse derivation, fusion, borrowing from other languages and abbreviation. Functional replacement, translation, transcription, transliteration, tracing, descriptive translation (explication), translation occasionalism are also highlighted.

M.A. Yakhin, G.K. Ismagilova, N.A. Sigacheva
RUSSIAN BORROWINGS IN THE LITERARY WORKS OF
THE TATAR WRITERSKeywords: linguistics, borrowings, writer, Tatar, Russian,
bilingualism.

This article is devoted to the Russian borrowings in the literary works of the Tatar writers. It is necessary to pay a special attention to the fact that borrowings had one or more meanings. Some words did not retain their original meaning. Russian words were undergone phonetic, morphological changes. Words were analyzed on the basis of unambiguity, polysemy. After a thorough analysis of the words, we can say that the Tatar literary language has absorbed a huge number of Russian words. The reason for this is the specificity of the historical development of Tatarstan.

Публичный лицензионный договор-оферта

Редакция журнала «Казанская наука» предлагает Вам присылать свои статьи для публикации на страницах журнала, а также на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ). Предоставление Автором своего произведения является полным и безоговорочным акцептом, т.е. данный договор считается заключенным с соблюдением письменной формы. Присылая для публикации произведение, Автор также предоставляет Редакции журнала права на использование произведения и гарантирует, что он обладает достаточным объемом прав на передаваемое произведение. Также Автор предоставляет редакции журнала право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему Договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения. Все авторские права регулируются в соответствии с действующим законодательством России.

Договор публичной оферты по обработке персональных данных

В процессе осуществления выпуска журнала «Казанская наука» ООО «Казанская наука» и ООО «Казанский Издательский Дом» осуществляется обработка персональных данных, предоставленных авторами статей в рамках сообщения своих регистрационных данных для осуществления публикации в журнале (имя, фамилия, отчество, адрес автора, контактный телефон и e-mail приводятся в регистрационной форме, заполняемой авторами при отправке статьи в журнал). Обработка осуществляется редакцией журнала для целей надлежащей отправки журнала автору и возможности связи с автором лиц, заинтересованных в результатах труда автора статьи. Под обработкой персональных данных в контексте настоящего согласия понимаются действия редакции по сбору, систематизации, накоплению, хранению, использованию, распространению, уничтожению персональных данных, а также действия по их дальнейшей обработке с помощью автоматизированных систем управления базами данных, и иных программных средств, используемых редакцией журнала. Настоящее согласие автора на обработку персональных данных является бессрочным и может быть отозвано в любой момент путем отказа автора от получения журнала и дальнейшей обработки его персональных данных.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№10 2018

www.kazanscience.ru

Лицензия ПИ № ФС77-59615

Подписано в печать 09.11.2018

Формат 60 x 84 1/8. Печать цифровая.

12,7 усл.печ.л. 14,6 уч.изд.л. Тираж 900 экз. Заказ 2330.

Учредитель: ООО «Казанская наука»:

420021, г. Казань, ул. З.Султана, д.17а.

Адрес издательства, типографии – ООО «Казанский Издательский Дом»:

420102, г. Казань, ул.2-ая Юго-Западная, 3

Цена - договорная

© Казанский Издательский Дом

тел.(843) 290-60-15

Отпечатано с готового оригинал-макета

ООО «Казанский Издательский Дом»